

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

РОДНОЙ ЯЗЫК

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№ 1

Москва, 2022

ISSN 2313-5816

DOI 10.37892/2313-5816-2022-1

УДК Закирова 811.351

Майсак 811.351.11

Арманд, Некушоева 811.221.32

Эдельман, Додыхудоева 811.221.3

Войнов 811.512.156

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В. М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А. В. Дыбо, А. А. Кибрик,
М. И. Магомедов, Г. Ц. Пюрбеев, М. З. Улаков, Ф. Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т. Б. Агранат (главный редактор), А. Н. Биткеева, Т. Вьер, А. Вио, В. Ю. Войнов,
К. Т. Гадилия, К. Д. Гаррисон, Т. А. Майсак, О. А. Мудрак, Ю. В. Псянчин,
М. Рисслер, Е. Л. Рудницкая, Л. Уэйли, М. Ш. Халилов, Д. Эршлер*

Редактор *Т. О. Майская*

Верстка *А. А. Маженова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,

Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V. M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A. V. Dybo, F. G. Khisamitdinova,
A. A. Kibrik, M. I. Magomedov, G. Ts. Pyurbeev, M. Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T. B. Agranat (editor-in-chief), A. N. Bitkeeva, D. Erschler, K. T. Gadilia,
K. D. Harrison, M. Sh. Khalilov, T. A. Maisak, O. A. Mudrak, Yu. V. Psyanchin,
M. Rießler, E. L. Rudnitskaya, A. Viaut, V. Yu. Voinov, L. Whaley, Th. Wier*

Editor *T. O. Mayskaya*

Typesetting *A. A. Mazhenova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,

Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <http://rodyaz.ru>,

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Проблемы грамматики *Issues in grammar*

- А. Н. Закирова. Согласование прилагательных по числу в нахско-дагестанских языках: генеалогические и ареальные закономерности*
A. N. Zakirova. Adjectives agreeing for number in the East Caucasian languages: genealogical and areal patterns..... 5
- Т. А. Майсак. Адвербиализатор guža (гужа) в андийском языке*
T. A. Maisak. The adverbializer guža in Andi 50

Лексикология и лексикография *Lexicology and lexicography*

- Е. Е. Арманд, Ш. С. Некушоева. Глаголы 'лить(ся)' и 'сыпать(ся)' в шугнанском языке*
E. E. Armand, Sh. S. Nekushoeva. The verbs meaning 'to pour' in Shughni 73

Слово народа *Mother-tongue texts*

- Дж. И. Эдельман, Л. Р. Додыхудоева. Сказка «О козе и козлятах» на язгулямском языке*
J. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. "The goat and her kids": A Yazghulami folk tale 109

Лингвистические проблемы перевода
Linguistic aspects of translation

В. Войнов. О сакральном и художественном:
сравнение перевода Библии и «Хроник Нарнии»
на тувинский язык

V. Voinov. The sacred and the literary:
On translating the Bible and Narnia into Tuvan 125

Хроника
Recent events

Н. Б. Аралова, Е. М. Будянская, А. П. Евстигнеева
Весенняя школа по сохранению,
развитию и возрождению языков

N. B. Aralova, E. M. Budyanskaya, A. P. Evstigneeva
Spring School for the preservation,
development and revitalization of languages 140

**Согласование прилагательных по числу
в нахско-дагестанских языках:
генеалогические и ареальные закономерности¹**
***Adjectives agreeing for number in the East Caucasian
languages: genealogical and areal patterns***

А. Н. Закирова

A. N. Zakirova

Статья представляет собой обзор согласования прилагательных по числу в нахско-дагестанских языках и языках других семей, находящихся в ситуации языкового контакта с нахско-дагестанскими языками. Для выборки из 59 идиомов мы рассмотрели стратегии согласования прилагательных в атрибутивной позиции по числу и выявили факторы, влияющие на возможность такого согласования. Затем мы оценили вес генеалогического и ареального факторов в распределении стратегий согласования прилагательных по языкам выборки. Оказалось, что генеалогический фактор превалирует, но были обнаружены и случаи ареального взаимодействия, главным образом между аварским и соседними языками.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, согласование по числу, прилагательные, внутригенетическая типология, языковые контакты

This paper provides a survey of number agreement in the East Caucasian languages and languages of other language families in contact with East Caucasian. For a sample of 59 idioms I considered

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит участников семинара Международной лаборатории языковой конвергенции за обсуждение проблематики статьи, а также Т. А. Майсака и двух анонимных рецензентов, чьи комментарии помогли существенно улучшить текст работы.

number agreement strategies of adjectives in the attributive position and established what factors license agreement in these idioms. Besides, I assessed the weight of genealogical and areal factors in the distribution of number agreement patterns across the East Caucasian languages. Although the genealogical factor was found to prevail, instances of features shared due to contact were also found, mainly between Avar and the contacting languages.

Key words: East Caucasian languages, number agreement, adjectives, intragenetic typology, language contact

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-1-5-49

1. Введение

Статья посвящена согласованию прилагательных по числу в нахско-дагестанских языках и в контактирующих с ними языках Кавказа.

Нахско-дагестанские языки известны своими разнообразными механизмами согласования: так, в разных языках этой семьи засвидетельствовано согласование по грамматическому классу (роду), числу, лицу, одушевленности и косвенности. Чаще всего эти механизмы описываются для конкретных языков — в посвященных им грамматиках и статьях. Кроме того, некоторым типам согласования посвящены обзорные статьи, ср. [Forker 2018] о классном согласовании, [Кибрик, Селезнев 1982; Helmbrecht 1996; Sumbatova 2011] о согласовании по лицу, [Kibrik 1995; Даниэль 2021] о согласовании по косвенности.

Категории класса и числа в нахско-дагестанских языках очень часто выражаются кумулятивно. В диссертации [Богуславская 1989] обсуждаются некоторые аспекты согласования прилагательных в нахско-дагестанских языках, но согласование по числу практически не рассматривается отдельно от согласования по классу. Обзоров *специализированного* согласования прилагательных по числу — под этим термином мы будем подразумевать согласование по числу, независимое от классного согласования, — для языков нахско-дагестанской семьи, насколько нам известно,

не существует. Настоящая статья претендует на роль такого обзора.

Используемая в исследовании выборка состоит из 59 идиомов: это 53 идиома нахско-дагестанской семьи и 6 идиомов, принадлежащих к другим семьям, но распространенных на территории Республики Дагестан и сопредельных территориях. Многие из этих языков находятся или ранее находились в ситуации языкового контакта с нахско-дагестанскими языками. Основным источником исследования послужили грамматические описания языков выборки. Кроме того, данные андийского языка в его диалектном разнообразии были собраны в с. Зило (< верхнеандийский диалект) в экспедициях 2017–2019 гг. и в с. Муни (< нижнеандийский диалект) в июле 2021 г., а затем посредством онлайн-элицитации в WhatsApp.

Задачей исследования было установить, в каких языках выборки имеется специализированное согласование прилагательных по числу и какие факторы влияют на возможность такого согласования. При этом нас интересовали только те случаи согласования, при которых согласующееся прилагательное употребляется как атрибут при ненулевой вершине в абсолютиве. Это ограничение объясняется следующими соображениями. Во-первых, прилагательные, употребленные без выраженной вершины, в языках Дагестана изменяются по падежу, в то время как прилагательные, употребленные при выраженной вершине, падежной морфологии не присоединяют, см. например [Fedorenko 2019]. Во-вторых, в некоторых языках Дагестана прилагательные при вершинах в косвенных падежах демонстрируют согласование по косвенности [Даниэль 2021]. Чтобы минимизировать маркирование по падежу и косвенности, мы рассматриваем для всех языков прилагательные, употребленные при вершине в одном и том же падеже — абсолютиве.

В исследовании мы использовали методологию, принятую в проекте Типологического атласа языков Дагестана [TALD]. Для каждого идиома выборки были определены зна-

чения двух признаков: «Наличие специализированного согласования по числу на прилагательных в атрибутивной позиции» и «Факторы, влияющие на согласование по числу прилагательных в атрибутивной позиции». Значения этих признаков были помещены в базу данных, нанесены на карту и проанализированы на предмет генеалогических и ареальных закономерностей.

2. Типы языков Дагестана по выражению согласования по числу

В результате этого исследования на материале выборки были выделены возможные типы языков по тому, как в них устроено согласование прилагательных:

1. языки с **обязательным** согласованием прилагательных по числу;
2. языки, в которых согласование прилагательных по числу **невозможно**;
3. языки, в которых согласование прилагательных по числу **зависит от определенных факторов**.

Последний тип можно разделить на несколько подтипов в зависимости от того, какие факторы влияют на согласование прилагательных по числу:

- 3А: языки, в которых согласование прилагательного по числу обусловлено наличием в его составе некоторого **словообразовательного аффикса**;
- 3В: языки, в которых согласование прилагательного по числу обусловлено наличием в его составе некоторого **словоизменительного аффикса** (например, показателя полной формы или показателя контрастивности);
- 3С: языки, в которых согласование прилагательного по числу является **свойством его основы (лексический фактор)**;

- ЗД: языки, в которых возможность согласования прилагательного по числу зависит от **граммемы категории числа**.

Наконец, еще один фактор, который, согласно типологическим соображениям, может коррелировать с согласованием по числу, — это одушевленность контролера согласования [Corbett 2006: 190–191]. Как будет показано дальше, в двух языках андийской ветви, багвалинском и тиндинском, показатели классно-числового согласования в принципе могут быть проанализированы как последовательности двух морфем — классно-числового показателя (КЧП) и специализированного показателя числа. Второй элемент такой последовательности, специализированный показатель числа, встречается только на прилагательных, модифицирующих одушевленные существительные. Таким образом, можно отнести багвалинский и тиндинский к еще одному типу — ЗЕ: языки, в которых согласование прилагательного по числу зависит от **одушевленности вершины**. Однако в используемых грамматических описаниях багвалинского и тиндинского принят другой анализ; таким образом, выделение этого типа спорно.

Логически возможен, но не встретился тип, при котором согласование по числу полностью факультативно и не обусловлено никакими факторами; впрочем, возможно, что подобные примеры просто не попали в описательные грамматики.

Прежде чем мы приступим к подробному обзору специализированного согласования по числу, следует вкратце охарактеризовать другой тип согласования — кумулятивное классно-числовое согласование прилагательных, которое широко распространено в нахско-дагестанских языках. Во многих языках нахско-дагестанской семьи прилагательные имеют слоты для кумулятивных классно-числовых показателей (КЧП) в префиксальной, инфиксальной или суффиксальной позиции. Наличие слота для КЧП в префиксальной или инфиксальной позиции всегда является

лексическим свойством прилагательного, ср. в зилловском андийском <CL>*eč'uχa* ‘большой’, но *mič'i* ‘маленький’.

(1) ВЕРХНЕАНДИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ (с. Зило, полевые материалы автора)

<i>a. w-etʃ'uχa</i>	<i>hek'ʷa</i>	<i>b. r-etʃ'uχa</i>	<i>hon</i>
М-большой	человек	Н2-большой	село
‘старый человек’ (букв. ‘большой человек’)		‘большое село’	

(2) ВЕРХНЕАНДИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ (с. Зило, полевые материалы автора)

<i>a. mič'i</i>	<i>hek'ʷa</i>	<i>b. mič'i</i>	<i>hon</i>
маленький	человек	маленький	село
‘молодой человек’ (букв. ‘маленький человек’)		‘маленькое село’	

Наличие же суффиксального слота для КЧП в части языков является лексическим свойством отдельных прилагательных, а в части — свойством всего класса прилагательных. Так, в зилловском говоре андийского языка прилагательных с суффиксальным КЧП только два: *ʃu<CL>* ‘хороший’ и *hek'u<CL>* ‘чужой’. С другой стороны, в каратинском языке все прилагательные имеют суффиксальный КЧП. Наконец, в некоторых языках, например в рутульском, никакие прилагательные не имеют слотов для КЧП. Наиболее полный обзор классно-числового согласования прилагательных приводится в уже упомянутой работе [Богуславская 1989]. Кумулятивное классно-числовое согласование не подпадает под наше определение специализированного согласования по числу, но в ряде случаев эти два типа оказываются трудноразличимы (см. раздел 2.2.1 об аварском) или же взаимодействуют нетривиальным образом (см. раздел 2.3 о лезгинских и 2.5 о лакском).

Рассмотрим теперь, как выглядит специализированное согласование по числу в каждой генетической группе выборки. Нас будет интересовать, к какому типу относятся языки каждой группы и какое морфологическое маркирование согласования по числу им свойственно.

2.1 Нахские языки: типы 3А, 3С

В чеченском языке согласование по числу является лексическим свойством немногих адъективных основ, ср. (3), в котором прилагательное *s'ien* ‘красный’ не согласуется по

числу со своей вершиной, и (4), в котором прилагательное *gottaⁿ* ‘узкий’ демонстрирует согласование по числу с помощью мены гласных в корне и суффикса *-i:*ⁿ. Помимо *gottaⁿ*, в [Яковлев 1960: 54] перечислены еще шесть прилагательных, согласующихся по числу с помощью суффикса и иногда мены гласных, и утверждается, что ими список не ограничивается («и немногие другие»).

(3) ЧЕЧЕНСКИЙ [Яковлев 1960: 41]²

a. цIен байракх		b. цIен байракхаш	
<i>c'ien</i>	<i>bajraqχ</i>	<i>c'ien</i>	<i>bajraqχ-aš.</i>
красный	знамя	красный	знамя-PL
‘красное знамя’		‘красные знамена’	

(4) ЧЕЧЕНСКИЙ [Nichols 1994: 30]

a. <i>got:ā</i>	b. <i>gat:-ī:</i>
узкий.SG	узкий-PL
‘узкий’	‘узкие’

Похожая ситуация наблюдается в ингушском, в котором согласуются по числу только два прилагательных. Прилагательное *zwam* ‘молодой’ образует множественное число с помощью супплетивной основы (5) и суффикса *-i:*; прилагательное <CL>*oaq:a* ‘большой’ во множественном числе также присоединяет суффиксальный показатель *-i:* (6).

(5) ИНГУШСКИЙ [Nichols 2011: 221]

a. <i>zwam</i>	<i>sag</i>	b. <i>keg-i:</i>	<i>naχ</i>
молодой	человек	молодой.PL-PL	человек.PL
‘молодой человек’		‘молодые люди’	

² Здесь и далее примеры из источников, использующих орфографию, цитируются в орфографии, а в следующей строке снабжены транскрипцией. В примерах из источников, использующих транскрипцию, транскрипция в некоторых местах модифицирована в целях унификации. Примеры из негlossированных источников снабжены глоссами; в примерах с glossированными источниками глоссы в некоторых местах модифицированы в целях унификации.

(6) ИНГУШСКИЙ [Nichols 2011: 220]

<i>a. w-ooaq̣:a</i>	<i>sag</i>	<i>b. b-ooaq̣:i:</i>	<i>naχ</i>
М-большой	человек	НPL-большой-PL	человек.PL
‘старый человек’		‘старые люди’	

Таким образом, в чеченском и ингушском согласование прилагательных по числу обусловлено лексическим фактором (тип ЗС). В цова-тушинском языке, однако, помимо лексического фактора ЗС действует также фактор словообразовательного аффикса (тип ЗА): помимо нескольких прилагательных типа <CL>*aq:oⁿ* ‘большой’ — когната ингушского <CL>*ooaq̣:a*, — согласование по числу встречается также на прилагательных, образованных с помощью некоторых суффиксов, напр. *-ē* (мн. ч. *-ā*), *-rē* (мн. ч. *-rā*):

(7) ЦОВА-ТУШИНСКИЙ [Дешериев 1953: 185]

<i>a. kʰolxoz-ē</i>	машина	<i>b. kʰolxoz-a</i>	машина-иш
<i>kʰalxoz-ē</i>	<i>mašina</i>	<i>kʰalxoz-ā</i>	<i>mašina-iš</i>
колхоз-ATTR	машина	колхоз-ATTR.PL	машина-PL
‘колхозная машина’		‘колхозные машины’	

Данные нахских языков обобщены в Таблице 1:

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
1	чеченский	ЗС	мена гласных; суффиксация	[Яковлев 1960: 36–54]; [Nichols 1994: 30]
2	ингушский	ЗС	супплетивизм; суффиксация	[Nichols 2011: 220–221]
3	цова-тушинский (бацбийский)	ЗА, ЗС	суффиксация	[Дешериев 1953: 186]

Таблица 1. Согласование по числу в нахских языках

2.2 Аваро-андо-цезские языки

2.2.1 Аварский язык: типы ЗА, ЗВ и ЗС

В аварском языке согласовательные показатели числа на прилагательных тесно связаны с категорией именного

класса, так как класс и число на прилагательных маркируются с помощью одного и того же механизма. Префиксы и суффиксы прилагательных в единственном числе маркируют класс существительного (мужской, женский или средний), во множественном же числе во всех случаях прилагательное имеет показатель *r*- (в позиции префикса) или *-l* (в позиции суффикса) — см. Таблицу 2. При этом в то время как префикс множественного числа *r*- встречается в словах всех морфологических классов, суффиксальное *-l* характерно только для атрибутивных зависимых, а в наречиях в качестве суффикса множественного числа используется *-r*, ср. *žani-r* [внутри-PL] ‘внутри’ [Алексеев и др. 2012: 228]. На наш взгляд, это может быть аргументом в пользу того, что суффикс *-l* является специализированным показателем множественного числа атрибутивных зависимых, в то время как *r*- можно трактовать и как специализированный показатель множественного числа, и как кумулятивный КЧП.

	SG	PL
М (мужской род)	<i>w</i>	<i>r/l</i>
F (женский род)	<i>j</i>	
N (средний род)	<i>b</i>	

Таблица 2. Согласовательные показатели аварского языка, используемые на прилагательных

Рассмотрим теперь факторы, от которых зависит возможность согласования конкретных прилагательных по числу. В аварском языке прилагательные имеют краткую и полную форму: ср. краткую форму *lik'* прилагательного ‘хороший’ и его полную форму *lik'-a<CL>*. Согласно [Алексеев и др. 2012: 182–183], краткие формы прилагательных имеют ограниченный круг употреблений — в качестве эпитетов и модификаторов глагола, а полные формы используются в остальных случаях. Краткие формы согласуются по классу и числу, только если в составе корня у них есть слот для

КЧП, что является лексическим свойством прилагательно-го. Полные формы прилагательных имеют в составе суффикс *-a<CL>* и таким образом всегда согласуются по классу и числу — либо только с помощью суффикса, либо с помощью префикса и суффикса, как в (8). Таким образом, согласование по числу зависит от того, стоит ли прилагательное в полной или краткой форме (тип 3В), а также от лексических характеристик основы (тип 3С). Дополнительная сложность состоит в том, что суффикс *-a<CL>* также может выступать в качестве деривационного, образуя прилагательные от слов других частей речи, напр. от *bet'er* ‘голова’ образуется прилагательное *bet'era<CL>* ‘главный’. Так как суффикс *-a<CL>* в аварском имеет промежуточный статус, можно сказать, что в аварском согласование по числу регулируется факторами 3А, 3В и 3С.

(8) АВАРСКИЙ [Forker 2020]

<i>a. w-ic:at-a-w</i> М-толстый-FULL-M ‘толстый мужчина’.	<i>či</i> мужчин	<i>b. r-ic:at-a-l</i> PL-толстый-FULL-PL ‘толстые мужчины’	<i>čaŋi</i> мужчина.PL
<i>c. j-ic:at-a-j</i> F-толстый-FULL-F ‘толстая женщина’	<i>č:uži</i> женщина	<i>d. r-ic:at-a-l</i> PL-толстый-FULL-PL ‘толстые женщины’	<i>ručabi</i> женщина.PL
<i>e. b-ic:at-a-b</i> N-толстый-FULL-N ‘толстая книга’	<i>t'ex</i> книга	<i>f. r-ic:at-a-l</i> PL-толстый-FULL-PL ‘толстые книги’	<i>t'axal</i> книга.PL

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
4	аварский (литературный)	3А, 3В, 3С	префиксация, суффиксация	[Алексеев и др. 2012: 182–183]; [Forker 2020]
5	аварский (с. Закагала)	3А, 3В, 3С	префиксация, суффиксация	[Саидова 2007: 95]

Таблица 3. Согласование по числу в аварском языке

2.2.2 Андийские языки (типы 1, 2, 3С, 3Е)

Андийские языки в отношении согласования обнаруживают значительную вариативность. Так, в каратинском языке прилагательные обязательно согласуются по числу с вершинным именем. После классно-числовых показателей они присоединяют показатель множественного числа *-aj*, который, возможно, имеет общее происхождение с каратинским суффиксом множественного числа существительных *-aj* — ср. список суффиксов существительных в [Магомедбекова 1971: 43–49].

(9) КАРАТИНСКИЙ [Магомедова, Халидова 2001: 97, 113, 154, 288, 296]

a. хьогъов гьекIва		d. хьарсимобай гла ^а ди	
<i>çoho-w</i>	<i>hek'wa</i>	<i>qχars:imo-b-aj</i>	<i>ʕādi</i>
хороший-М	человек	скупой-NPL-PL	человек.PL
'хороший человек'		'скупые люди'	
b. хьогъой гьаркIука		e. щеборай гуржи-чарухъабди	
<i>çoho-j</i>	<i>hark'uk'a</i>	<i>šebo-r-aj</i>	<i>gurži-čaruqχ-abdi</i>
хороший-Ф	женщина	добротный-NPL-PL	грузин-чарык-PL
'хорошая женщина'		'добротные полусапожки'	
c. хьогъоб х̣абар			
<i>çoho-b</i>	<i>χ:abar</i>		
хороший-N	новость		
'хорошие новости'			

В верхнеандийском диалекте андийского языка тоже обнаруживается обязательное согласование прилагательных по числу (10). В нижнеандийском, напротив, прилагательные по числу не согласуются (11).

(10) ВЕРХНЕАНДИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ (с. Зило, полевые материалы автора)

a. <i>hiri</i>	<i>džindži</i>	b. <i>hir-ol</i> /	<i>*hiri</i>	<i>džindži-l</i>
красный	цветок	красный-PL /	*красный	цветок-PL
'красный цветок'		'красные цветы'		

(11) НИЖНЕАНДИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ (с. Муни, полевые материалы автора)

a. <i>hiri</i>	<i>džindži</i>	b. <i>hiri</i> /	<i>*hiro-li</i>	<i>džindžiʔo-li</i>
красный	цветок	красный /	*красный-PL	цветок.PL-PL
'красный цветок'		'красные цветы'		

Интересный, в некотором смысле пограничный случай представляет собой багвалинский: согласно [Кибрик и др. 2001: 152–155], специального согласования по числу в багвалинском нет. Однако, как можно видеть из (12), багвалинский суффиксальный показатель класса людей во множественном числе (*-ba*) отличается и от своей префиксальной версии (*-b*), и от суффиксального показателя класса не-людей во множественном числе (*-r*) тем, что он «наращивает» дополнительный сегмент *-a*.

(12) БАГВАЛИНСКИЙ

<i>a. w-aharu-w</i> М-старый-М ‘старый отец’	<i>ima</i> отец	<i>b. b-aharu-ba</i> NPL-старый-NPL ‘старые родители’	<i>imari</i> родители
<i>c. b-eč'atu-b</i> N-черный-N ‘черная корова’	<i>zin</i> корова	<i>d. r-eč'atu-</i> NPL-черный-NPL ‘черные коровы’	<i>zin-a</i> корова-PL

Сегмент *a* в багвалинском *-ba* мы предлагаем рассматривать как показатель множественного числа. Таким образом, багвалинское *-a* оказывается параллелью к каратинскому *-aj*: оно также может быть возведено к одному из багвалинских показателей множественного числа *-a*, ср. *zin* ‘корова’ — *zin-a* ‘коровы’. Возможно также, что похожая ситуация имеет место в тиндинском (ср. варианты суффикса класса людей *-b/-bi* в [Магомедова 2012: 109]). Отличие багвалинской ситуации от каратинской, однако, состоит в том, что сегмент *-a* не распространился на класс не-людей во множественном числе. Багвалинский и тиндинский мы таким образом относим к типу ЗЕ.

В годоберинском языке лишь небольшая часть прилагательных имеет префиксальные и/или суффиксальные слоты для классно-числовых показателей. Прилагательные, имеющие суффиксальные слоты, в единственном числе заполняют эти слоты классно-числовыми показателями (13а, б, с). Однако для форм множественного числа, согласно [Саидова 1973: 79–80], доступны два варианта: помимо исконных классно-числовых показателей *npl -b* и *NPL -r*, суффик-

сальные слоты формы множественного числа могут маркироваться показателем *-l*, заимствованным из аварского языка (13d, e). Статус *-l* в годоберинском отличается от статуса *-l* в аварском в сторону еще большей специализированности годоберинского *-l* как показателя числа: в то время как префиксальные КЧП в годоберинском демонстрируют оппозицию множественного числа класса людей и множественного числа класса не-людей, заимствованный показатель *-l* в (13d, e) выглядит одинаково для форм обоих классов, что еще больше отграничивает его от системы КЧП.

(13) ГОДОБЕРИНСКИЙ [Саидова 1973: 76]:

a. волларав *w-ollara-w*
M-тонкий-M
'тонкий (о мужчине)'

d. беллараб / белларал
b-ellara-b / b-ellara-l
NPL-тонкий-NPL NPL-тонкий-PL
'тонкие (о людях)'

b. йелларай
j-ellara-j
F-тонкий-F
'тонкая (о женщине)'

c. беллараб *b-ellara-b*
N-тонкий-N
'тонкое (о предмете/животном)'

e. релларар / релларал
r-ellara-r / r-ellara-l
NPL-тонкий-NPL NPL-тонкий-PL
'тонкие (о предметах/животных)'

Согласно [Саидова, Абусов 2012: 547], заимствованный из аварского суффикс множественного числа *-l* встречается и в ботлихском языке. Кроме того, в [Закирова 2020] обсуждается аналогичное происхождение верхнеандийского показателя множественного числа прилагательных *-l*.

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
6	верхнеандийский (с. Анди)	1	суффиксация	[Церцвадзе 1965: 343–344]

7	верхнеандийский (с. Риквани)	1	суффиксация	[Сулейманов 1957: 272–286]
8	верхнеандийский (с. Гагатли)	1	суффиксация	[Салимов 2010: 117–121]
9	верхнеандийский (с. Зило)	1	суффиксация	[Закирова 2020]
10	нижнеандийский (с. Муни)	2	-	полевые материалы автора
11	чамалинский (с. Верхнее Гаквари)	1	суффиксация	[Бокарев 1949: 56–60]
12	тиндинский (с. Тинди)	3Е	суффиксация	[Магомедова 2012: 109]
13	годоберинский (с. Годобери)	3С	суффиксация	[Kibrik et al. 1996: 24–28]; [Саидова 1973: 79–80]
14	ахвахский (североахвахский)	2	-	[Магомедбекова 1967: 39]
15	ахвахский (с. Тад-Магитль)	2	-	[Магомедова, Абдулаева 2007: 677–681]
16	ахвахский (с. Ратлуб)	2	-	[Абдулаева 2001: 70–74]
17	каратинский (с. Карата)	1	суффиксация	[Магомедбекова 1971: 85–93]
18	каратинский (с. Анчик)	1	суффиксация	[Магомедбекова 1971: 85–93]
19	каратинский (с. Арчо)	1	суффиксация	[Магомедбекова 1971: 85–93]
20	каратинский (с. Тукита)	1	суффиксация	[Магомедбекова 1971: 85–93]
21	каратинский (с. Чабакори)	1	суффиксация	[Магомедбекова 1971: 85–93]
22	каратинский (с. Маштада)	1	суффиксация	[Магомедбекова 1971: 85–93]
23	каратинский (с. Рацитли)	1	суффиксация	[Магомедбекова 1971: 85–93]

24	ботлихский (с. Ботлих)	ЗС	суффиксация	[Азаев 2000: 353–354] [Саидова, Абусов 2012: 547]
25	багвалинский (с. Кванада)	ЗЕ	суффиксация	[Кибрик 2001: 152–155]

Таблица 4. Согласование по числу в андийских языках

2.2.3 Цезские языки (1, 2, ЗС)

Цезские языки, как и андийские, не гомогенны внутри своей общности: в некоторых из них, например в гинухском (14), специализированное согласование прилагательных по числу невозможно. В других прилагательные согласуются по числу: например, в гунзибском исконные прилагательные согласуются с помощью показателя *-ar*, который, как и согласовательные показатели в каратинском и багвалинском, может быть возведен к одному из показателей множественного числа существительных [van den Berg 1995: 39–41]. Прилагательные, заимствованные из аварского, согласно [Исаков, Халилов 2012], образуют множественное число с помощью показателя *-la*, однако в цитируемых примерах (15с, d) прилагательное *q'uwatab* во множественном числе не изменяется.

(14) ГИНУХСКИЙ [Халилов, Исаков 2005: 1033]

a. йегй кед		b. беги кедби	
<i>j-egi:</i>	<i>ked</i>	<i>b-egi:</i>	<i>ked-bi</i>
Ғ-хороший	девушка	NPL-хороший	девушка-PL
‘хорошая девушка’		‘хорошие девушки’	

(15) ГУНЗИБСКИЙ [van den Berg 1995: 58; Исаков, Халилов 2012: 149–150]

a. <i>j-ɨer.u</i>		b. <i>b-ɨer-ar</i>	
<i>kid</i>		<i>kid-ba</i>	
Ғ-маленький	девочка	NPL-маленький-PL	девочка-PL
‘маленькая девочка’		‘маленькие девочки’	

c. къуватаб суклу		d. къуватаб суклува	
<i>q'uwatab</i>	<i>suk'u</i>	<i>q'uwatab</i>	<i>suk'u-wa</i>
сильный	человек	сильный	человек-PL
‘сильный человек’		‘сильные люди’	

Бежтинский язык в отношении согласования прилагательных по числу демонстрирует диалектное варьирование: в говоре с. Бежта часть прилагательных имеет специализированные показатели согласования по числу, но есть и несколько (порядка двадцати) прилагательных, которые по числу не изменяются [Комри и др. 2015: 277–288]. С другой стороны, согласно описаниям говора с. Тлядал [Бокарев 1959: 92–93], все прилагательные во множественном числе присоединяют показатели *-aro* или *-la*; последний характерен для аварских заимствований. Суффикс *-ar* также упоминается в очерке [Kibrik, Testelec 2004], посвященном тлядалскому говору.

(16) БЕЖТИНСКИЙ [Бокарев 1959: 92]

a. укьо оже		b. букъаро ожеда	
<i>uq'-o</i>	<i>ože</i>	<i>b-uq'-ar-o</i>	<i>ože-da</i>
М.большой-DIR	мальчик	HPL-большой-PL-DIR	мальчик-PL
‘большой мальчик’		‘большие мальчики’	

В цезском и хваршинском языках, по-видимому, имеет место особая ситуация. Так, для цезского разные грамматические описания предлагают разные трактовки суффикса *-t'a*, который может выступать на зависимых в именной группе. Согласно [Comrie 2007: 1198], *-t'a* — это показатель множественного числа прилагательных, к которому в атрибутивной позиции также добавляется суффикс определенности *-ni*:

(17) ЦЕЗСКИЙ [Comrie 2007: 1198]

<i>b-igu-t'a-ni</i>	<i>uzi-bi</i>
М.PL-хороший-PL-DEF	мальчик-PL
‘хорошие мальчики’	

В работе [Polinsky ms: 7] предлагается другой анализ: *-t'a* рассматривается не как показатель согласования, а как дистрибутивный показатель, который в принципе может присоединяться к любым типам словоформ, кроме финитных глаголов. Дистрибутивное прочтение может быть обусловлено множественным участником, множественным событием или множественным временем/

местом события. Например, в (18) именная группа *heneš-t'a* ‘по яблоку’ имеет дистрибутивное прочтение: предложение описывает событие с множественным участником-Реципиентом — детьми, и каждому из этих участников ставится в соответствие участник-Тема — яблоко.

(18) ЦЕЗСКИЙ [Polinsky ms: 13–14]

<i>nel-ä</i>	<i>heneš-t'a</i>	<i>hex-za-r</i>	<i>teλ-si</i>
DEM.NM-ERG	яблоко-DISTR	ребенок-OBL-LAT	дать-PST.WIT
‘Она дала детям по яблоку.’			

Если показатель *-t'a* используется в атрибутивной позиции, то его поведение зависит от лексических свойств прилагательного: для некоторых прилагательных показатель *-t'a* факультативен, для других — обязателен.

Например, на прилагательном *xirijaw* ‘дорогой’ показатель *-t'a* факультативен. Для таких прилагательных формы с показателем *-t'a* и без него различаются набором возможных интерпретаций: так, пример (19a), содержащий *-t'a*, имеет только одну, дистрибутивную интерпретацию: ‘кольца, каждое из которых дорогое’. С другой стороны, пример (19b), не содержащий *-t'a*, имеет две интерпретации: помимо описанной выше интерпретации ‘кольца, каждое из которых дорогое’, для него возможна другая интерпретация — ‘кольца, которые все вместе дорогие’, при этом каждое отдельное кольцо может не быть дорогим.

(19) ЦЕЗСКИЙ [Polinsky ms: 14]

- a. *xirijaw-t'a* *bašiqoj-bi*
 дорогой-DISTR кольцо-PL
 1. ‘кольца, каждое из которых дорогое’
 2. #‘кольца, которые все вместе дорогие’
- b. *xirijaw* *bašiqoj-bi*
 дорогой кольцо-PL
 1. ‘кольца, каждое из которых дорогое’
 2. ‘кольца, которые все вместе дорогие’

Некоторые прилагательные в цезском, однако, обязательно требуют наличия показателя *-t'a* при вершине мно-

жественного числа. В [Polinsky ms] эти прилагательные вслед за [Schwartzschild 2011] описываются как *stubbornly distributive* (рус. *упрямо дистрибутивные*), т. е. такие, которые при референции к множественным объектам допускают только дистрибутивное прочтение (типа 1) и не допускают коллективного прочтения (типа 2). В числе таких «упрямо дистрибутивных» прилагательных цезского языка в [Polinsky ms] перечисляются прилагательные размера, а именно <CL>*exora* ‘длинный’, *koʹon* ‘короткий’, <CL>^e*eye* ‘маленький’ и <CL>^e*že* ‘большой’.

(20) ЦЕЗСКИЙ [Polinsky ms: 10]

<i>r-exora-t'a</i> /	* <i>r-exora</i>	<i>añ-ja-bi</i>
NM.PL-высокий-DISTR	NM.PL-высокий	ухо-OBL-ABS.PL
‘длинные уши’		

Похожая ситуация, по-видимому, имеет место и в хваршинском языке, в котором суффикс *-t'a* ведет себя подобным образом [Khalilova 2009: 101, 178; Шарафутдинова, Левина 1961: 112, 113]. В [Бокарев 1959: 159] этот суффикс характеризуется как факультативный показатель числа, «причем наличие этого показателя свидетельствует о специальном желании говорящего указать на качество».

Цезский материал, как нам кажется, позволяет сделать некоторые интересные предположения. Во-первых, существует следующая корреляция: если вершина ИГ маркирована показателем множественного числа, то ее модификаторы, в частности прилагательные, с большой вероятностью будут маркированы показателем *-t'a*. По этой причине в [Comrie 2007] показатель *-t'a* был квалифицирован как согласовательный показатель множественного числа. Во-вторых, так как для «упрямо дистрибутивных» прилагательных маркирование с помощью показателя *-t'a* обязательно, для этих прилагательных оно оказывается неотличимым от согласования. Возможно, что употребления дистрибутивных показателей на таких прилагательных могут грамматизироваться в согласовательные показатели числа.

Последнее утверждение, впрочем, требует отдельного исследования.

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
26	цезский (литературный)	1 (2)	суффиксация (-)	[Polinsky ms: 4–5]; [Comrie 2007: 1198]
27	хваршинский (с. Квантлада)	1 (2)	суффиксация (-)	[Khalilova 2009: 101], [Шарафутдинова, Левина 1961: 113], [Бокарев 1959: 159]
28	гинухский (с. Генух)	2	-	[Forker 2013: 185]
29	гунзибский (с. Гунзиб)	1	суффиксация	[Van den Berg 1995: 58]
30	бежтинский (с. Бежта)	3С	суффиксация	[Комри и др. 2015: 277–288]
31	бежтинский (с. Тлядал)	1	суффиксация	[Kibrik, Testelec 2004], [Бокарев 1959: 92–93]

Таблица 5. Согласование по числу в цезских языках

2.3 Лезгинские языки (2, 3А)

В большинстве лезгинских языков прилагательные в атрибутивной позиции не согласуются по числу:

(21) ЛЕЗГИНСКИЙ [Haspelmath 1993: 431, 400]

<i>a. q^hsan</i>	<i>kar</i>	<i>b. q^hsan</i>	<i>xabar-ar</i>
хороший	вещь	хороший	новость-PL
‘хорошая вещь’		‘хорошие новости’	

Единственным исключением оказывается арчинский, в котором большинство признаков слов содержат показатель атрибутива. В единственном числе этот показатель маркирует класс вершины и имеет вид *-t:u<CL>*. Во множественном числе классная оппозиция нейтрализуется и единственным показателем атрибутива множественного числа выступает *-t:ib*.

(22) АРЧИНСКИЙ [Кибрик 1977: 189]

<i>a. hiba-t:u-∅</i>	<i>dija</i>	<i>c. hiba-t:ib</i>	<i>lo-bur</i>
хороший-ATTR-M	отец	хороший-ATTR-PL	ребенок-PL
‘хороший отец’		‘хорошие дети’	
<i>b. hiba-t:u-r</i>	<i>buwa</i>		
хороший-ATTR-F	мать		
‘хорошая мать’			

В арчинских атрибутивных формах можно усмотреть сходство с аварскими полными формами прилагательных: и те, и другие в единственном числе демонстрируют согласование по классу, а во множественном — нейтрализацию классных оппозиций. Различие же между ситуациями в аварском и арчинском состоит в том, что в аварском полные формы прилагательных в большинстве своем имеют краткие соответствия, т. е. показатель полной формы *-a<CL>*, по крайней мере в части своих употреблений, является словоизменительным показателем, а в арчинском формы на *-t:u<CL>/-t:ib* кратких соответствий не имеют: показатель арчинского атрибутива — это не словоизменительный, а словообразовательный показатель.

Мы полагаем, что это сходство не случайно. Так как арчинский — единственный язык лезгинской ветви с согласованием прилагательных по числу и единственный лезгинский язык, находящийся в контакте с аварским [Добрушина 2011], согласование атрибутивных форм действительно может объясняться аварским влиянием.

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
32	арчинский (с. Арчиб)	3А	суффиксация	[Кибрик 1977: 113–114]
33	лезгинский (литературный)	2	-	[Haspelmath 1993: 110]

34	табасаранский (литературный)	2	-	[Алексеев, Шихалиева 2003: 48–49] [Магометов 1965: 151–155]
35	агульский (центральный)	2	-	[Магометов 1970: 48]
36	цахурский (с. Мишлеш)	2	-	[Кибрик 1999: 318–322]
37	рутульский (с. Рутул)	2	-	[Ибрагимов 2004: 72–75]
38	будухский (с. Будух)	2	-	[Талибов 2007: 107]
39	крызский (с. Алик)	2	-	[Authier 2009: 71]
40	удинский (с. Нидж)	2	-	[Mobili 2010: 318]

Таблица 6. Согласование по числу в лезгинских языках

2.4 Даргинские языки (1, 2, 3А, 3В)

Даргинские языки внутри своей генеалогической общности также демонстрируют существенные различия. Так, в мегебском (23) и кубачинском [Магометов 1963: 131–132] прилагательные не согласуются по числу:

(23) МЕГЕБСКИЙ ДАРГИНСКИЙ [Магометов 1982: 50]

<i>a. aq-il</i>	<i>adami</i>	<i>b. aq-il</i>	<i>adam-ule</i>
высокий-ADJ	человек	высокий-ADJ	человек-PL
‘высокий человек’		‘высокие люди’	

С другой стороны, в литературном даргинском [Абдуллаев 1954: 134] часть прилагательных демонстрирует согласование по числу. Если прилагательное заканчивается на *-si* или *-(i)l*, то во множественном числе эти показатели заменяются на показатель *-ti* (24а, б). Если же прилагательное является неоформленным или заканчивается на *-a*, *-ar*, *-či*, *-kar*, то оно не согласуется по числу (24с, д).

(24) ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАРГИНСКИЙ [Абдуллаев 1954: 134]

a. ахIси колхоз		b. ахIти колхозуни	
<i>aħ-si</i>	<i>kaħuz</i>	<i>aħ-ti</i>	<i>kaħuz-uni.</i>
хороший-ADJ.SG	колхоз	хороший-ADJ.PL	колхоз-PL
‘хороший колхоз’		‘хорошие колхозы’	
c. ахъ дубура		d. ахъ дубурти	
<i>aq</i>	<i>dubura</i>	<i>aq</i>	<i>dubur-ti</i>
высокий	гора	высокий	гора-PL
‘высокая гора’		‘высокие горы’	

Таким образом, для литературного даргинского можно сделать вывод, что согласование прилагательного зависит от того, входят ли в его состав определенные словообразовательные суффиксы (тип 3А).

Описания других даргинских идиомов скорее свидетельствуют в пользу другой интерпретации. Например, в ицаринском даргинском [Sumbatova, Mutalov 2003: 47–48] прилагательные имеют краткую и полную форму. Краткие немаркированные формы употребляются только атрибутивно, в то время как полные формы (в единственном числе оканчивающиеся на *-ci*, во множественном на *-ti*) используются в разных синтаксических позициях: атрибутивно, при эллипсисе вершины и в позиции предиката (25). Атрибутивные употребления форм на *-ci/-ti* имеют рестриктивные/контрастивные интерпретации (26).

(25) ИЦАРИНСКИЙ ДАРГИНСКИЙ [Sumbatova, Mutalov 2003: 48]

<i>leil</i>	<i>di-la</i>	<i>dehni</i>	<i>čak^w:a-ti-ca-b</i>
все<HPL>	я-GEN	ребенок.PL	красивый-FULL.CONTR.PL-PRS-N
‘Все мои дети красивые’.			

(26) ИЦАРИНСКИЙ ДАРГИНСКИЙ [Sumbatova, Mutalov 2003: 48]

<i>dam</i>	<i>it'in-ci</i>	<i>ay^wa</i>	<i>b-ik:-ul-da</i>
я.SUPLAT	красный-FULL.CONTR	платье	N-хотеть.IPF-CVB-M
‘Я хочу красное платье’.			

Показатели *-ci* и *-ti* в ицаринском, таким образом, оказываются словоизменительными, а не словообразовательными (тип 3В).

В большинстве даргинских идиомов единственный показатель множественного числа прилагательных — это суффикс *-ti*, который формально тождествен одному из суффиксов множественного числа существительных *-ti*, см. список в [Sumbatova, Mutalov 2003: 12]. В нескольких других идиомах — меусишинском, муиринском и уркарахском — есть еще один показатель множественного числа *-bi*, который присоединяется к прилагательным на *-a* и предположительно также восходит к суффиксу множественного числа существительных [Гасанова 1971: 89, 200, 239].

(27) МЕУСИШИНСКИЙ ДАРГИНСКИЙ [Гасанова 1971: 239]

a. ухъна адам		b. бухънаби адамти	
<i>uqna</i>	<i>adam</i>	<i>b-uqna-bi</i>	<i>adam-ti</i>
М.старый	человек	НРЛ-старый-PL	человек-PL
‘старый человек’		‘старые люди’	

Подробное обсуждение маркирования прилагательных по числу в разных даргинских идиомах также приводится в [Мусаев 1980], где перечисляются суффиксы множественного числа прилагательных *-ti*, *-bi* и *-uni (-ne)*, из которых последний чаще всего встречается в цудахарском даргинском.

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
41	даргинский (литературный)	3A	суффиксация	[Абдуллаев 1954: 134]
42	даргинский (с. Муири)	1	суффиксация	[Гасанова 1971: 89, 273–275]
43	даргинский (с. Киши)	1	суффиксация	[Гасанова 1971: 174]
44	даргинский (с. Уркарах)	3A	суффиксация	[Гасанова 1971: 200]
45	даргинский (с. Меусиша)	1	суффиксация	[Гасанова 1971: 239]
46	даргинский (с. Мекети)	1	суффиксация	[Гасанова 1971: 294]

47	даргинский (с. Танты)	3В	суффиксация	[Сумбатова, Ландер: 2014: 230–232]
48	даргинский (с. Ицари)	3В	суффиксация	[Sumbatova, Mutalov 2003: 47–48]
49	даргинский (с. Санжи)	3В	суффиксация	[Forker 2020b: 123–124]
50	даргинский (с. Мереб)	2	-	[Магометов 1982: 50–51]
51	даргинский (с. Кубачи)	2	-	[Магометов 1963: 131–132]

Таблица 7. Согласование по числу в даргинских языках

2.5 Лакский язык (3В)

В лакском языке, который является единственным представителем лакской ветви, прилагательные в атрибутивной позиции могут стоять в одной из трех форм: в немаркированной форме, в форме на *-s:a* или в форме на *-ta/-mur/-mi*. Немаркированная форма употребляется в ограниченном числе контекстов, главным образом в качестве эпитетов или в лексикализованных сочетаниях. Форма на *-s:a*, которая дефолтно используется в атрибутивной позиции, не согласуется по числу. Форма на *-ta/-mur/-mi* в атрибутивной позиции передает значение контрастивности и единственная из всех согласуется по числу: при единственном числе вершины она имеет показатели *-ta* (мужской класс) */-mur* (все остальные классы), а во множественном числе выступает показатель *-mi*:

(28) ЛАКСКИЙ [Жирков 1955: 48]

a. бучсса ниц

buc-s:a

N1-жирный-FULL

‘жирный бык’

nic

бык

b. бучсса ницру.

buc-s:a

N1.PL-жирный-FULL

‘жирные быки’

nic-ru

бык-PL

c. бучмур ниц

buc-mur

N1-жирный-FULL.CONTR.NM

‘жирный бык’

nic

бык

d. бучми ницру

buc-mi

N1.PL-жирный-FULL.CONTR.PL

‘жирные быки’

nic-ru

бык-PL

Таким образом, в лакском языке, как и в аварском и арчинском, согласование прилагательных по числу оказывается тесно связано с категорией именного класса. С другой стороны, как в даргинских языках, согласование прилагательных по числу лицензируется контрастивным показателем на прилагательном.

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
52	лакский (литературный)	ЗВ	суффиксация	[Жирков 1955: 48; Казенин 2013: 17–22]

Таблица 8. Согласование по числу в лакском языке

2.6 Хиналугский язык (2)

В хиналугском языке, который формирует отдельную ветвь нахско-дагестанской семьи, прилагательные не согласуются по числу:

(29) ХИНАЛУГСКИЙ [Дешериев 1959: 36]

a. таза фабрика

taza

новый

‘новая фабрика’

fabrika

фабрика

b. таза фабрикардэр

taza

новый

‘новые фабрики’

fabrik-ärdär

фабрика-PL

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
53	хиналугский (с. Хыналыг)	2	суффиксация	[Дешериев 1959: 36]

Таблица 9. Согласование по числу в хиналугском языке

2.7 Тюркские языки (2)

В тюркских языках ареала — кумыкском, ногайском и азербайджанском — прилагательные также не согласуются по числу:

(30) АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ [Ширалиев, Севортян 1971: 59–60]:

<i>a.</i> бөјүк ев		<i>b.</i> бөјүк евлар	
<i>böjük</i>	<i>ew</i>	<i>böjük</i>	<i>ew-lär</i>
большой	дом	большой	дом-PL
‘большой дом’		‘большие дома’	

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
54	азербайджанский (литературный)	2	-	[Ширалиев, Севортян 1971: 59–70]
55	кумыкский (литературный)	2	-	[Абдуллаева и др. 2014: 215–230]
56	ногайский	2	-	[Баскаков 1940: 69–72]

Таблица 10. Согласование по числу в тюркских языках ареала

2.8 Индоевропейские языки (2)

В индоевропейских языках ареала, а именно в татском и армянском³, прилагательные не согласуются по числу:

(31) ТАТСКИЙ [Authier 2012: 70]

<i>gisneje</i>	<i>seg-ho=š</i>
голодный	собака-PL=даже
‘даже голодные собаки’	

³ Присутствие в выборке армянского языка обусловлено армяно-удинскими языковыми контактами [Гукасян 1972]. Кроме того, на территории Дагестана армянский язык распространен в с. Карабаглы Тарумовского района. В отсутствие данных карабаглинского армянского в выборке рассматривается литературный (восточный) армянский.

(32) АРМЯНСКИЙ [Dum-Tragut 2009: 116]

karmir vard-er
 красный роза-PL
 ‘красные розы’

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
57	татский	2	-	[Authier 2012: 70]
58	армянский (литературный восточный)	2	-	[Dum-Tragut 2009: 116–118]

Таблица 11. Согласование по числу в индоевропейских языках ареала

2.9 Картвельские языки (1, 2)

Наконец, грузинский язык⁴ (< картвельские) в отношении числового маркирования стоит особняком. В нем имеются две разные формы множественного числа существительных: так называемое «старое» множественное число с показателем *-n-* и «новое» множественное число с показателем *-eb-* [Hewitt 1995: 45]. «Новое» множественное число не вызывает согласования на прилагательных в атрибутивной позиции (33), в то время как «старое» его вызывает (34).

(33) ГРУЗИНСКИЙ [Hewitt 1995: 45]

a. taval-i brma kal-i b. taval-i brma kal-eb-i
 высокий-ABS слепой женщина-ABS высокий-ABS слепой женщина-PL-ABS
 ‘высокая слепая женщина’ ‘высокие слепые женщины’

(34) ГРУЗИНСКИЙ [Hewitt 1995: 45]

taval-n-i brma-n-i kal-n-i
 высокий-PL-ABS слепой-PL-ABS женщина-PL-ABS
 ‘высокие слепые женщины’

⁴ Грузинский язык не распространен на территории Дагестана; его присутствие в выборке объясняется тем, что грузинский находился в ситуации языкового контакта, в частности, с цезскими и андийскими языками Дагестана, см., например, [Халилов 2004].

№	Язык	Факторы, регулирующие согласование по числу	Морфологическое выражение	Источники
59	грузинский (литературный)	3D	суффиксация	[Hewitt 1995: 45]

Таблица 12. Согласование по числу в грузинском языке

3. Обсуждение

В разделе 2 мы рассмотрели паттерны согласования по числу в нахско-дагестанских языках и языках, находящихся с ними в контакте. Оказалось, что в крупных ветвях нахско-дагестанской семьи есть как языки с согласованием прилагательных по числу, так и языки без такого согласования. При этом согласовательные показатели в разных ветвях семьи оказываются разными и этимологизируются на уровне ветви, а не всей семьи. Из этого можно сделать следующий вывод: в отличие от классно-числового согласования, показатели которого реконструируются до нахско-дагестанского праязыка, специализированное согласование прилагательных по числу в языках Дагестана — это достаточно новое явление, которое в разных ветвях нахско-дагестанской семьи возникало по отдельности.

В распределении стратегий согласования по языкам нахско-дагестанской семьи в первую очередь заметен генеалогический сигнал: языки внутри одной ветви чаще используют одни и те же стратегии, чем языки из разных ветвей, а показатели, характерные для одной ветви, вероятнее всего являются когнатными.

В нахских языках согласование по числу — это свойство некоторого небольшого, лексически ограниченного подкласса прилагательных; в чеченском и ингушском оно маркируется с помощью одного и того же суффикса, который также образует множественное число существительных. В нескольких андийских языках (каратинском, чамалинском, также предположительно багвалинском и тиндинском) согласование прилагательных по числу маркиру-

ется в помощью вокалических суффиксов, которые присоединяются после классно-числовых показателей. В западноцезских (цезском и хваршинском) в функции маркера согласования по числу часто используется дистрибутивный показатель; восточноцезские языки (бежтинский и гунзибский) имеют когнатные суффиксальные показатели по числу. Даргинские языки согласование прилагательных по числу маркируют средствами показателей контрастивности, которые имеют общее происхождение внутри даргинской ветви. Почти во всех лезгинских языках прилагательные не согласуются по числу.

Практически во всех остальных языках ареала, находящихся в контакте с нахско-дагестанскими, прилагательные по числу не согласуются, то есть согласование прилагательных внутри нахско-дагестанской семьи, по всей видимости, не могло быть обусловлено контактами с языками соседей. С другой стороны, нет свидетельств того, что языки других семей заимствовали нахско-дагестанские паттерны согласования по числу.

В то время как генеалогический сигнал в распределении стратегий согласований по числу превалирует, между разными ветвями нахско-дагестанской семьи были обнаружены и некоторые случаи конвергенции. Во-первых, годоберинский, ботлихский и, возможно, андийский языки заимствовали из аварского суффикс множественного числа прилагательных *-l* [Саидова 1973: 79–80; Саидова, Абусов 2012: 547; Закирова 2020]. Во-вторых, в центральной зоне Дагестана выделяется группа неблизкородственных языков, в которой прилагательные имеют как согласующиеся, так и не согласующиеся по числу формы: это аварский, лакский и некоторые даргинские идиомы; близки к этой группе также арчинский, годоберинский и, возможно, ботлихский. В Таблице 13 согласование прилагательных в этих языках сравнивается по нескольким признакам:

Язык/признак	1. Выражается ли маркирование по множ. числу в том же морфологическом слоте, что и маркирование по классу в ед. числе?	2. Может ли одно и то же прилагательное использоваться с согласовательной морфологией и без нее?	3. Лицензируется ли согласование по числу семантически?
годоберинский (тж. ботлихский?)	+	-	-
арчинский	+	-	-
аварский	+	+	-
лакский	+	+	+ (категорией контрастивности)
даргинский (с. Ицари)	-	+	+ (категорией контрастивности)

Таблица 13. Согласование прилагательных по числу в арчинском, аварском, лакском и даргинских языках

Из Таблицы 13 можно заключить, что согласование прилагательных в этих языках устроено неодинаково, но все эти языки объединяет т.н. семейное сходство (*family resemblance*), т.е. все они имеют некоторые общие черты друг с другом, хотя ни одна из этих черт не является общей для всех. Так, признак 1 объединяет четыре из пяти языков рассматриваемой группы: ср. годоберинский пример (13), арчинский (22), аварский (8) и лакский (28). Признак 2 имеет одинаковое значение для аварского, лакского и ицаринского даргинского. Признак 3 объединяет лакский и ицаринский даргинский. Так как остальные языки нахско-дагестанской семьи ни одним из этих свойств не обладают, можно предположить, что это сходство обусловлено контактом: на перечисленных языках говорят на сопредельных территориях; кроме того, аварский, лакский и арчинский находятся в ситуации засвидетельствованного языкового контакта [Добрушина 2011], также годоберинский и ботлихский находятся под контактными влиянием аварского языка.

Наконец, приведем карты, построенные на основе нашей выборки. Рисунки 1–2 демонстрируют разделение на типы 1, 2, 3. На Рисунке 1 для всех языков, кроме даргинского, на карте отражается только один диалект, таким образом, всего отображается 38 идиомов (32 нахско-дагестанской семьи и 6 из других семей). На Рисунке 2 картированы 59 идиомов выборки, а данные этих 59 идиомов экстраполированы на все населенные пункты Дагестана.

Рисунок 1. Согласование прилагательных в атрибутивной позиции по числу в языках Дагестана

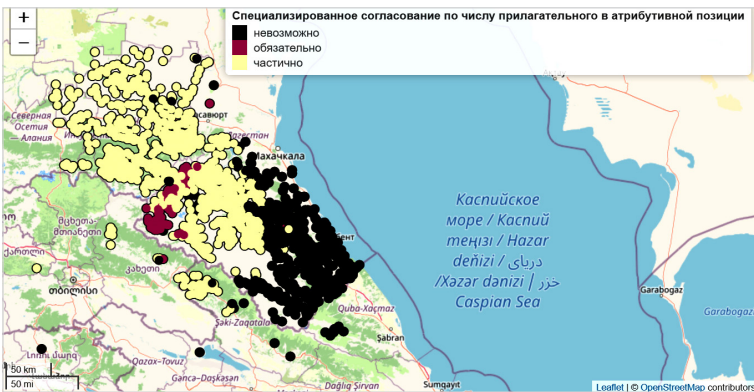

Рисунок 2. Согласование прилагательных в атрибутивной позиции по числу в языках Дагестана: экстраполяция на все населенные пункты

Рисунки 3–4 демонстрируют факторы, влияющие на возможность согласования прилагательных (3А–3Е). Рисунок 3 демонстрирует 38 идиомов, На Рисунок 4 картированы 59 идиомов выборки, а затем данные этих 59 идиомов экстраполированы на все населенные пункты Дагестана. Особый интерес представляет центральная зона, отражающая аварско-лакско-даргинско-арчинский ареал.

Рисунок 3. Факторы, влияющие на согласование прилагательного по числу в атрибутивной позиции

Рисунок 4. Факторы, влияющие на согласование прилагательного по числу в атрибутивной позиции: экстраполяция на все населенные пункты

Заключение

В статье на материале выборки из 59 идиомов были рассмотрены закономерности согласования по числу прилагательных в нахско-дагестанских языках и других языках ареала. Выяснилось, что согласование прилагательных по числу в языках нахско-дагестанской семьи подчиняется разным закономерностям. В некоторых из рассмотренных языков согласование прилагательных по числу обязательно, в других отсутствует, в третьих ограничено лексически или же обусловлено семантическими факторами — контрастивной семантикой или одушевленностью вершины.

В целом распределение закономерностей согласования имеет генеалогический характер: для языков отдельных ветвей нахско-дагестанской семьи характерны специфические средства согласования по числу — вероятно общие инновации, при этом объяснить эти различия контактным влиянием соседних языков не удастся. Однако были обнаружены некоторые случаи конвергенции внутри нахско-дагестанской семьи. Во-первых, это заимствование аварского показателя множественного числа прилагательных *-l* в годоберинский и ботлихский языки. Во-вторых, было обнаружено, что согласование прилагательных по числу в аварском, лакском и арчинском языках, а также в некоторых даргинских идиомах демонстрирует семейное сходство, основанное на нетривиальных общих свойствах:

- 1) показатели согласования по числу занимают тот же морфологический слот, что и показатели классного согласования в единственном числе;
- 2) одно и то же прилагательное может иметь согласующиеся и несогласующиеся формы;
- 3) согласование по числу лицензируется категорией контрастивности. Каждое из этих свойств встречается в некотором подмножестве перечисленных четырех языков, а также в годоберинском и ботлихском, но не встре-

чается в других языках нахско-дагестанской семьи. Это сходство, таким образом, может быть расценено как заимствование паттерна (PAT-borrowing в терминах [Matras, Sakel 2004]).

Список сокращений

- КЧП — классно-числовой показатель
ABS — абсолютив
ADJ — показатель прилагательного
ATTR — атрибутивизатор
CONTR — контрастивность
CVB — конверб
DEF — определенность
DISTR — дистрибутивность
ERG — эргатив
F — женский класс
FULL — полная форма
GEN — генитив
HPL — множественное число класса людей
IPFV — имперфектив
LAT — латив
M — мужской класс
N — неодушевленный класс
NM — не мужской класс
NPL — множественное число неодушевленного класса
OBL — косвенная основа
PL — множественное число
PRS — настоящее время
PST.WIT — прошедшее засвидетельствованное
SG — единственное число
SUPLAT — супер-латив

Литература

Абдулаева И. А. *Ратлубский говор ахвахского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала, 2001.

Абдуллаев С. Н. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала, 1954

Абдуллаева А. З. и др. *Современный кумыкский язык*. Махачкала, 2014.

Азаев Х. Г. *Ботлихский язык* // Г. Г. Гамзатов (ред.). *Языки Дагестана*. Махачкала–Москва, 2000, 346–359.

Алексеев М. Е. и др. *Современный аварский язык*. Махачкала, 2012.

Алексеев М. Е., Шихалиева С. Х. *Табасаранский язык*. Москва, 2003.

Баскаков Н. А. *Ногайский язык и его диалекты: грамматика, тексты и словарь*. Ленинград, 1940.

Богуславская О. Ю. *Структура именной группы: определительные конструкции в дагестанских языках*. Дис. канд. филол. наук. Москва, 1989.

Бокарев А. А. *Очерк грамматики чамалинского языка*. Москва–Ленинград, 1949.

Бокарев А. А. *Цезские (дидойские) языки Дагестана*. Москва, 1959.

Гасанова С. М. *Очерки даргинской диалектологии*. Махачкала, 1971.

Гукасян В. Л. *К трехязычию удин* // *Проблемы двуязычия и многоязычия*. Москва, 1972.

Даниэль М. А. *Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных* // *Рема*, 2021, 2: 102–130.

Дешериев Ю. Д. *Бацбийский язык: фонетика, морфология, синтаксис, лексика*. Ленинград, 1953.

Добрушина Н. Р. *Многоязычие в Дагестане конца XIX – начала XXI века: попытка количественной оценки* // *Вопросы языкознания*, 2011, 4: 61–80.

Жирков Л. И. *Лакский язык: фонетика и морфология*. Москва, 1955.

Закирова А. Н. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // *Родной язык*, 2020, 2: 94–123.

Ибрагимов Г. Х. *Рутульский язык. Синхрония и диахрония*. Махачкала, 2004.

Исаков И. А., Халилов М. Ш. *Гунзибский язык*. Махачкала, 2012.

Казенин К. И. *Синтаксис современного лакского языка*. Махачкала, 2013.

Кибрик А. Е. *Опыт структурного описания арчинского языка*. Том II. *Таксономическая грамматика*. Москва, 1977.

Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. Москва, 1999.

Кибрик А. Е., Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.) *Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари*. Москва, 2001.

Кибрик А. Е., Селезнев М. Г. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // *Табасаранские этюды*. Москва, 1982, 17–33.

Комри Б., Халилов М. Ш., Халилова З. М. *Грамматика бежтинского языка: Фонетика. Морфология. Словообразование*. Лейпциг–Махачкала, 2015.

Магомедбекова З. М. *Ахвахский язык. Грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси, 1967.

Магомедбекова З. М. *Каратинский язык: грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси, 1971

Магомедова П. Т. *Тиндинский язык*. Махачкала, 2012.

Магомедова П. Т., Абдулаева И. А. *Ахвахско-русский словарь*. Махачкала, 2007.

Магомедова П. Т., Халидова Р. Ш. *Каратинско-русский словарь*. Санкт-Петербург–Махачкала, 2001.

Магомедов А. А. *Кубачинский язык*. Тбилиси, 1963.

Магомедов А. А. *Табасаранский язык: исследование и тексты*. Тбилиси, 1965.

Магомедов А. А. *Меgebский диалект даргинского языка (Исследование и тексты)*. Тбилиси, 1982.

- Магометов А. А. *Агульский язык (Исследование и тексты)*. Тбилиси, 1970.
- Мусаев М. С. *Именное словоизменение даргинского языка. (Категория числа)*. Махачкала, 1980.
- Саидова П. А. *Годоберинский язык (Грамматический очерк, тексты, словарь)*. Махачкала, 1973.
- Саидова П. А. *Закатальский диалект аварского языка*. Махачкала, 2007.
- Саидова П. А., Абусов М. Г. *Ботлихско-русский словарь*. Махачкала, 2012.
- Салимов Х. С. *Гагатлинский говор андийского языка*. Махачкала, 2010.
- Сулейманов Я. Г. *Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани)*. Дис. канд. филол. наук. Москва, 1957.
- Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. Москва, 2014.
- Талибов Б. Б. *Будухский язык*. Москва, 2007.
- Халилов М. Ш. *Грузинско-дагестанские языковые контакты*. Москва, 2004.
- Халилов М. Ш., Исаков И. А. *Гинухско-русский словарь*. Махачкала, 2005.
- Церцвадзе И. И. *Андийский язык (Грамматический анализ с текстами)*. Тбилиси, 1965 [На груз. яз., резюме на рус. яз.].
- Шарафутдинова Р., Левина Р. *Хваршинский язык (предварительное сообщение) // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков*. Москва, 1961.
- Ширалиев М. Ш., Севортян Э. В. (ред.). *Грамматика азербайджанского языка*. Баку, 1971.
- Яковлев Н. Ф. *Морфология чеченского языка*. Грозный, 1960.
- Authier G. *Grammaire kryz*. Paris, 2009.
- Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden, 2012.

- Comrie B. Tsez (Dido) morphology // A. S. Kaye (ed.). *Morphologies of Asia and Africa*. Pennsylvania, 2007.
- Corbett G. G. *Agreement*. Cambridge, 2006.
- Dum-Tragut J. *Armenian: Modern Eastern Armenian*. Amsterdam–Philadelphia, 2009.
- Fedorenko A. Typology of Nominalisation of Adjectives in East Caucasian // *Iran and the Caucasus*, 2019, 23 (4): 369–379.
- Forker D. *A grammar of Hinuq*. Berlin–Boston, 2013.
- Forker D. Gender agreement is different // *Linguistics*, 2018, 56(4): 865–894.
- Forker D. Avar Grammar sketch // M. Polinsky (ed.). *Handbook of Caucasian Languages*. Oxford, 2020.
- Forker D. *A grammar of Sanzhi Dargwa*. Berlin, 2020.
- Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin, 1993.
- Helmbrecht J. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 1996, 49(2): 127–148.
- Hewitt B. G. *Georgian: A structural reference grammar*. Amsterdam–Philadelphia, 1995.
- Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. The Netherlands: Lot, 2009.
- Kibrik A. Je. Direct-oblique agreement of attributes in Dagestani // F. Plank (ed.) *Double case: agreement by Suffixaufnahme*. Oxford, 1995, 216–229.
- Kibrik A. E. (ed.). *Godoberi*. München, 1996.
- Kibrik A. E., Testelec J. G. Bezhta // M. Job (ed.) *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 3: *The North East Caucasian languages*, Part 1. Michigan, 2004, 217–295.
- Sakel J. et al. Types of loan: Matter and pattern // G. Bossong et al. (eds.). *Empirical approaches to language typology*. Berlin–New York, 2007, 15–30.
- Mobili R. *Udi-azerbaycanin-urustin əyitluğ*. Bakı, 2010.
- Nichols J. The Chechen language // Smeets R. (ed.) *The indigenous languages of the Caucasus*, Vol.4: *The Nakh-languages and the six minor Lezgian languages*. Delmar–NY, 1994, 2–77.
- Nichols J. *Ingush grammar*. Berkeley, 2011.
- Polinsky M. *Tsez syntax: A description*. Ms., Harvard, 2015.

Schwartzschild R. Stubborn distributivity, multiparticipant nouns and the count/mass distinction // S. Lima, K. Mullin, B. Smith (eds.) *Proceedings of the 39th Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 39)*, Volume 2, Amherst, 2011, 661–678.

Sumbatova N. Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems // G. Authier, T. Maisak (eds.). *Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages. Diversitas linguarum*. Bochum, 2011, 313–160.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A grammar of Icari Dargwa*. München, 2003.

TALD – Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. *Typological Atlas of the languages of Daghestan* (TALD). Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: <http://lingconlab.ru/dagatlas>. Accessed on 2022-5-24.

Van de Velde M. The AMAR mechanism: nominal expressions in the Bantu languages are shaped by apposition and reintegration // *Linguistics*, 2021, 60(3): 1–33.

Van den Berg H. *A grammar of Hunzib*. München, 1995.

References

Abdulaeva I. A. *Ratlubskij govor akhvahskogo yazyka (fonetika i morfologiya)* [The Ratlub dialect of the Akhvakh language (phonetics and morphology)]. Makhachkala, 2001. (In Russ.)

Abdullaev S. N. *Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya)* [A grammar of Dargwa (phonetics and morphology)]. Makhachkala, 1954. (In Russ.)

Abdullaeva A. Z. i dr. *Sovremennyj kumyjskij yazyk* [Modern Kumyk]. Makhachkala, 2014. (In Russ.)

Alekseev M. E. i dr. *Sovremennyj avarskij yazyk* [Modern Avar]. Makhachkala, 2012. (In Russ.)

Alekseev M. E., Shihalieva S. H. *Tabasaranskij yazyk* [Modern Tabassaran]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est* [A grammar of Juhuri, or Judeo-Tat,

an Iranian language spoken by the Jews of the Eastern Caucasus]. Wiesbaden, 2012. (In French)

Authier G. *Grammaire kryz* [A grammar of Kryz]. Paris, 2009. (In French)

Azaev H. G. Botlihsij yazyk [The Botlikh language] // G. G. Gamzatov (red.). *Yazyki Dagestana*. Makhachkala–Moskva, 2000, 346–359. (In Russ.)

Baskakov N. A. *Nogajskij yazyk i ego dialekty: grammatika, teksty i slovar'* [The Nogai language and its dialects: grammar, texts and dictionary]. Leningrad, 1940. (In Russ.)

Boguslavskaya O. Yu. *Struktura imennoj grupy: opredelitel'nye konstrukcii v dagestanskih yazykah* [The NP structure: attributive constructions in the languages of Dagestan]. Dis. kand. filol. nauk. Moskva, 1989. (In Russ.)

Bokarev A. A. *Cezskie (didojskie) yazyki Dagestana* [The Tze-zic (Didoic) languages of Dagestan]. Moskva, 1959. (In Russ.)

Bokarev A. A. *Oчерк grammatiki chamalinskogo yazyka* [A grammar sketch of Chamalal]. Moskva–Leningrad, 1949. (In Russ.)

Cercvadze I. I. *Andijskij yazyk (Grammaticheskij analiz s tekstami)* [The Andi language (Grammatical analysis and texts)]. Tbilisi, 1965 (In Georgian, summary in Russ.)

Comrie B. Tsez (Dido) morphology // A. S. Kaye (ed.). *Morphologies of Asia and Africa*. Pennsylvania, 2007.

Corbett G. G. *Agreement*. Cambridge, 2006.

Daniel M. A. Soglasovanie po kosvennosti v nahsko-dagestanskih yazykah: obzor empiricheskikh dannyh [Agreement in obliqueness in East Caucasian: A formal survey] // *Rema*, 2021, 2: 102–130. (In Russ.)

Desheriev Yu. D. *Bachijskij yazyk: fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika* [The Bats language: phonology, morphology, syntax, vocabulary]. Leningrad, 1953. (In Russ.)

Dobrushina N. R. Mnogoyazychie v Dagestane konca XIX – nachala XXI veka: popytka kolichestvennoj ocenki [Multilingualism in Dagestan in the late 20th – early 20th century: an attempt of a quantitative study] // *Voprosy yazykoznanija*, 2011, 4: 61–80. (In Russ.)

Dum-Tragut J. *Armenian: Modern Eastern Armenian*. Amsterdam–Philadelphia, 2009.

Fedorenko A. Typology of Nominalisation of Adjectives in East Caucasian // *Iran and the Caucasus*, 2019, 23(4)^ 369–379.

Forker D. *A grammar of Hinuq*. Berlin–Boston, 2013.

Forker D. Gender agreement is different // *Linguistics*, 2018, 56(4): 865–894.

Forker D. Avar Grammar sketch // M. Polinsky (ed.). *Handbook of Caucasian Languages*. Oxford, 2020

Forker D. *A grammar of Sanzhi Dargwa*. Berlin, 2020.

Gasanova S. M. *Ocherki darginskoj dialektologii* [Essays on Dargwa dialectology]. Makhachkala, 1971. (In Russ.)

Gukasyan V. L. K trekhazyazychiyu udin [On trilingualism of the Udi people] // *Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya*. Moskva, 1972. (In Russ.)

Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin, 1993.

Helmbrecht J. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 1996, 49(2): 127–148.

Hewitt B. G. *Georgian: A structural reference grammar*. Amsterdam–Philadelphia, 1995.

Ibragimov G. H. *Rutul'skij yazyk. Sinhroniya i diahroniya* [Rutul. Synchrony and diachrony]. Makhachkala, 2004. (In Russ.)

Isakov I. A., Khalilov M. Sh. *Gunzibskij yazyk* [The Hunzib language]. Makhachkala, 2012. (In Russ.)

Kazenin K. I. *Sintaksis sovremennogo lakskogo yazyka* [The syntax of modern Lak]. Makhachkala, 2013. (In Russ.)

Khalilov M. Sh. *Gruzinsko-dagestanskije yazykovye kontakty* [Georgian-Dagestania language contacts]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Khalilov M. Sh., Isakov I. A. *Ginukhsko-russkij slovar'* [Hinuq language]. Makhachkala, 2005. (In Russ.)

Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. The Netherlands: Lot, 2009.

Kibrik A. E. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [An attempt of a structural description of Archi]. Tom II. *Taksonomicheskaya grammatika*. Moskva, 1977. (In Russ.)

Kibrik A. Je. Direct-oblique agreement of attributes in Dagestani language // F. Plank (ed.) *Double case: agreement by Suffixaufnahme*. Oxford, 1995, 216–229.

Kibrik A. E. (ed.). *Godoberi*. München, 1996.

Kibrik A. E., Kazenin K. I., Lyutikova E. A., Tatevosov S. G. (red.) *Bagvalinskij yazyk: Grammatika. Teksty. Slovare* [The Bagvalal language: Grammar. Texts. Dictionaries]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Kibrik A. E., Seleznev M. G. Sintaksis i morfologiya glagol'nogo soglasovaniya v tabasaranskom yazyke [Syntax and morphology of the verbal agreement in Tabassaran] // *Tabasaranskije etyudy*. Moskva, 1982, 17–33. (In Russ.)

Kibrik A. E., Testelec J. G. Bezhta // M. Job (ed.) *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 3: *The North East Caucasian languages*, Part 1, 217–295. Michigan, 2004.

Kibrik A. E., Testelec Ya. G. (red.). *Elementy tsachurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of the Tsakhur language in a typological perspective]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Komri B., Halilov M. Sh., Halilova Z. M. *Grammatika bezhtinskogo yazyka: Fonetika. Morfologiya. Slovoobrazovanie* [A grammar of Bezhta: Phonology. Morphology. Word formation]. Lejpcig–Makhachkala, 2015. (In Russ.)

Magomedbekova Z. M. *Akhvaskij yazyk. Grammaticheskiy analiz, teksty, slovar'* [The Akhvakh language. Grammar, texts, dictionary]. Tbilisi, 1967. (In Russ.)

Magomedbekova Z. M. *Karatinskij yazyk: grammaticheskiy analiz, teksty, slovar'* [The Karata language: grammar, texts, dictionary]. Tbilisi, 1971. (In Russ.)

Magomedova P. T., Abdulaeva I. A. *Akhvasko-russkiy slovar'* [Akhvakh-Russian dictionary]. Makhachkala, 2007. (In Russ.)

Magomedova P. T. *Tindinskij yazyk* [The Tindi language]. Makhachkala, 2012. (In Russ.)

Magomedova P. T., Khalidova R. Sh. *Karatinsko-russkiy slovar'* [Karata-Russian language]. Sankt-Peterburg–Makhachkala, 2001. (In Russ.)

Magometov A. A. *Kubachinskij yazyk* [The Kubachi language]. Tbilisi, 1963. (In Russ.)

Magometov A. A. *Tabasaranskij yazyk: issledovanie i teksty* [The Tabassarán language (Grammar and texts)]. Tbilisi, 1965. (In Russ.)

Magometov A. A. *Agul'skij yazyk (Issledovanie i teksty)* [Agul (Grammar and texts)]. Tbilisi, 1970. (In Russ.)

Magometov A. A. *Megeb'skij dialekt darginskogo yazyka (Issledovanie i teksty)* [The Mehweb dialect of Dargwa (Grammar and texts)]. Tbilisi, 1982. (In Russ.)

Mobili R. *Udi-azerbaycanin-urusin ayitluğ* [Udi-Azerbaijani-Russian dictionary]. Bakı, 2010. (In Azerbaijani)

Musaev M. S. *Imennoe slovoizmenenie darginskogo yazyka. (Kategoriya chisla)* [The nominal inflection of the Dargwa language. (Number category)]. Makhachkala, 1980. (In Russ.)

Nichols J. The Chechen language // R. Smeets (ed.) *The indigenous languages of the Caucasus, Vol. 4: The Nakh-languages and the six minor Lezgian languages*. Delmar–NY, 1994, 2–77.

Nichols J. *Ingush grammar*. Berkeley, 2011.

Polinsky M. *Tsez syntax: A description*. Ms., Harvard, 2015.

Saidova P. A. *Godoberinskij yazyk (Grammaticheskiy ocherk, teksty, slovar')* [The Godoberi language (Grammar, texts, dictionary)]. Makhachkala, 1973. (In Russ.)

Saidova P. A. *Zakatal'skij dialekt avar'skogo yazyka* [The Zakatala dialect of Avar]. Makhachkala, 2007. (In Russ.)

Saidova P. A., Abusov M. G. *Botlihsko-russkij slovar'* [Botlikh-Russian dictionary]. Makhachkala, 2012. (In Russ.)

Sakel J. et al. Types of loan: Matter and pattern // G. Bossong et al. (eds.). *Empirical approaches to language typology*. Berlin–New York, 2007, 15–30.

Salimov H. S. *Gagatlinskij govor andijskogo yazyka* [The Gagatli dialect of Andi]. Makhachkala, 2010. (In Russ.)

Schwartzschild R. Stubborn distributivity, multiparticipant nouns and the count/mass distinction // S. Lima, K. Mullin, B. Smith (eds.) *Proceedings of the 39th Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 39), Volume 2*. Amherst, 2011, 661–678.

Sharafutdinova R., Levina R. *Khvarshinskij yazyk (predvaritel'noe soobshchenie)* [The Khwarshi language (a preliminary

sketch)] // *Voprosy izucheniya iberijsko-kavkazskih yazykov*. Moskva, 1961. (In Russ.)

Shiraliev M. Sh., Sevortyan E. V. (eds.). *Grammatika azerbajdzhanskogo yazyka* [A grammar of Azerbaijani]. Baku, 1971. (In Russ.)

Sulejmanov Ya. G. *Grammaticheskij ocherk andijskogo yazyka (po dannym govora s. Rikvani)* [A grammar sketch of the Andi language (based on the data of the Rikvani dialect)]. Dis. kand. filol. nauk. Moskva, 1957. (In Russ.)

Sumbatova N. Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems // G. Authier, T. Maisak (eds.). *Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages*. Diversitas linguarum. Bochum, 2011, 313–160.

Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Darginskij govor seleniya Tanty: grammaticheskij ocherk, voprosy sintaksisa* [The Tanty dialect of Dargwa: a grammatical sketch, problems of syntax]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A grammar of Icari Dargwa*. München, 2003.

TALD – Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. *Typological Atlas of the languages of Daghستان (TALD)*. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: <http://lingconlab.ru/dagatlas>. Accessed on 2022-5-24.

Talibov B. B. *Buduhsnij yazyk* [Budukh]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Van de Velde M. The AMAR mechanism: nominal expressions in the Bantu languages are shaped by apposition and reintegration // *Linguistics*, 2021, 60(3): 1–33.

van den Berg H. *A grammar of Hunzib*. München, 1995.

Yakovlev N. F. *Morfologiya chechenskogo yazyka* [Chechen morphology]. Groznyj, 1960. (In Russ.)

Zakirova A. N. Soglasovanie po chislu v andijskom yazyke: ekspansiya iz paradigmy sushchestvitel'nyh [Number agreement in the Andi language: Expansion from the nominal paradigm] // *Rodnoj yazyk*, 2020, 2: 94–123. (In Russ.)

Zhirkov L. I. *Lakskij yazyk: fonetika i morfologiya* [The Lak language: phonology and morphology]. Moskva, 1955. (In Russ.)

Закирова Айгуль Наилевна
НИУ ВШЭ, Международная лаборатория
языковой конвергенции
Москва, Россия
Zakirova Aigul Nailevna
HSE University, Linguistic Convergence Laboratory
Moscow, Russia
aigul.n.zakirova@gmail.com

**Адвербиализатор *giža* (гужа)
в андийском языке**
The adverbializer giža in Andi

Т. А. Майсак

T. A. Maisak

В статье рассматривается статус показателя *giža* (гужа) в андийском языке аваро-андийской группы нахско-дагестанской семьи. Этот показатель нередко выступает с финитными глагольными формами, так что возникает соблазн интерпретировать его как суффикс, образующий деепричастия (и, действительно, деепричастия с этим показателем упоминаются в некоторых предшествующих описаниях). Как, однако, мы показываем на материале текстовых примеров, *giža* следует считать скорее общим *адвербиализатором*, превращающим в обстоятельства глагольные клаузы и составляющие различных типов — именные группы, послеложные группы и наречия. Это синтаксический показатель, который располагается на правой границе составляющей и не является собственно «глагольным».

Ключевые слова: андийский язык, нахско-дагестанские языки, деепричастия, адвербиализация

The present article examines the marker *giža* (гужа) in Andi, a language of the Avar-Andic branch of the Nakh-Daghestanian family. This marker often co-occurs with finite verb forms, so one may think of analysing it as a verbal suffix that derives converbs from finite verbs. However, as I show with examples taken from Andi texts, *giža* functions as a more general adverbializer that produces adverbials from both clauses and constituents of various types, namely noun phrases, postpositional phrases and adverbs. Thus, *giža* is not a verbal suffix as such, but rather a syntactic marker which is placed in the rightmost element of a constituent or a clause.

Key words: Andi, Nakh-Daghestanian, converbs, adverbialization
DOI: 10.37892/2313-5816-2022-1-50-72

1. Введение

Нахско-дагестанские языки принадлежат к языкам «алтайского» типа, которые предпочитают нефинитные глагольные вершины в подчинительных клаузах. «Индоевропейский» тип зависимых предложений с союзами и финитными глагольными вершинами, за очень редкими исключениями, не свойствен языкам нахско-дагестанской семьи, где в качестве вершин зависимых клауз мы встречаем прежде всего деепричастия, причастия, инфинитив и отглагольные имена (без использования подчинительных служебных слов типа союзов). Все эти нефинитные формы, как правило, образуются регулярно от любых глагольных лексем и входят в их словоизменительную парадигму.

Наряду со словоизменительными глагольными формами причастий и деепричастий в ряде нахско-дагестанских языков имеются специальные морфемы с функцией *атрибутивизации* или *адвербиализации*: атрибутивизаторы превращают в определение составляющую, которая не может сама по себе выступать в качестве определения, тогда как адвербиализаторы превращают синтаксическую группу в обстоятельство. Примером атрибутивизации косвенно-падежной группы может служить (1) из андийского языка (аваро-андийская группа): здесь *χunt'uli bošilloj* 'для поросенка' — это бенефактивная именная группа в дательном падеже, которая при атрибутивизации становится определением 'тот, который для поросенка' при именной вершине *milki* 'дом'¹.

(1) ...ххунт'улли бошиллойсси милкиле... (Сказки)

<i>χunt'-u-li</i>	<i>boši-ll-o-j-s-i</i>	<i>milki=le?</i>
[свинья-OBL-GEN	детеньш-OBL-DAT]=ATTR	дом.ABS=?
'Это дом для поросенка?'		

¹ Атрибутивизатор =s:i мы в строке глоссирования обозначаем как клитику, поскольку этот показатель присоединяется уже к падежнооформленным именным группам (а не именным основам) — а, кроме того, к наречиям и финитным клаузам; в целом, однако, классификация =s:i как клитики или суффикса является дискуссионным вопросом (см. подробнее [Майсак 2019]).

При этом оказывается, что атрибутивизаторы и адвербиализаторы могут сочетаться не только с такими составляющими, как, например, косвеннопадежные именные группы, но и с глагольными клаузами: тем самым, в языке могут существовать «атрибутивизированные» или «адвербиализированные» клаузы. Учитывая, что в глагольную парадигму и так входят несколько причастий и деепричастий, такое сосуществование может показаться странным: зачем языку могут «быть нужны», например, глагольные формы с атрибутивизатором при наличии специализированных причастных форм? Не может ли оказаться так, что, будучи формально допустимыми, эти «вторичные» причастия в действительности будут неупотребительны или же будут просто дублировать значение «базовых» причастий?

Ранее, в работе [Майсак 2021], мы попытались ответить на этот вопрос на материале андийского языка, рассмотрев использование в нем атрибутивизатора $=s:i$ с глагольными формами. Как показало это исследование, несмотря на то что в андийском имеются две специальных формы причастий, ими покрывается далеко не весь спектр видо-временных функций: причастие на $-b$ выражает перфективное значение, причастие на $-ja$ — хабитуально-футуральное. При этом в семантических контекстах, недоступных для этих форм, используются как раз атрибутивизированные финитные формы глагола; наиболее частотные из них — это атрибутивизированный презенс на $-r=s:i$ ($-rado=s:i$), который является наиболее широкой по значению имперфективной формой, а также атрибутивизированный перфект на $-d:u=s:i$, описывающий результирующее состояние, релевантное к или длящееся в точке отсчета. Тем самым, каждое из «вторичных» причастий занимает свою нишу, семантически напрямую соотносящуюся с финитным употреблением производящей формы.

В настоящей работе мы обратимся к показателю адвербиализации $=gu\dot{z}a$. В строке глоссирования мы будем обозначать его как энклитику, поскольку он присоединяется уже к полноформленным словоформам (разных классов

слов); однако вопрос о клитической или суффиксальной природе данного показателя детально рассматриваться не будет и может считаться открытым. По форме =*giža* представляет собой сочетание частиц =*gi* и =*ža*, каждая из которых используется в андийском и независимо. При этом частица =*gi* чрезвычайно полифункциональна: это интенсификатор, который выражает тождество ('тот же'), скалярную аддитивность ('даже'), а также общую эмфазу и контраст (см. краткий обзор в [Maisak 2021: 13–16]; о близкой по типам употреблений аварской клитике =*go* см. [Fogker 2015]). Диахронически к этому же показателю восходит суффикс числительных -*gi*. Также -*gi* входит в состав показателя комитатива =*logu* (где =*lo* представляет собой аддитивную частицу 'тоже'), показателя неопределенных местоимений =*gulo* (с тем же аддитивом, но в другой позиции) и суффикса отрицательного перфективного деепричастия -*č'igi* (где -*č'i* — отрицательный суффикс, не используемый в других андийских формах). Во всех этих случаях на синхронном уровне удобнее говорить уже о неделимых показателях, а не о комбинациях двух морфем.

Для наших целей интерес представляет использование =*gi* с прилагательными в функции, как минимум близкой к адвербиализации: так, в (2) эта частица выступает на прилагательных *mič'i* 'маленький' и *ihi* 'много, многих'². Признать здесь =*gi* «чистым» адвербиализатором мешает тот

² В андийском языке, как и в ряде других языков нахско-дагестанской семьи, прилагательные относятся к числу тех классов слов, которые могут содержать морфологическую позицию для согласования по роду (именному классу). При этом наличие согласовательного «слота» и его позиция (суффиксальная или префиксальная) является лексическим свойством конкретного прилагательного: так, *mič'i* 'маленький' относится к несогласуемым прилагательным, тогда как *-eč'iça* 'большой' — к согласуемым (с префиксальной позицией). Некоторые андийские наречия могут также суффиксально согласовываться с абсолютивом по множественному числу, ср. *mič'-ol* 'мало' и *wuh-ol* 'много' в (2); о механизме согласования по числу, отдельном от согласования по роду, см. [Закирова 2020].

факт, что граница между классами прилагательных и наречий в андийском проводится нечетко и *=gu* не является обязательным при наречном использовании.

(2) Мичіолгу гьалтІуннибор — мичіигу гьгьощдя, вугьолгу гьалтІуннибор — бигьугу гьгьощдя. (Сказки)

<i>mič'-ol=gu</i>	<i>halt'unni-bor</i> –	<i>mič'i=gu</i>	<i>goš'-dja</i> ,
[маленький-PL]=ADV	работать-COND	[маленький]=ADVZ	доставать-FUT
<i>w-uh-ol=gu</i>	<i>halt'unni-bor</i> –	<i>b-ihu=gu</i>	<i>goš'-dja</i> .
[М-много-PL]=ADVZ	работать-COND	[IV-много]=ADVZ	доставать-FUT

‘Поработаешь мало — получишь мало, а поработаешь много — получишь много.’

С глагольными формами, однако, частица *=gu* в роли адвербиализатора не засвидетельствована³, поэтому далее мы ограничимся рассмотрением сложного показателя *=giža*, построенного на ее основе.

Что же касается частицы *=ža*, то вне показателя *=giža* она используется только как дискурсивный показатель очевидной ситуации (или «энимитива», см. [Рапов 2020]) типа русского *ведь*, ср. (3). Вероятно, на определенном историческом этапе *=ža* выступила как «усилитель» *=gu* в функции адвербиализатора, хотя сама мотивация выбора подобных «эмфатических» частиц для маркирования адвербиализации остается не вполне понятной.

(3) ...гьовло Ирбагинив вошожа. (Лк. 19:9)

<i>ho-w=lo</i>	<i>irbahin-i-w</i>	<i>wošo=ža</i>
DEM-M=ADD	Авраам-OBL-GEN(M)	сын.ABS=ENIM

{Сегодня пришло спасение в этот дом, — сказал Иисус. —} ‘Ведь и он сын Авраама.’

Задачей настоящей статьи является выяснение того, как именно функционирует показатель *=giža* в андийском языке (в верхнеандийских говорах). Во-первых, нас будет интересовать, с какими именно глагольными формами со-

³ В верхнеандийских говорах; в [Церцвадзе 1965: 359] упоминается, что *-gu* используется для образования деепричастий (в его терминах, «абсолютивов») в нижнеандийских говорах.

четается данный показатель и как значения обстоятельственных клауз с этими формами соотносится со значением обычных деепричастных клауз, возглавляемых собственно формами деепричастий. Во-вторых, мы уточним статус сочетаний «финитная форма глагола + =*giža*» с точки зрения того, являются ли они дополнительной серией производных деепричастий, входящих в глагольную парадигму, или же они имеют иной статус. Наше исследование основано исключительно на текстовых примерах и, тем самым, его результаты носят ограниченный характер: в центре рассмотрения находится только то, как именно показатель =*giža* используется в андийском языке (с точки зрения доступных ему опорных слов и значения результирующих сочетаний). В рамках данной статьи мы не даем ответа на вопрос о том, каковы ограничения на дистрибуцию показателя =*giža* (например, с какими типами опорных слов он невозможен или каковы значения, недоступные сочетаниям с этим показателем); этот вопрос представляется нам важным и заслуживающим отдельного исследования, опирающегося уже на процедуру элицитации, а не на анализ корпусных примеров.

В данной работе мы рассмотрим все употребления показателя =*giža*, встретившиеся в выборке андийских текстов. Как и в статье [Майсак 2021], мы опираемся на данные верхнеандийского диалекта, представленные в двух опубликованных источниках — сборнике сказок народов мира (2010) и переводе Евангелия от Луки (2015)⁴. Таким образом, еще одним ограничением нашего исследования является

⁴ Обе книги представляют собственно андийский говор, хотя в переводе Евангелия использован скорее смешанный вариант, поскольку встречаются и черты других верхнеандийских говоров, не свойственные говору с. Анди. Русский перевод фрагментов из Евангелия от Луки ниже дан по современному переводу РБО, с пояснением буквальной структуры андийского текста в случае необходимости. При переводе в транскрипцию примеров из перевода Евангелия от Луки была устранена недостаточная различительность фонем, свойственная принятому в этом издании способу записи.

использование лишь письменных текстов, при этом почти исключительно переводных (в сборнике сказок лишь одна сказка представляет собственно андийский фольклор). Основанием для выбора текстовых источников является их объем и, соответственно, сравнительно большое число примеров использования показателя =*giža*. В аутентичных текстах на различных андийских говорах, приложенных к опубликованным в XX веке грамматическим очеркам, =*giža* встречается лишь в единичных случаях, что, вероятно, объясняется малым объемом данных текстов (см. Таблицу 1). То же верно и применительно к небольшому неопубликованному устному корпусу рикванинского говора, записанному в 2015 году (один из двух имеющихся там примеров употребления =*giža* будет процитирован ниже).

Таблица 1. =*giža* в доступных текстовых источниках

Источник	Объем (слов)	Говор(ы)	Число употреблений = <i>giža</i>
Сказки (2010)	8500	Анди	18
Евангелие от Луки (2015)	20000	смешанный	41
Дирр 1906	3400	Анди	0
Сулейманов 1957	330	Риквани	1
Церцвадзе 1965	1800	разные	0
Салимов 2010	770	Гигатли	1
Устный корпус (2015)	4400	Риквани	2

Дальнейшая структура работы такова. В разделе 2 мы кратко охарактеризуем систему андийских деепричастий (собственно «первичных» деепричастий, не включающих адвербиализатор). В разделе 3 на основе текстовых данных мы покажем употребление адвербиализатора с глагольными формами или, более точно, с глагольными клаузами. Далее в разделе 4 будет охарактеризовано использование =*giža* с именными и послеложными группами и наречиями. В разделе 5 подводятся итоги и делается вывод о статусе верхнеандийского показателя адвербиализации.

2. «Первичные» деепричастия в андийском языке

Как правило, в системе деепричастий нахско-дагестанских языков можно выделить «общие» по значению деепричастия, передающие значения предшествования или одновременности, и несколько «специализированных» деепричастий (часто называемых конвербами), выражающих более специфические темпоральные значения, а также причину, цель, условие и уступку и пр. В андийском система конвербов достаточно бедна, а общее деепричастие только одно — в отличие от ряда родственных языков, в андийском нет специальной формы деепричастия одновременности (или имперфективного деепричастия). Имеющееся перфективное деепричастие на *-du* выражает предшествование, оно образовано от перфективной основы и синкретично с финитной формой перфекта/результатива. От формы на *-du* при помощи вспомогательного глагола в прошедшем времени образуется аналитический плюсквамперфект. Помимо собственно предшествования (4), деепричастие на *-du* может выражать образ действия в конструкциях с глаголами движения, как в (5); см. также обсуждение употреблений деепричастия в [Verhees 2019].

(4) Экхилехе бикГудо дин гвала гьоггъуло бикГволдду гиллольбор?
(Сказки)

<i>el'i=leqe</i>	<i>b-ik'u-do</i>	<i>din</i>	<i>gwala</i>	<i>hogu=lo</i>
почему=MEDIT	IV-быть-HAB	я.ABS/ERG	мешок.ABS	[на_полу=ADD
<i>b-ik'wol-du</i>	<i>gil-lo=ti-bor?</i>			
IV-быть.CAUS-PFV.CVB]	катить-HAB=стать-COND			

‘А что если я опущу мешок на землю и покачу его (букв. если покачу, поставив)?’

(5) РучГиндду рулинно щив ишудолакку... (Сказки)

<i>r-uč'in-du</i>	<i>r-ulin-no</i>	<i>iw</i>	<i>išu-do-la-ku</i>
[V-убегать-PFV.CVB]	V-уходить-HAB	молоко.ABS	вымя-OBL-IN-ELAT

‘Бежит молоко по вымечку (букв. побежав/убегая идет)...’

К специализированным конвербам в андийском можно отнести условную форму (ср. *ti-bor* в (4)), от которой при

помощи показателя аддитива образуется уступительная, причинную форму ('из-за того, что'), две «терминативные» формы со значением временного предела ('до того, как'), а также форму соответствия ('согласно тому, как'). Образуются большинство конвербов от перфективной основы; одна из терминативных форм и форма соответствия образуются от презентной основы (а, точнее, от формы хабитуалиса на *-do*). Все указанные формы конвербов, за исключением условного, весьма редки — в текстах встречаются лишь единичные примеры их использования.

3. «Вторичные» деепричастия: адвербиализатор на глагольных формах

Всего в рассмотренных нами текстах встретилось 59 примеров использования адвербиализатора =*giža*. В подавляющем большинстве случаев (46 раз) данный показатель располагается на глагольной форме, при этом в большинстве из этих случаев (29 раз) это форма Презенса прогрессива, см. примеры (6)–(8) ниже.

Андийский Презенс прогрессива — это основная презентная форма, которая используется в различных контекстах имперфектива настоящего времени, в том числе прогрессивных, дуративных и хабитуальных (для выражения хабитуального значения имеется также специализированный Хабитуалис). Презенс прогрессива имеет «длинное» окончание *-rado* после обычных и *-tado* после назализованных основ, а также «краткое» окончание *-r* после обычных и *-n* после назализованных основ (краткие формы на *-n* используются крайне редко); у каузативных глаголов зафиксированы особые варианты *-rallo / -mallo*.

(6) Гьегер кечіи кьордиргужа, гьегеб булондду Нуф-Нуфохо. (Сказки)
hege-r keč'i q'ordi-r=giža, hege-b b-ulon-du
 [DEM-V песня.ABS петь-PROGR]=ADVZ DEM-III III-уходить-PRF
nuf-nuf-o-χo.

Нуф-Нуф-OBL-AD.LAT

'Напевая эту песенку, он направился к Нуф-Нуфу.'

(7) Петер вотонгужа риггъгодду гъаца гъирододи вокъашолгидду гъовул... (Лк. 9:34)

peter w-ot'o-n=giža r-igo-du hac'a
 [Петр.ABS M-разговаривать-PROGR]=ADVZ V-приходить-PFV.CVB белый
hiro-do-di w-oq'ašoti-du ho-w-ul...
 облако-OBL-ERG M-прятаться.CAUS-PRF DEM-M-PL

‘И он еще не успел договорить (букв. когда Петр говорил), как появилось облако и покрыло их своей тенью...’

(8) Эбиллъги босамадогужаги биссил воггъоллъгъо... (Лк. 24:17)

ebi-l-li bosa-mado=giža=vi bis:il w-ogolo...
 [что<IV>-OBL-GEN рассказывать-PROGR]=ADVZ=WH вы.ABS M-PL/приходить.PRS
 ‘Что это вы обсуждаете по дороге?’

Помимо Презенса прогрессива, с показателем =*giža* встретились нерегулярные формы презенсов (10 раз) — в частности, форма презенса на -o (-on) у глаголов движения и у глагола ‘смотреть’, см. (9) и первую часть (11).

(9) Вучондду вугъольгъогужало жена вошуло гъилолъги... (Лк. 9:42)

w-ušon-du w-ugolo=giža=lo žena
 [M-приводить-PFV.CVB M-приходить.PRS]=ADVZ=ADD бес.ABS
wošu-lo hilo-ŋi...
 мальчик-SUP.LAT вверху.LAT-VBZ.AOR

‘Когда мальчик подходил, бес набросился на него...’

Пять раз с показателем =*giža* встретила форма Перфекта на -*du*. Во всех случаях глагол выражает текущее состояние субъекта — ‘напуган’ (дважды, см. (10)), ‘слушает’ (дважды), ‘смотрит’. Так, в (11) клауза с Перфектом в резуль- тативном значении сочинена с клаузой с Презенсом.

(10) Кутакилогу сирддугужа, бошул ячичиндду йолондду. (Сказки)

kutaki=logu sir-du=giža, boš-ul j-ač'in-du
 [сила=COMIT пугаться-PRF]=ADVZ детеныш-PL.ABS III.PL-PL/убегать-PFV.CVB
j-olon-du.

III.PL-PL/уходить-PRF

‘В ужасе (букв. будучи сильно напуганными) бросились поросята бежать.’

(11) ...гъило члонгужало гьелубо гьаггъидусу, анчиддугужало бичи-
чуннусу. (Лк. 8:10)

hilo ċ'on=guža=lo he-lu-b'o hači-du-su,
[вверху.LAT смотреть.PRS]=ADVZ=ADD DEM-OBL.PL(M)-AFF<IV> видеть-INF-NEG
añči-du=guža b-ič'un-nu-su.
[слышать-PRF]=ADVZ IV-понимать-INF-NEG

‘...так что они смотрят — и не видят, слушают — и не понимают (букв. смотря не видеть, слушая не понимать).’

Наконец, дважды =*guža* используется с формой Футурума на *-ja*, которая в андийском является основной собственно футуральной формой, но при некоторых глаголах со стативной семантикой типа ‘знать’ или ‘мочь’ выступает в качестве формы с презентным значением.

(12) Гьелду сер т̀ири иду бегьеллосягужа, себу-себулло гьоклорол да-
нол иду вуггьинну вуклудяле биссил? (Лк. 12:26)

he-ldu se-r t'iri i-du bevel-losja=guža,
DEM-MNR [один-V немного делать-INF мочь-FUT.NEG]=ADVZ
sebu-se-b-ublo hok'or-ol dan-ol i-du
RDP~другой<IV-PL> тяжелый-PL вещь-PL.ABS делать-INF
w-uč'in-nu w-uk'u-dja=le bisil?
M-PL/начинать-INF M-PL/должен-FUT=Q вы.ABS

‘А если вы даже такой малости не можете, к чему заботиться об остальном?’

Таким образом, показатель =*guža* в андийских текстах зафиксирован со всеми основными видо-временными формами индикатива (презентными, футуруальной и перфектной), за исключением Аориста — перфективного прошедшего. Можно считать, однако, что перфективное деепричастие на *-di* как раз и является эквивалентом Аориста в нефинитной парадигме (его «адвербиальной репрезентацией»), и тем самым нет необходимости в адвербиализации аористной формы как таковой⁵.

⁵ Несмотря на возможность подобного функционального объяснения, следует отметить, что противопоставление Аориста всем остальным индикативным формам проявляется и в других аспектах андийского морфосинтаксиса — в частности, в выборе клитики в «парных» клитических наборах (одна из

Если исходить из трактовки =*giža* не как клитики, а как адвербиального (деепричастного) суффикса, то можно было бы считать, что в андийском языке этот суффикс образует несколько «вторичных» деепричастий от других глагольных форм, а именно от презенсов, Перфекта и Футурума. Таким образом, в парадигму глагола можно было бы добавить презентное деепричастие типа *bosamado-giža* ‘разговаривая’ от глагола ‘разговаривать’, перфектное деепричастие типа *sirdu-giža* ‘будучи напуганным’ от глагола ‘пугаться’ и футуральное деепричастие типа *bevelja-giža* ‘будучи в состоянии’ от глагола ‘мочь’. Именно такова трактовка форм на *-giža* в некоторых классических работах по андийской грамматике: так, в [Церцвадзе 1965: 359] и [Салимов 2010: 196] в числе деепричастий выделяется «деепричастие⁶ настоящего времени» на *-rado-гужа* (*-мадо-гужа*), а в [Сулейманов 1957: 407–409] упоминается, что в рикванинском говоре «посредством суффиксов *гу* и *гужа* образуются формы намеревательного, настоящего, общего и будущего времен деепричастий» (приводимые в данном разделе примеры при этом содержат только формы на *-giža*, но не на *-gu*).

Нам, однако, не кажется удачной трактовка =*giža* как суффикса, образующего деепричастные формы глаголов. Против такой интерпретации свидетельствуют два аргумента. Во-первых, даже в случае, если адвербиализации подвергается клауза, возглавляемая глагольной формой типа Презенса прогрессива, показатель =*giža* может располагаться не на самой глагольной форме. Так, в примере (13) адвербиализуется клауза *higili bosomado hegewul* ‘они рассказывают про это’, букв. «об этом рассказывают они»; результатом адвербиализации является зависимая клауза со значением ‘в то время, как они про это рассказывали’. В данном случае, однако, конечную позицию в клаузе зани-

пары вопросительных, квотативных и др. клитик сочетается только с Аористом в роли вершины клаузы, тогда как вторая клитика — с любой другой формой); см. подробнее [Майсак 2020]. Мы благодарны анонимному рецензенту за указание на эту параллель.

⁶ В терминах И. И. Церцвадзе — «абсолютив настоящего времени».

мает не глагол ‘рассказывают’, и в отличие от большинства рассмотренных выше примеров мы не видим здесь сочетания Презенса прогрессива с адвербиализатором *bosomado=giža* ‘в то время, когда рассказывал(и)’. Конечную позицию в клаузе занимает субъект *hegewul* ‘они’ — такая позиция не является нейтральной и, по всей видимости, вызвана особой коммуникативной структурой клаузы. Тем не менее, показатель *=giža* следует именно за конечным словом составляющей, а не за глаголом.

(13) Гьигилльльги босомато гьегевулжуа, рокъирола воккудогьодду саламло иччидду, Иса гьакъу рокьилльгьу зуди вугъидду. (Лк. 24:36)

<i>higi-l-li</i>	<i>boso-mado</i>	<i>hege-w-ul=giža,</i>
[DEM-OBL(F/N)-GEN	рассказывать-PROGR	DEM-M-PL]=ADVZ
<i>roq'ì-r-o-la</i>	<i>w-oku-do=vodu</i>	<i>salam=lo</i>
мириться-MSD-OBL-IN.ESS	М-оставаться-OPT=QUOT	приветствие.ABS=ADD
<i>ìçi-du,</i>	<i>isa</i>	<i>haq'u rol'iltu zudi w-ivi-du.</i>
давать-PFV.CVB	Иисус.ABS дом посередине стоймя	М-останавливаться-PRF

‘И вот, они это рассказывают (букв. когда они про это рассказывали) — и вдруг сам Иисус стоит посреди и говорит им: — Мир вам (букв. да будьте в мире)!’

Такая постановка грамматических показателей — на правой границе составляющей, а не на вершине — характерна для целого ряда андийских морфем, в том числе, например, квотативных клитик, оформляющих чужую речь (*=vodu,* *=łodu,* *=du*). Эти показатели «равнодушны» к категории слова-хозяина, они обозначают именно границу составляющей независимо от того, какой элемент находится последним. Здесь мы имеем дело с «маркированием границы» (edge marking), а не вершинным маркированием (head marking), которое ожидалось бы, будь *=giža* «собственно глагольным» показателем.

Второй аргумент был частично проиллюстрирован тем же примером (13), в котором «хозяином» *=giža* не является глагол. В действительности, адвербиализации при помощи *=giža* может подвергаться не глагольная клауза, а некоторые типы неглагольных составляющих.

4. Адвербиализаторы на неглагольных составляющих

На неглагольных составляющих показатель *=guža* в наших текстовых данных встретился 13 раз, при этом в 9 случаях на именной группе, в 1 случае на послеложной группе и в 3 случаях на наречии. В этих употреблениях составляющая — «хозяин» адвербиализатора обозначает определенное место, состояние (процесс) или способ действия. Так, адвербиализация *пространственной группы* может быть проиллюстрирована примерами (14) и (15) с локативными падежами имени, (16) с локативным наречием и (17) с послеложной группой. Во всех случаях исходная группа описывает область пространства, тогда как результирующая адвербиальная группа имеет значение ‘в то время, когда (субъект) находится в соответствующей области пространства’.

(14) Микъикъигужа сешди гъитондду Исахъи... (Лк. 9:57)
miq'i-l'i=guža se-š-di hit'on-du isa-qi...
 [дорога-SUB]=ADVZ один-OBL(M)-ERG говорить-PRF Иисус-APUD
 ‘...и в дороге какой-то человек сказал Иисусу...’

(15) Гъигилъзу Бетлегемагужа Маряний мочи иду заманно бехъодду... (Лк. 2:6)
higi-tu betlehem-la=guža marjan-i-j moči i-du
 [DEM-LOC Вифлеем-IN.ESS]=ADVZ Мария-OBL-DAT ребенок.ABS делать-INF
zaman=no b-eqo-du...
 время.ABS=ADD IV-достигать-PFV.CVB
 ‘И когда они были там в Вифлееме, ей пришло время родить...’

(16) Гъогъгъугужа ургъуннидду... (Сказки)
hogu=guža urvunni-du...
 [на_полу]=ADVZ думать-PRF
 ‘Села⁷ и думает...’

⁷ В андийском языке смысл ‘сидеться, сидеть’ выражается сочетанием наречия ‘на полу, на земле’ с глаголом ‘быть, стать’, ср. *hogu wuk'odu* ‘он сел/сидел’, букв. «на полу был». В примере (16) использовано только наречие *hogu* (в значении ‘сидя’, букв. «на полу, на земле») без бытийного глагола.

(17) ...илучіу гьинугужа Ххера Шанно кабдя гьешульгьи... (Лк. 1:15)

ilu-č'u hīnu=guža χ:era šan=no kab-dja
[мать-CONT внутри.ESS]=ADVZ драгоценный дух.ABS=ADD входит-FUT
he-šu-li...

DEM-OBL(M)-INTER

‘но исполнится Духа Святого с самого рождения (букв. будучи внутри матери)...’

Адвербиализация именных групп со значением состояния или процесса показана в (18) и (19). Первый пример можно интерпретировать и как содержащий безглагольную клаузу ‘в мире есть это поколение’ (без связки в андийском оригинале). Во втором примере *dua-χodirola* представляет собой номинализованное сочетание «молитва-просить» в локативном падеже (букв. «в молении»). Получаемые в результате адвербиализации обстоятельства описывают ситуации, сопутствующие осуществлению основной ситуации: ‘в то время, как в мире живет это поколение’, ‘в то время, как Иисус молился’.

(18) дунялла гьнооб наслугужа бульгьидя гьебгьибгьгъа дан...

(Лк. 21:32)

dunja-l-la hono-b naslu=guža b-ši-dja
[мир-OBL-SUP.ESS DEM-IV род.ABS]=ADVZ IV-выходить-FUT
he-b=vib=ga dan...

DEM-IV=CONTR=DEGR вещь.ABS

{Знайτε, что близко Царство Бога:} ‘еще не пройдет это поколение (букв. в мире это поколение будучи), как все это сбудется...’

(19) Дуа-ходи-ро-ла-гужа Иса гьадуку воршадду... (Лк. 9:29)

dua-χodi-r-o-la=guža isa hadu-ku
[молитва-просить-MSD-OBL-SUP.ESS]=ADVZ Иисус.ABS на_лице-ELAT
w-orša-du...

M-меняться-PRF

{Иисус поднялся на гору помолиться.} ‘И во время молитвы (букв. в молении будучи) лицо Его вдруг изменилось...’

Наконец, наречие *образа действия* подвергается адвербиализации в следующем примере. При том что *hegeballa* само по себе означает ‘так, таким образом’ (оно производно от демонстратива *hegeb* ‘тот’ при помощи показателя образа

действия *-(h)alla*), результирующую группу *hegeballa=guža* можно перефразировать примерно как ‘в то время, как дело обстояло таким образом’, ‘в то время, когда все случилось так, как оно случилось’. ‘Таким образом’ в данном случае описывает не собственно процесс перемещения, а отсылает к предшествующим событиям и резюмирует положение дел к моменту возвращения героя к обретенной им семье (семерым сестрам).

(20) Гъегебалла гужагъегевул чългулло гъундой решлИссол гъокъугу йоццухво вохъодду... (Сказки)

<i>hege-b-alla=guža</i>	<i>hege-w-ul</i>	<i>č'e-l-guɔblo</i>	<i>hundo-j</i>
[DEM-IV-MNR]=ADVZ	DEM-M-PL	два-PL-COLL<PL>	DEM-F
<i>reš-li=s:-ol</i>	<i>hol'u-gu</i>	<i>јоси-χʷo</i>	<i>w-oqo-du...</i>
лес-INTER=ATTR-PL	семь-NUM	сестра-AD.LAT	M-достигать-PRF

{Юноша убивает отца и мачеху, когда-то решивших обречь его на гибель, и забирает с собой свою сестру.} ‘И вот так они вдвоем пришли в лес к тем семерым сестрам...’

Заметим, что теоретически некоторые из адвербиализованных именных и послеложных групп или наречий могут оказаться клаузами, содержащими «нулевую» связку⁸. В андийском языке утвердительная связка настоящего времени *i* (по говорам, также *ži*, *ži*), как правило, не используется в предложениях идентификации и характеристики, хотя регулярно выступает в бытийных и локативных предложениях. В предложениях типа ‘(он) находится внутри матери’ (17) или ‘в мире существует это поколение’ (18) опущение связки в принципе не ожидается, поскольку это те контексты (соответственно, локативный и бытийный), где она стандартно присутствует. Однако мы не можем исключить, что ее опущение здесь все-таки имеет место и вызвано пока еще не выявленными причинами.

⁸ Мы благодарны анонимному рецензенту за указание на возможность данного анализа.

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели употребления в текстах показателя =*giʒa*, который в подавляющем большинстве случаев используется при глагольных формах, превращая соответствующую финитную клаузу в зависимую адвербиальную клаузу. Как выяснилось, однако, =*giʒa* не «принадлежит» именно форме глагола, но маркирует клаузу целиком, располагаясь на ее правой границе. Поскольку в глагольных клаузах андийского языка именно глагол, как правило, занимает конечную позицию, =*giʒa* стандартно следует за глаголом, что может создать впечатление, будто этот показатель является именно глагольным аффиксом, а сочетания финитных форм с этим аффиксом представляют собой своего рода «вторичные», производные деепричастия. Однако имеются примеры как того, что в адвербиализованной глагольной клаузе =*giʒa* располагается не на глаголе, а на другом конечном слове, так и того, что адвербиализации подвергаются неглагольные составляющие. Тем самым, вопреки существующей описательной традиции (см. о ней раздел 3) =*giʒa* следует признать не суффиксальным показателем деепричастий, а более общим по значению и более автономным показателем адвербиализации, превращающим финитные клаузы и неглагольные составляющие разных типов в обстоятельства. Морфосинтаксический статус андийского адвербиализатора можно определить как клитику (энклитику) или же, в рамках тех подходов, которые предпочитают не иметь дела с клитиками как особым классом грамматических единиц, — как «фразовый аффикс» (phrasal affix), ср. прежде всего обсуждение в [Anderson 2005; Spencer & Luís 2012].

Обратимся ко второму из поставленных нами в начале исследовательских вопросов. Хотя в подавляющем большинстве случаев адвербиализованная клауза или составляющая с =*giʒa* выражает ситуацию, сопутствующую по времени ситуации, выраженной в главной клаузе («имеет место P при том, что имеет место Q»), =*giʒa* вряд ли можно

считать именно темпоральным маркером¹. Так, например, в (12) значение зависимой клаузы ('если вы даже такой малости не можете') можно интерпретировать как условное либо причинное, а не чисто темпоральное. Аналогично, в (21) из устного корпуса риквининского говора *su=giža* 'не существую; при том, что не существует' в сочетании с аддитивной клитикой выражает уступительное значение. Очевидно, впрочем, что второстепенная ситуация, синхронная основной, может в зависимости от контекста расцениваться и как условие либо причина осуществления последней.

(21) Гьегелд рулИд, ссугужало все равно гьегелд рулИд жиг'гойд. (Устный корпус)

<i>hege-l-d</i>	<i>ruli-d</i> ,	<i>su=giža=lo</i>	<i>wse rawno</i>
DEM-OBL(F/N)-ERG	говорить-PRF	[COP.NEG]=ADVZ=ADD	все.равно
<i>hege-l-d</i>	<i>ruli-d</i>	<i>ži=wojd</i> .	
DEM-OBL(F/N)-ERG	говорить-PRF	COP=QUOT	

{Бедняк заходит в дом и спрашивает у женщины, есть ли у нее что-нибудь, чтобы накормить его.} 'Она сказала, хотя и не было, все равно сказала, что есть.'

Как и в случае с атрибутивизацией глагольных форм (клауз), рассмотренных ранее в работе [Майсак 2021], про адвербиализацию глаголов нельзя сказать, что она «не нужна» и функционально просто дублирует уже существующие в языке деепричастия. В андийском есть только одно общее деепричастие, и оно выражает в основном перфективное значение (см. раздел 2 выше). Семантические зоны имперфективности (дуративность, хабитуальность, генеричность) или футуральности/перспективности деепричастными формами никак не охвачены. Эти функциональные лакуны и заполняются адвербиализацией глагольных клауз, возглавляемых основными индикативными формами — Презенсом прогрессива (и другими презенсами),

¹ Специализированные темпоральные конструкции в андийском также существуют и исторически представляют собой причастные клаузы с (теперь уже частично морфологизованным) вершинным именем *rihi* 'время', ср. *anti-b-rihi* [слышать-PFV.PTCP-время] 'когда услышал'.

Перфектом и Футурумом. Адвербиализованные клаузы с первой из этих форм покрывают имперфективную зону, со второй — перфектно-результативную, с третьей — проспективную и генерическую. Как следует из упоминаний образования форм на *-гужа* в рикванинском говоре у Я. Сулейманова, этот показатель может сочетаться и с другими формами парадигмы, например формой намерения: ср. *хъвардулхъ-гужа* [Сулейманов 1957: 408], где *q^wardulq* — рикванинская форма, означающая ‘собирается написать’. Следовательно, адвербиализатор способен превратить любое видо-временное значение, передаваемое финитной формой индикатива, в признак сопутствующей ситуации.

Помимо этого, адвербиализованное сочетание, которое обозначает сопутствующую ситуацию, может быть построено и не на основе глагольной клаузы. В корпусных данных в качестве составляющих, адвербиализуемых при помощи *=gūža*, зафиксированы именные группы (как правило, в локативных падежах), послеложные группы и некоторые наречия. Ограничения на адвербиализацию неглагольных составляющих пока ясны не до конца в силу лишь небольшого числа имеющихся примеров, и в будущем могут быть уточнены данными элицитации. Кроме того, остается пока открытым вопрос о том, могут ли как минимум некоторые из адвербиализуемых именных или послеложных групп на самом деле представлять собой клаузы, а именно бытийные предложения с «нулевой» связкой.

Благодарности

Автор благодарит двух рецензентов за целый ряд критических замечаний, позволивших существенно улучшить текст статьи, а также Стивена Кея за обсуждение и ценные поправки.

Сокращения

ABS — абсолютив

AD — локализация ‘возле’

ADD — аддитив

ADVZ — адвербиализатор

AFF — аффектив	INTER — локализация
AOR — аорист	‘внутри массы’
APUD — локализация ‘возле’	IV — 4-й род
ATTR — атрибутивизатор	LAT — латив
CAUS — каузатив	LOC — локативная серия
COLL — собирательность	демонстративов
COMIT — комитатив	M — 1-й (мужской) род
COND — кондиционал	MEDIT — вопрос-
CONT — локализация	размышление
‘в контакте’	MNR — образ действия
CONTR — контрастив	MSD — масдар
COP — связка	(отглагольное имя)
CVB — деепричастие	NEG — отрицание
DAT — датив	NUM — числительное
DEGR — показатель степени	OBL — косвенная основа
DEM — демонстратив	OPT — оптатив
ELAT — элатив	PFV — перфектив
ENIM — энимитив	PL — множественное число
ERG — эргатив	PRF — перфект
ESS — эссив	PROGR — презенс прогрессива
F — 2-й (женский) род	PRS — презенс
F/N — женский или	PTCP — причастие
средний род	Q — общий вопрос
FUT — будущее время	QUOT — квотатив
GEN — генитив	RDP — редупликация
HAB — хабитуалис	SUB — локализация ‘под’
III — 3-й род	SUP — локализация ‘сверху’
IN — локализация	V — 5-й род
‘внутри контейнера’	WH — частный вопрос
INF — инфинитив	VBZ — вербализатор

Источники

Дунялла бахуннирсси халгъгьиллЛол гъгъванаб мицццИ-иллассол мухал [Сказки народов мира на андийском языке]. Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад», 2010.

Лукашди босам рергъанолълги хабар [Евангелие от Луки]. Москва: Институт перевода Библии, 2015.

Литература

Дирр А. М. Краткий грамматический очерк андийского языка // *Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа*. 1906, вып. 36, отд. 4, 1–200.

Закирова А. Н. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // *Родной язык*, 2020, 2: 94–123.

Майсак Т. А. Атрибутивные показатели в андийском языке: клитики или аффиксы? // Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. Москва, 2019, 280–305.

Майсак Т. А. Выбор клитики в зависимости от видо-временной формы предиката: данные андийского языка // *Типология морфосинтаксических параметров*, 2020, 3(1): 77–94.

Майсак Т. А. Простые и производные причастия в андийском языке: сходства и различия в морфологии и семантике // *Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи. Сборник статей по материалам VII Международной научной конференции. 24–25 июня 2021 г.* Махачкала, 2021, 63–68.

Салимов Х. С. *Гагатлинский говор андийского языка*. Махачкала, 2010.

Сулейманов Я. Г. *Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани)*. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1957.

Церцвадзе И. И. *Андийский язык*. Тбилиси, 1965. [На груз. яз., резюме на рус. яз.]

Anderson S. R. *Aspects of the theory of clitics*. Oxford, 2005.

Forker D. Towards a semantic map for intensifying particles: Evidence from Avar // *STUF — Language Typology and Universals*, 2015, 68: 485–513.

Maisak T. Endoclitics in Andi // *Folia Linguistica*, 2021, 55(1): 1–34.

Panov V. The marking of uncontroversial information in Europe: presenting the enimitive // *Acta Linguistica Hafniensia*, 2020, 52(1): 1–44.

Spencer A., Luis A. *Clitics: An introduction*. Cambridge, 2012.

Verhees S. General converbs in Andi // *Studies in Language*, 2019, 43(1): 195–230.

Sources

Dunyalla bakhunnirssi khalg"g"illIol g"g"vanab mitsItsIillassol mukhal [World fairy-tales in Andi]. Otv. red. P. A. Mago-medova, per. M. A. Alisultanovoi. Makhachkala: ID «Nurul' irshad», 2010.

Lukashdi bosam rerg'anol"l"i khabar [Gospel of Luke]. Moskva: Institut perevoda Biblii, 2015.

References

Anderson S. R. *Aspects of the theory of clitics*. Oxford, 2005.

Dirr A. M. Kratkii grammaticheskii ocherk andiiskogo yazyka [Brief grammar sketch of the Andi language] // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza*, 1906, vyp. 36, otd. 4, 1–200. (In Russ.)

Forker D. Towards a semantic map for intensifying particles: Evidence from Avar // STUF — *Language Typology and Universals*, 2015, 68: 485–513.

Maisak T. A. Atributivnye pokazateli v andiiskom yazyke: klitiki ili affiksy? [Attributive markers in Andi: clitics or affixes?] // Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (red.). *Sbornik statei k 85-letiyu V. S. Khrakovskogo*. Moskva, 2019, 280–305. (In Russ.)

Maisak T. A. Prostye i proizvodnye prichastiya v andiiskom yazyke: skhodstva i razlichiya v morfologii i semantike [Basic and derived participles in Andi: similarities and differences in their morphology and semantics] // *Kavkazskie yazyki: genetiko-tipologicheskie obshchnosti i areal'nye svyazi*. *Sbornik statei po materialam VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. 24–25 iyunya 2021 g. Makhachkala, 2021, 63–68. (In Russ.)

Maisak T. A. Vybor klitiki v zavisimosti ot vido-vremennoi formy predikata: dannye andiiskogo yazyka [The choice of a clitic can be driven by the tense-aspect form of the predicate: evidence from Andi] // *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*, 2020, 3(1), 77–94. (In Russ.)

Maisak T. Endoclitics in Andi // *Folia Linguistica*, 2021, 55(1): 1–34.

Panov V. The marking of uncontroversial information in Europe: presenting the enimitive // *Acta Linguistica Hafniensia*, 2020, 52(1): 1–44.

Salimov Kh. S. *Gagatlinskii govor andiiskogo yazyka* [The Gagatli dialect of Andi]. Makhachkala, 2010. (In Russ.)

Spencer A., Luis A. *Clitics: An introduction*. Cambridge, 2012.

Suleimanov Ya. G. *Grammaticheskii ocherk andiiskogo yazyka (po dannym govora s. Rikvani)* [Grammar sketch of Andi, based on the dialect of the Rikvani village]. Diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1957. (In Russ.)

Tsertsvadze I. I. *Andiiskii yazyk* [The Andi language]. Tbilisi, 1965. (In Georgian, in Russ.)

Verhees S. General converbs in Andi // *Studies in Language*, 2019, 43(1): 195–230.

Zakirova A. N. Soglasovanie po chislu v andiiskom yazyke: ekspansiya iz paradigmy sushchestvitel'nykh [Number agreement in the Andi language: Expansion from the nominal paradigm] // *Rodnoy yazyk*, 2020, 2: 94–123. (In Russ.)

Майсак Тимур Анатольевич

Институт языкознания РАН

НИУ ВШЭ

Москва, Россия

Maisak Timur Anatolievich

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

HSE University

Moscow, Russia

timur.maisak@gmail.com

**Глаголы 'лить(ся)' и 'сыпать(ся)'
в шугнанском языке¹**
The verbs meaning 'to pour' in Shughni

Е. Е. Арманд, Ш. С. Некушоева

E. E. Armand, Sh. S. Nekushoeva

Статья посвящена исследованию лексической семантики глаголов со значением 'лить(ся)' — 'сыпать(ся)' в шугнанском языке, одном из памирских языков, на котором говорят в Горно-Бадахшанской АО Таджикистана. Материалом для статьи послужили словарные данные шугнанского языка [Карамшоев 1988–1999], а также полевые материалы 2021 г., собранные во время экспедиции в г. Хорог. В работе последовательно рассматриваются шугнанские лексемы со значением 'лить(ся)' и 'сыпать(ся)' и проводится анализ примеров их употреблений. Работа завершается построением типологической карты, основанной на шугнанском материале.

Ключевые слова: лексическая типология, лить(ся) — сыпать(ся), шугнанский язык, памирские языки

In this paper, we undertake a study of the lexical semantics of verbs with the meaning 'to pour' in one of the small Eastern Iranian languages of the Pamirs — Shughni, spoken in the Gorno-Badakhshan Autonomous Province of Tajikistan. Data for the paper were extracted from the published dictionary of the Shughni language [Karamshoev 1988–1999], as well as field materials from 2021 (Khorugh) collected by the authors on the basis of a typological questionnaire. The work ends with the construction of a typological map based on the Shughni material.

Key words: lexical typology, to pour, Pamir languages, Shughni

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-1-73-108

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Статья посвящена описанию ситуаций перемещения жидкостей и сыпучих веществ, т. е. глаголов со значением 'лить(ся)' и 'сыпать(ся)' в шугнанском языке².

Из известных нам работ по описанию данного семантического поля отметим статью «Глаголы перемещения веществ в некоторых финно-угорских языках» [Кашкин 2020], «Глаголы перемещения веществ в типологической перспективе» [Дзедзич 2016] — на материале 11 языков, а также дипломная работа «Глаголы движения и перемещения веществ: семантика и типология» [Дзедзич 2017].

Обе эти статьи и дипломная работа написаны в рамках MLexT/ фреймового подхода [Рахилина, Резникова 2013] и опираются на 7 основных фреймов, значимых для семантического поля перемещения веществ, выделенных в [Дзедзич 2016]: дождь; снег; вода в реке; вода из крана; вещество из контейнера (дыра в контейнере); жидкость из контейнера (опрокинутый контейнер); вещество из контейнера (чрезмерное количество вещества в контейнере). В той же статье отмечается, что для лексикализации идеи перемещения вещества релевантными оказываются следующие параметры:

² Шугнанский язык относится к шугнано-рушанской группе, принадлежащей северно-памирской подгруппе восточноиранской группы иранских языков. Внутри восточноиранских языков принято выделять группу памирских языков, к которым, кроме шугнанского, относятся также рушанский, язгулямский, ваханский, ишкашимский, бартангский и др. Эти бесписьменные языки распространены на территории современной Горно-Бадахшанской автономной области республики Таджикистан, а также на территории Афганистана, Пакистана и КНР. Шугнанский язык распространен в Рашкалинском и Шугнанском районах на Западном Памире и в Афганском Бадахшане. Шугнан находится в долине реки Пяндж и в долине ее притоков — Гунт, Шахдара (Рашкалинский район) и Баджув. Число говорящих носителей примерно 100 тыс. человек [Эдельман, Юсуфбеков 1999].

- 1) тип вещества (жидкость — сыпучее вещество);
- 2) количество вещества (перемещение отдельными квантами — перемещение сплошным потоком);
- 3) свойства исходного контейнера (полное освобождение от содержимого — частичное освобождение от содержимого) [Дзедзич 2016: 29–30].

В дипломной работе Е. А. Дзедзич используются данные 13 языков. В этой работе добавлен четвертый параметр «характер движения»: плавное или бурным потоком. Для каузированного перемещения веществ, по мнению автора, имеет значение:

- 1) контролируемость — неконтролируемость действия;
- 2) направление перемещения: в контейнер — из контейнера;
- 3) тип конечной точки: контейнер или поверхность. В одной из подглав анализируется шугнанский материал, взятый в основном из шугнанско-русского словаря Д. Карамшоева. К сожалению, в данной работе учтены не все шугнанские глаголы, попадающие в семантическое поле лить(ся) — сыпать(ся).

В целом, развивая эти идеи, мы рассматриваем как непереходные глаголы и ситуации, не предусматривающие действия человека, так и переходные³, а также отдельно рассматриваем ситуации перемещения жидких и сыпучих веществ, связанных с физиологией человеческого тела такие как выпадение волос, течение крови, пота, слюны, слез и т. п.

Языковые данные изначально были собраны по Шугнанско-русскому словарю Д. Карамшоева [Карамшоев 1988; Карамшоев 1991; Карамшоев 1999], затем эти данные были проанализированы и скорректированы во время экспедиции, которая проходила в июне 2021 г. в городе Хорог Горно-

³ Мы вынуждены отказаться от термина *каузативные глаголы*, поскольку в иранистике и индоевропеистике этот термин используется для описания определенной глагольной словообразовательной модели.

Бадахшанской автономной области республики Таджикистан. После опроса информантов нам пришлось отказаться от анализа нескольких глаголов, отмеченных в словаре и попадающих в исследуемое семантическое поле, поскольку носители языка эти глаголы не знают и не употребляют. К сравнению мы будем иногда привлекать данные таджикского как доминирующего языка, опираясь на современный таджикско-русский словарь [Таджикско-русский словарь 2006].

В статье последовательно рассмотрены следующие ситуации, входящие в семантическую зону перемещения жидких и сыпучих веществ:

1. Переходные глаголы. Действия человека с жидким и сыпучим веществом.

- 1.1. Ситуации намеренного высыпания и выливания (контролируемое действие):
 - 1.1.а. переливание/пересыпание из сосуда в сосуд, зачерпывание;
 - 1.1.б. переливание/пересыпание из сосуда в открытое пространство.
- 1.2. Ситуации неаккуратного обращения с жидким или сыпучим объектом (неконтролируемое действие).

2. Непереходные глаголы:

- 2.1. Самопроизвольное перемещение вещества при нарушении целостности сосуда.
- 2.2. Природные явления, в которых задействованы жидкие и сыпучие объекты (явления окружающего мира), к ним относятся:
 - 2.2.а. выпадение осадков;
 - 2.2.б. сезонные природные явления или природное нарушение целостности (падение снега с веток, листьев с деревьев, лепестков с цветов, камней с горы и т. п.);
 - 2.2.в. течение рек и разных потоков жидкостей.
- 2.3. Движение жидкостей и сыпучих веществ, связанных с физиологией человеческого тела:

- 2.3.а. течение слез, слюны, пота;
 2.3.б. течение крови;
 2.3.в. выпадение зубов и волос.

1. Переходные глаголы. Действия человека с жидким и сыпучим веществом

1.1. Ситуации намеренного высыпания и выливания (контролируемое действие)

1.1.а. переливание/пересыпание из сосуда в сосуд, зачерпывание

Процесс активного перемещения жидкого или сыпучего объекта подразумевает определенное действие с сосудом, содержащим в себе вещество: например, его надо наклонить над другим, чтобы вещество переместилось в другой сосуд, или же вещество можно зачерпнуть из большого сосуда, погрузив в него сосуд меньшего объема. В шугнанском языке переходные глаголы со значением 'налить' и 'насыпать' не различают жидкий или сыпучий тип вещества-объекта, поскольку для обоих процессов используют одни и те же глаголы, а именно:

- 1) сложный глагол *xoli čīdow*⁴ (1), (2) состоит из именной части *xoli*, которая является заимствованным из таджикского языка прилагательным 'пустой, порожний', и глагольной части *čīdow* 'делать'. В результате получается переходный глагол со значением 'опорожнять, высыпать, переливать, освобождать' (про жидкое и сыпучее) [Карамшоев 1999: 218–219]. Он используется в большинстве бытовых ситуаций обращения человека с пищевыми продуктами: *налить/вылить/перелить* чай/суп, *насы-*

⁴ Как и в других иранских языках, в шугнанском довольно употребительны так называемые сложно-именные глаголы, представляющие собой устойчивое сочетание именной (существительное, прилагательное или наречие) и глагольной части, которая и несет всю грамматическую информацию (глаголов, входящих в такие сочетания, немного).

пать/высыпать/пересыпать сахар/муку. По всей видимости, этот глагол передает идею освобождения, опустошения сосуда, содержащего вещество, от объекта, жидкого или сыпучего, и неважно, перемещается ли объект из большего по объему сосуда в меньший или из меньшего в больший, важно, что ориентиром является исходный сосуд, а цель действия — его освобождение от объекта.

- 2) В тех же ситуациях употребляется простой многозначный глагол *čīdow* ‘делать, изготавливать’ (1), (2), (3), (4): одним из его значений, отмеченных в словаре, зафиксировано ‘класть, помещать, сыпать, лить’ [Карамшоев 1991: 123–124]. Однако *čīdow* попадает в семантическую зону ‘лить(ся) — сыпать(ся)’ лишь частично, поскольку обслуживает ситуацию ‘переместить объект’, при этом качество объекта для этого глагола не имеет значения, он может быть жидким (*налил(ся) супа*), сыпучим (*насыпать муки*) или цельным, не членимым на кванты (*положить мясо в мешок*).

(1) *xoli čīdow* или *čīdow*

<i>sāraki=yi</i>	<i>tu</i>	<i>mūt</i>	<i>māš-ard</i>	<i>čoy</i>	<i>xoli</i>	<i>čū-(d)</i>
утром=3SG	1SG.O	бабушка	1PL-LAT	чай	пустой	делать-PST
<i>sāraki=yi</i>	<i>tu</i>	<i>mūt</i>	<i>māš-ard</i>	<i>čoy</i>	<i>čū-(d)</i>	
утром=3SG	1SG.O	бабушка	1PL-LAT	чай	делать-PST	

Утром бабушка налила нам чай.

(2) *xoli čīdow* или *čīdow*

<i>tu</i>	<i>nān=i</i>	<i>qand</i>	<i>ar</i>	<i>banka</i>	<i>xoli</i>	<i>čū-d</i>
1SG.O	мать=3SG	сахар	DOWN	банка	пустой	делать-PST
<i>tu</i>	<i>nān=i</i>	<i>qand</i>	<i>ar</i>	<i>banka</i>	<i>čū-(d)</i>	
1SG.O	мать=3SG	сахар	DOWN	банка	делать-PST	

Мама насыпала сахар в банку.

(3) *xoli čīdow* или *čīdow*

širčoy tu-rd dūs-aθ xoli kin
 ширчай⁵ 1SG.O-LAT немного-ADV пустой делать.IMP

Налей мне самую малость ширчая.

(4) только *čīdow*

ar mi ric mit dūs uoŷ=i čū-d
 DOWN 1SG.O сын горсть немного мука=3SG делать-PST

Он(а) насыпал(а) в ладонь моему сыну немного муки.

3) При погружении меньшего по объему сосуда в больший — для жидких веществ — или перемещения сыпучих, состоящих из относительно крупных элементов (картошка), а также для пересыпания зерна лопатой из большой кучи в мешок или другую емкость, используется глагол *biχčīdow* 'черпать, зачерпывать, разливать, насыпать (жидкости и сыпучие вещества)' (5), (6). Этот глагол используется для обозначения ситуации разделения вещества большого объема на отдельные порции. Например, в соответствующей словарной статье приводятся примеры *разлить в миски* или *разлить по цистернам* для жидких веществ и *насыпать зерно в мешок* для сыпучего объекта [Карамшоев 1988: 257–258].

(5)

dam χac uāχ dī xi wuz biχč=ām
 D2.F.SG.OBL вода лед бить.IMP и 1SG.NOM черпать=1SG

Расколи лед на воде, и я зачерпну [воды]. [Карамшоев 1988: 257]

(6)

dam sér ar būjīn biχča
 d2.f.sg.obl зерно⁶ DOWN мешок сыпать.imp

Насыпай то зерно в мешок. [Карамшоев 1988: 258]

⁵ Национальный напиток памирцев, состоящий из молока (*шир*) и чая (*чай*) с добавлением соли, перца и топленого жира.

⁶ Куча зерна на току.

1.1.б. Переливание/пересыпание из сосуда в открытое пространство ('вылить, высыпать')

Эта группа ситуаций отличается от 1.1.а. направлением перемещения и типом конечной точки — из контейнера в открытое пространство.

В ситуации 'вылить, высыпать' используются глаголы, различающие способ рассыпания/разливания, но не различающие тип объекта по признаку *жидкое* и *сыпучее*. Здесь важным признаком оказывается движение руки и интенсивность процесса.

- 1) При равномерном, спокойном высыпании, например зерна из сосуда на землю, или выливании воды из ведра используется тот же, что и в ситуации намеренного высыпания из сосуда в сосуд, глагол *xoli čīdow* букв. 'освобождать, делать пустым', при этом целью действия является освобождение исходного контейнера, а ориентиром перемещения вещества может быть как сосуд (примеры 1, 2, 3), так и открытое пространство.

(7)

kaħt sitol-ti xoli kin

зерно стол-SUP пустой делать.IMP

Высыпи (из сосуда) зерно на стол.

- 2) Если для рассыпания или выливания производится резкое движение руками при переворачивании сосуда, т. е. для обозначения интенсивного перемещения объекта, а также при ненамеренном, неаккуратном действии используется глагол *tis čīdow* 'выливать, проливать; рассыпать, просыпать' [Карамшоев 1999: 82]. Этот глагол также попадает в группу 1.2. Ситуации неаккуратного обращения с жидким или сыпучим объектом или неконтролируемое действие, пример 17.

(8)

dam *ħac* *tis* *kin*
 d2.f.sg.obl вода разливать.IMP

Вылей эту воду.

3) Когда же акцент делается на способе рассыпания вещества, жидкого или сыпучего, а именно — равномерно по поверхности широким горизонтальным движением руки от себя, т. е. когда объект намеренно рассыпают или разбрасывают, используется глагол *ǰibtow/ǰiptow* 'брызгать, разбрызгивать; разбрасывать; рассыпать; разливать; выплескивать' [Карамшоев 1999: 483–484].

(9)

kaħt *zimāδ-ard* *ǰip* *čax-en* *wi* *x=en*
 зерно земля-LAT рассыпать.IMP курица-PL D3.M.SG.O есть=3PL

Насыпь (по большой поверхности) это зерно на землю, куры его склюют.

4) В эту же группу попадает глагол *pireħtow* 'сыпать, рассыпать, высыпать' [Карамшоев 1991: 416], отличающийся способом движения руки — здесь акцентируется движение пальцами, при этом объект движется строго по вертикали, этот глагол правильно было бы перевести 'сыпать щепотью'; он употребляется для перемещения сыпучих веществ, состоящих из мелких частиц, например соли, молотого перца, различных специй, сахарного песка (10). Согласно этимологическому словарю иранских языков Д. И. Эдельман, этот глагол состоит из глагольного корня, к которому восходит современный шугнанский глагол *riħtow* 'лить(ся), сыпать(ся)', и древнего пререверба **pati-* 'против, перед, к, у' [Эдельман 2020: 243] или **pari-* глагольный префикс указывает на усиление действия, на завершение, на действие, направленное сквозь, через что-либо [Эдельман 2020: 177].

(10)

<i>bād</i>	<i>xu</i>	<i>yingaħt</i>	<i>wireħ-t</i>	<i>xu</i>
потом	REFL	палец	разрезать-PST	и
<i>wim-ird</i>		<i>namak</i>	<i>pireħ-t</i>	
D3.F.SG.O-LAT		соль	сыпать-PST	

Тогда он разрезал свой палец и посыпал на него соль. [Карамшоев 1991: 416]

5) Лишь отчасти в эту группу попадает сложный глагол *tixĩrm ċĩdow* ‘разбрасывать, раскидывать’ (*tixĩrm* ‘разбросанный’) [Карамшоев 1999: 83]. Судя по примерам, приведенным в словаре (*разбросать солому, золу, навоз, подстилки под коровами*), объект действия может быть сыпучим или членимым на отдельные кванты, но не может быть жидким. В отличие от первых четырех глаголов этой группы, для *tixĩrm ċĩdow* не важен способ движения руки или орудия.

(11)

<i>woħ=at</i>	<i>δĩd=en</i>	<i>tixĩrm</i>	<i>ċĩj-ĵ</i>
травы-ADD	навоз=3PL	разбросанный	делать-PF

Разбросали солому и навоз.

6) В ситуации намеренного перемещения сыпучего объекта с открытой поверхности в другое место, также на открытую поверхность, употребляется простой переходный глагол *pitēwdow* — ‘бросать, кидать’ [Карамшоев 1991: 387–388] (12). Этот глагол используется также в ситуациях намеренного перемещения отдельных предметов, не членимых на кванты (*бросать яблоко, закладывать табак*), поэтому он лишь частично попадает в исследуемую семантическую зону.

(12)

Axmed sit=i bel-qati pitêw-d
 Ахмед песок=3SG лопата-COM кидать-PST

Ахмед пересыпал песок лопатой.

7) Также в шугнанском языке есть специализированный глагол *wizêrtow* 'разбрасывать (навоз), удобрять навозом' [Карамшоев 1988: 353] (13).

(13)

δīd=en yo-d tar zamīn xu daδ=en
 навоз=3PL везти-3PST EQ поле и потом=3PL

wizêr-t wat
 разбрасывать-PST D3.F.SG.O

Привозили навоз в поле и потом разбрасывали его. [Карамшоев 1988: 353]

В ситуации намеренного перемещения жидкости из сосуда в открытое пространство используется сложный глагол *ħac δêdow* — 'поливать, орошать', состоящий из именной части *ħac* 'вода' и простого многозначного глагола *δêdow* в своем прямом значении 'давать, отдавать' [Карамшоев 1999: 253].

(14)

zimāδ ħac δa yū-d-ard lap qoq
 земля вода давать.IMP D3.M.SG-LAT очень сухой

Полей землю, тут очень сухо.

Если речь идет о поливе большой поверхности (сельскохозяйственных угодий), используется простой глагол *vidêzdow* 'орошать, поливать' [Карамшоев 1988: 303] (15) или синонимичный ему сложный глагол с тем же корнем в именной части *vidoj ċīdow* 'орошать, поливать поля', где *vidoj* 'орошение, полив' и глагольная часть *ċīdow* 'делать' (16).

(15)

xu žindam=at vidūy-d=o?

REFL пшеница=2SG поливать-PST=Q

Ты полил свою пшеницу? [Карамшов 1988: 303]

(16)

asid-ta wuz pinz gektar zamīn vidoj kin=um

этот год-TEMP 1SG.NOM пять гектар земля полив делать=1SG

В этом году я буду орошать 5 гектаров земли. [Карамшов 1988: 304]

1.2. Ситуации неаккуратного обращения с жидким или сыпучим объектом или неконтролируемое действие

Для описания ситуации неаккуратного обращения с жидкими или сыпучими веществами (твердыми, членимыми на отдельные кванторы, например ягоды, спички и т. п.) используются сложные глаголы с именной частью *tis*, значение которой в словаре не определено, поскольку как самостоятельное слово *tis* не употребляется. Активный глагол *tis čīdow* ‘выливать, проливать; рассыпать, просыпать’, при котором жидкое или сыпучее вещество становится прямым объектом.

(17)

yūd-and čīz tis sud-ĵ

здесь-LOC что-нибудь разлиться-PRF

yūd-and(īr) Fariza rūyan tis čū-d

здесь-LOC Фариза масло разлить-PST

Что здесь разлилось? Здесь Фариза разлила масло.

Залоговой парой к нему становится глагол *tis sitow*⁷ ‘выливаться, проливаться, разливаться; высыпаться, рассыпаться-

⁷ В шугнанском языке, как и во многих других иранских языках, залоговые пары сложно-именных глаголов образуются путем

ся, просыпаться' [Карамшоев 1999: 82], это пассивный глагол, в котором сыпучее или жидкое вещество становится логическим субъектом действия. Важным элементом значения обоих глаголов является процесс переливания или пересыпания через край сосуда или любого другого вместилища, например мешка для сыпучих веществ (17), (18), (19), (20).

(18)

ar wat čaunak ħac lap vad xu yā
 DOWN D3.F.SG.O чайник вода много быть.pst.f и d3.f.sg
čoy tis sa-t
 чай разлиться.F-PST

В том чайнике было много воды, и чай перелился.

(19)

ħuvd jūħ do-d xu plitka-yard
 молоко кипение давать-PST и плита-LAT
tis su-t
 разлиться-pst

Молоко закипело и разлилось на плите.

(20)

wi-nd qāp birinj-qati az wi sīvd-ti
 D3.M.SG.O-LOC мешок рис-COM EL D3.M.SG.O плечо-SUR.ES
wex-t xu birinj tis su-t
 падать-PST и рис рассыпаться-PST

Мешок с рисом свалился у него с плеча, и рис рассыпался.

Только для сыпучих веществ используется каузативный глагол *razentow* 'осыпать, рассыпать, высыпать' [Карамшоев 1991: 474], он образован от основы настоящего времени глагола *riħtow* 'сыпаться', который используется только по отношению к сыпучим веществам.

замены глагольной части *čīdow* 'делать' (активный залог) на глагольную часть *sitow* 'делаться, становиться' (пассивный залог).

(21)

dim *birinj* *mā-razen*

D2.M.SG.O рис PRON-сыпать.IMP

Не просыпь этот рис!⁸

2. Непереходные глаголы

2.1. Самопроизвольное перемещение вещества при нарушении целостности сосуда или любого другого вместилища

В шугнанском языке глаголы, обозначающие движение жидкости или сыпучих веществ при потере функциональности сосуда или любого другого вместилища, различают жидкое или сыпучее вещество и траекторию движения; важным элементом значения оказывается также интенсивность движения вещества. При перемещении сыпучих веществ сверху вниз используется глагол *rixtow* 'сыпаться', который употребляется при строго вертикальном движении объекта (22), (23). Глагол с этим же корнем перс. *rixtan*, тадж. *рехтан* 1. лить, наливать; 2. литься, течь; проливаться; 3. впадать, втекать, вливаться (о реке, ручье); 4. сыпать, осыпать; 5. сыпаться, просыпаться; 6. осыпаться, опадать (о листьях); 7. падать, выпадать (о зубах, волосах) [Таджикско-русский словарь 2006: 695]; в персидском и таджикском языках этот глагол имеет более широкое применение, являясь доминирующим в семантическом поле 'лить(ся) — сыпать(ся)' и употребляется по отношению к жидким и сыпучим веществам, в обоих языках этот глагол двузалоговый, т. е. обозначает активное и пассивное действие.

(22)

az *dišid* *sit* *riχ-t*

E.L крыша почва сыпаться-PST

С крыши сыпался песок.

⁸ При этом не пролей! – *tis mak*.

(23)

mu sifc-en=en as mu māk tīr riḥ-t
 1SG.O бусы-PL=3PL EL 1SG.O шея SUP сыпаться-PST

Мои бусы рассыпались [упав] с моей шеи.

Если же траектория движения неважна, а важно, что в результате перемещения вещество, разделившись на кванторы, стало занимать большую поверхность чего-либо, употребляется сложный глагол *tixīrm*⁹ *sitow* 'становиться разбросанным' [Карамшоев 1999: 83], где *tixīrm* 'разбросанный'¹⁰, а глагольная часть *sitow* 'становиться, делаться, превращаться' (24) или глагол *tis sitow* 'выливаться, проливаться, разливаться; высыпаться, рассыпаться, просыпаться', для которого важным элементом значения является 'перемещение через край контейнера' (25).

(24)

pūrg=i būjīn ḍo-d=xu bīrīnj tixīrm sa-t
 мышь=3SG мешок пронзать-PST=и рис рассыпанный становится.F-PST

(25)

pūrg=i būjīn ḍo-d=xu bīrīnj tis sa-t
 мышь=3SG мешок пронзать-PST=и рис рассыпаться.F-PST

Мышь прогрызла мешок, и рис просыпался.

При нарушении целостности сосуда, вмещающего в себя жидкое вещество, в зависимости от интенсивности течения используются глаголы *čīktow/čāktow* 'капать, течь' для слабого течения (26) или глагол *tīdow* 'идти, течь, струиться' для больших потоков жидкости (27).

⁹ См. комментарий к *tixīrm* в разделе 1.1.б.

¹⁰ Об этом глаголе мы уже упоминали в разделе 1.1.б.

(26)

tar kuxni kran čak=t soz wi čīdow

EQ кухня кран капать=3SG исправный D3.M.SG.O делать.INF2

В кухне течет кран, его нужно починить.

(27)

čalāk kūyž vic=xu xac az wam-and tīz=d

ведро дыра быть.pf.f-и вода EL d3.f.sg.obl-loc идти=3sg

Ведро оказалось дырявым, и из него течет вода.

2.2. Природные явления, в которых задействованы жидкие и сыпучие объекты (явления окружающего мира)

2.2.а. Выпадение осадков

Ситуации природных явлений, связанных с выпадением осадков, пересекаются с семантической зоной ‘падать’, подробнее о глаголах падения в шугнанском языке см. [Рахилина, Некушоева 2020].

В отличие от таджикского и персидского, где есть специализированный глагол перс. *bāridan* ‘идти (о дожде, снеге)’ [Рубинчик 1985] (подробнее о глаголах, использующихся для описания процесса выпадения осадков в персидском языке см. [Арманд, Никитенко 2020]), тадж. *боридан* 1. ‘идти (об осадках)’; 2. пер. ‘сыпаться; литься’ [Таджикско-русский словарь 2006: 157], в шугнанском языке специализированного глагола нет.

Чаще всего для природных явлений, связанных с выпадением осадков, дождя или снега, используется глагол *δēdow*, одним из значений которого является ‘падать, выпадать, идти (об осадках)’ [Карамшов 1: 501–503] (28), а также глагол *anʃaftow* ‘начинаться, идти (об осадках)’ [Карамшов 1988: 107], при этом глаголе само слово ‘снег’ или ‘дождь’ употребляется факультативно (29).

(28)

katarūz borūn do-d=xu sel=i fuk yo-d
 весь день дождь падать-PST=и сель=3SG весь уносить-PST
 Весь день шел дождь, и сель все унес.

(29)

dīnyo-ta nur anjafc=t
 белый свет-FUT.DEF сегодня начинаться, идти (об осадках)=3SG
 Сегодня пойдет дождь (снег).

Для обозначения слабого дождя используют специализированный глагол *ciraktow* 'моросить, капать, накрапывать' [Карамшоев 1999: 305] (30), также для слабых осадков, дождя и снега, используется звукоподражательный глагол *curtow* 'капать, моросить, шуршать (напр., об осадках)' [Карамшоев 1999: 315] с основным значением 'шуршать, шелестеть' (31).

(30)

borūn cirak=t
 дождь накрапывать=3SG
 Дождь моросит.

(31)

žiniĵ yal as qāst-aθ car=t
 снег еще EL чуть-ADV шуршать=3SG
 Снег еще идет (букв. шуршит).

2.2.6. Природное нарушение целостности или сезонные природные явления (падение снега с веток, листьев с деревьев, лепестков с цветов, камней с горы и т. п.)

Глагол *riĵtow* 'сыпаться, осыпаться, опадать, высыпаться, выпадать' [Карамшоев 1991: 474] используется для обозначения условно вертикального падения сыпучих (нежидких объектов), например падения снега с веток, опадания листьев или семян с деревьев и кустарников или

лепестков с цветов (32), (33). Существительное, образованное от того же глагольного корня, *rixt*, означает 'снежный обвал, снежная лавина'. Возможно, в таких ситуациях проявляется исходное значение этого общеиранского корня 'покидать, освобождать'. Так, в этимологическом словаре иранских языков для праиранского корня **raik-*: *rik-* отмечается: «В древнеиранских диалектах от глаголов со значением 'покидать, отпускать, выпускать, освобождать' отделилась группа глаголов с развившейся семантикой 'лить(ся), сыпать(ся), выливать(ся), осыпать(ся)', образовав затем в некоторых языках омонимичные пары» [Эдельман 2020: 342]. Как и в персидском языке, этот глагольный корень обозначает потерю целостности некоторого объекта путем разделения его на более мелкие составляющие части и их последующего падения. Эту идею подтверждают однокоренные глаголы, например глагол *virixtow* 'ломать(ся), разбивать(ся); раскалывать(ся)'. То же относится и к падению листьев с дерева осенью, так слово *pārkrez* 'листопад' состоит из существительного *pārk* 'лист (растения)' и глагольной части *rez* 'падение'. Так, в примере (32) снежный сугроб, лежащий на вершине горы, сначала разделился на части, а затем одна или несколько его частей упали вниз.

(32)

<i>žinj</i>	<i>as</i>	<i>kū</i>	<i>nūl-ti</i>	<i>rixt</i>
снег	EL	гора	макушка-SUP.ES	сыпаться-PST

Снег осыпался с вершины горы.

(33)

<i>tīramo-ta</i>	<i>park-en</i>	<i>raz=en</i>
осень-IN	лист-PL	сыпаться=3PL

Осенью листья осыпаются.

Для падения большого количества снега с горы также используется глагол *xato sitow* 'падать, сваливаться; скользить, выскальзываться', где *xato* 'ошибка; заблуждение, оплошность', однако этот глагол, видимо, следует отнести

к семантическому полю 'падать', а не 'сыпаться', поскольку он обозначает падение большого количества снега как не членимого на отдельные кванты целого.

(34)

žiniŋ as ku-ti xato su-t

снег EL гора-SUP.ES скользить-PST

Снег сорвался с горы.

Для описания процесса осыпания мелких, не связанных единством, предметов, т. е. падения не вертикально вниз, а соприкасаясь с поверхностью, используется сложный глагол *ole sitow* 'катиться, валиться', (35) в котором *ole* 'кувырком, катясь' (судя по словарной статье, *ole* употребляется только в составе сложных глаголов) и глагол *sitow* 'становиться, делаться, превращаться'.

(35)

bād=i borūn as kū žir-en=en ole sa-t

после=ez дождь EL гора камень-PL=3PL кувырком становиться.F-PST

После дождя с горы посыпались мелкие камни.

2.2.в. Течение рек и разных потоков жидкости (природные явления, не связанные с деятельностью человека)

Для больших потоков жидкости в большинстве случаев используется глагол *tīdow* 'идти; иметь течь, течь; идти, течь, струиться' [Карамшоев 1999: 71–72], при этом не различается горизонтальное или вертикальное перемещение, а ориентиры движения 'откуда', 'куда', 'вниз' задаются пространственными предлогами и послелогоми (36), (37), (38). Этот же глагол употребляется в случае движения сверху вниз большого потока воды по поверхности стены (39) или для движения селевых потоков (40), свойственных горной местности. По всей видимости, глагол *tīdow* обозначает перемещение жидкости, которая движется, соприкасаясь с поверхностью чего-либо (земли/стены/горы и т. п.).

(36)

kū bīrīn ʔac tīz=d

гора SUB вода идти=3SG

Под горой течет река.

(37)

az māš qišloq ar tagov-di daryo tīz=d

EL 1PL кишлак DOWN нижний-COMP река идти=3SG

От нашего кишлака вниз течет река.

(38)

ar wi ku-yaθ šar-šara tīz=d

DOWN D3.M.SG.O гора-ADV водопад идти=3SG

По той горе идет водопад.

(39)

ar di dewol-aθ ʔac tīz=d

SUB D2.M.SG.OBL стена-ADV вода идти=3SG

По этой стене течет вода.

(40)

wūvd ʔabūna-rūz mi Mūn-and sel tūy-d

семь ночь-день D1.M.SG.OBL Мун-LOC сель идти-PST

Семь суток в Муне шел сель. [Карамшоев 1999: 72]

Для обозначения движения сильного потока воды используется глагол *raxnā čīdow*, для которого в словаре дается значение ‘пробивать отверстие, проламывать’, где именная часть *raxnā* ‘пролом, пробоина, брешь; щель, отверстие’ [Карамшоев 1991: 479], однако этот глагол употребляется в значении ‘хлынуть, течь потоком’ в тех ситуациях, когда вода пробивает отверстие в чем-либо.

(41)

ḡac=i as tūr-aḡ raḡnā čū-d

вода=3SG EL SUP=INT потоком течь-PST

Вода сверху потоком текла.

Редко для обозначения движения селевых потоков используется сложный глагол *rawūn sitow* 'идти, отправляться в путь, трогаться, начинать движение' [Карамшоев 1991: 472–473], состоящий из именной части *rawūn* 'идуший, отправляющийся, намеревающийся идти' и глагольной части *sitow* 'становиться, делаться, превращаться'. *Rawūn* — это заимствованное из таджикского языка причастие настоящего времени глагола *raftan* 'идти, уходить', которое в шугнанском языке немного изменило исходное значение 'идуший, движущийся' и во многих контекстах приобрело проспективное значение 'собираться идти'.

(42)

tarma-tari ḡé-d-ḡé-d xu sél-at sang rawūn sū=d

снег с дождем ударять=3SG и сель-ADD камень идуший делаться=3SG

Если идет дождь и снег, случится горный обвал. [Карамшоев 1991: 554–555]

Для обозначения слабого течения жидкости используется глагол *naḡtīdow* 'выходить; возникать, появляться', так можно сказать о смоле дерева, текущей по стволу, однако этот глагол с трудом можно отнести к семантическому полю 'литься'.

(43)

buor-and daraxt šīrā naḡtīz=d

весна-LOC дерево сок выходить=3SG

Весной сок сочится из дерева (смола).

2.3. Движение жидкостей и сыпучих веществ, связанных с физиологией человеческого тела

2.3.а. Течение слез, пота, слюны

Глаголы, обозначающие перемещение жидких и сыпучих веществ, употребляются и по отношению к процессам, связанным с физиологией человеческого тела. Например, у человека текут слезы, слюна, кровь, пот, выпадают зубы и сыпятся волосы.

В ситуации 'течь' о слезах употребляются четыре разных глагола: если слеза воспринимается как отдельная капля, а не как текущая жидкость употребляется глагол *riḵtow* 'сыпаться', который, как правило, обслуживает сыпучие, а не жидкие вещества, при этом глагол стоит в форме 3 л. мн. ч. и согласуется со словом слезы по числу.

(44)

poḵo-nd=en *mis* *wi* *yüḵk-en* *riḵ-t*
царь-LOC=3PL тоже D3.M.SG.O слеза-PL литься-PST

И у царя полились слезы. [Карамшов 1991: 474]

Если же слезы льются обильно и воспринимаются как большой поток жидкости, используется тот же глагол, что и для обозначения течения рек и больших потоков жидкости *tīdow* 'идти, течь, струиться', при этом глагол *tīdow* стоит в форме 3 л. ед. ч., а слово 'слезы' — во множественном числе (45). Глагол *tīdow* также используется в ситуациях, когда течет пот (*arāq*) или слюны (*šāf*), как в случае перемещения больших потоков жидкости, поскольку слезы, пот и слюны текут, соприкасаясь с какой-нибудь поверхностью, в данном случае — с поверхностью человеческого тела (46).

(45)

yüḵk-en *as* *cem-and* *ti=yen*
слеза-PL EL глаз-LOC литься=3PL

Слезы льются из глаз (слеза как капля — *riḵtow*, а если поток — *tīdow*).

(46)

tu šāf tiz=d xu yēv jān ki
 ты.OBL слюна течь=3SG REFL рот закрытый делать.IMP

У тебя текут слюны, закрой рот. [Карамшоев 1999: 414]

Также со слезами может употребляться глагол *zibidow* 'прыгать, отваливаться, отскакивать; падать, валиться'.

(47)

wi nān wi ba-yoδ δod-at wi
 D3.SG.O мама D3.M.SG.O вспоминать-PQP D3.SG.O

yūxk mis zibu-d
 слеза тоже падать-PST

Он вспомнил свою маму, и у него слезы покатились [из глаз].

Для обозначения начала действия используется сложный глагол *rawūn sitow*, как и в примере:

(48)

wi yidā-nd=en wi
 D3.M.SG.O мальчик-LOC=3PL d3.m.sg.obl

yūxk-en rawūn sa-t
 слеза-PL идущий становится.F-PST

У юноши потекли слезы. [Карамшоев 1991: 65]

2.3.б. Течение крови

Глаголы, обозначающие перемещение крови из тела, различают интенсивность движения. Если течение крови слабое, используется глагол *čiktow/čaktow* 'капать, течь', который обозначает перемещение жидкости отдельными квантами, каплями (49), или *tīdow* 'идти, течь, струиться', т. е. течь по поверхности тела или повязки (50). Если кровь сочится, появляется на поверхности тела или, например, на повязке, употребляется глагол *naχtīdow* 'выходить, возникать, появляться' (51). При очень сильном кровотечении

используется сложный глагол *tarmezak δédow* — ‘струиться с напором, бить фонтаном’ [Карамшоев 3: 41], где именная часть *tarmezak* — ‘моча’, а глагольная часть, многозначный глагол *δédow* в одном из своих значений, по-видимому, ‘бросать, кидать; швырять’ (52). Также для сильного течения крови используется глагол *tašrā sitow*, который не зафиксирован в словаре Карамшоева (53).

(49)

xūn pīs wi bīnt-aθ čak-t
 кровь GOAL D3.M.SG.O повязка-INT капать=3SG

(50)

xūn pīs wi bīnt-aθ tīz=d
 кровь GOAL D3.M.SG.O повязка-INT идти=3SG

Кровь сочится сквозь повязку.

(51)

xūn tar wi bīnt mis naχtūy=d
 кровь EQ D3.M.SG.O повязка даже выходить=3SG

Кровь сочится сквозь повязку.

(52)

dis xaχ zaxm=i vud yu xūn=i tarmezak δo-d
 такой сильный рана=3SG быть.pst.m D3.M.SG кровь=3SG моча бить-PST

Рана была такой глубокой, что кровь хлестала фонтаном.
 [Карамшоев 3: 41]

(53)

Uz=um δo-d či-pīs mi nēz xūn tašrā su-t
 1SG=1SG падать-PST вниз лицом 1SG.O нос кровь хлынуть-PST

Я упала вниз лицом, и у меня кровь хлынула из носа.

2.3.в. Выпадение зубов и волос

Процесс выпадения зубов и волос различает интенсивность процесса, точнее — единичность или множественность ситуации. Поскольку интенсивное выпадение зубов и волос приводит к нарушению целостности объекта, в таких случаях употребляется глагол *riḫtow* 'сыпаться' (54), (56), здесь также можно восстановить этимологическое значение 'покидать [привычное место]'; если же выпадает один зуб или один волос, то используется глагол *wēḫtow* 'падать, валиться; рушиться' (55).

(54)

<i>wi</i>	<i>mūsafed-and</i>	<i>wi</i>	<i>ḡindūn-en=en</i>	<i>riḫ-t</i>
D3.M.SG.O	старик-loc	D3.M.SG.O	зуб-PL=3PL	сыпаться-PST

У старика выпали все зубы.

(55)

<i>wi</i>	<i>kudak-and</i>	<i>wi</i>	<i>ḡindūn</i>	<i>wēḫ-t</i>
D3.M.SG.O	ребенок-loc	D3.M.SG.O	зуб	падать-PST

У мальчика выпал молочный зуб.

(56)

<i>wi-nd</i>	<i>wi</i>	<i>yūnj</i>	<i>aḡga</i>	<i>na-raz=d</i>
D3.M.SG.O-loc	d3.m.sg.obl	волосы	больше	NEG-сыпаться.PST=3SG

У него перестали выпадать волосы.

3. Выводы

В семантическое поле перемещения жидких и сыпучих веществ 'лить(ся)' — 'сыпать(ся)' попадает примерно 30 глаголов, их можно классифицировать, во-первых, по признаку переходности — непереходности, в группе переходных глаголов есть разделение на контролируемое — неконтролируемое действие, во-вторых, по тому, различают ли они тип вещества (жидкое или сыпучее) или нет, в-третьих, по признаку интенсивности перемещения вещества (слабо — нейтрально — сильно), а также по признаку ши-

роты охвата поверхности; для переходных выделяется признак — способ движения рукой или наличие инструмента для переливания/пересыпания.

Из 30 глаголов два встречаются в наших примерах чаще остальных. Это непереходный глагол *rixtow* 'сыпаться', который используется, во-первых, в ситуациях самопроизвольного перемещения вещества при нарушении целостности сосуда, во-вторых, при природном нарушении целостности, т. е. падении снега с веток, листьев с деревьев, лепестков с цветов и т. п., в том числе при выпадении зубов и волос; этот глагол обозначает вертикальное перемещение сыпучих веществ или объектов, членимых на отдельные кванты, при нарушении целостности или разрушении объекта.

Непереходный глагол *tidow* 'течь' используется, во-первых, в ситуации самопроизвольного перемещения жидкости при нарушении целостности сосуда, во-вторых, течения рек и разных потоков жидкостей, в-третьих, течения слез, пота, слюны, крови, т. е. для обозначения перемещения относительно больших объемов жидкости сплошным потоком по поверхности.

По признаку интенсивности действия глаголу *tidow* противопоставлен глагол *čiktow/čaktow* 'капать', который используется в ситуациях самопроизвольного перемещения вещества при нарушении целостности сосуда и течения крови у человека или животного.

Для контролируемого действия при перемещении объекта из контейнера в контейнер не различается тип объекта, однако важным признаком оказывается цель действия. Для глагола *xoli čidow* 'наливать, насыпать' цель действия — освобождение сосуда от объекта; для описания процесса разделения объекта на части/порции с помощью другого сосуда или инструмента используется глагол *biččidow* 'черпать, зачерпывать, разливать, насыпать (жидкости и сыпучие вещества)'; для обозначения перемещения объекта, в том числе жидкого или сыпучего, из одного места

в другое используется глагол *čīdow* 'класть; помещать; сыпать; лить'.

Для ситуаций контролируемого перемещения жидкого или сыпучего вещества в открытое пространство важными параметрами оказываются интенсивность перемещения и способ движения рукой: *tis čīdow* 'выливать, высыпать' — резким движением, *pireχtow* 'сыпать' — пальцами, *ŷbtow/ŷiptow* 'разбрасывать; разливать' — широким движением руки по большой поверхности, *pitēwdow* 'бросать, разбрасывать' — с помощью орудия, например лопатой. Специализированные глаголы для перемещения жидкости различают площадь поверхности: при небольшой площади поверхности употребляется глагол *χas δēdow* 'поливать', если площадь поверхности большая используются однокоренные глаголы *vidēzdow* и *vidoj čīdow* 'орошать'.

Непереходные глаголы различают естественное (природное) перемещения жидких или сыпучих объектов и перемещения, являющиеся результатом человеческой деятельности. К первой группе относятся глаголы, различающие интенсивность движения. Это глаголы, обозначающие выпадение осадков: нейтральный глагол *δēdow* 'идти (об осадках)', *ciraktow* и *curtow* 'моросить, капать, накрапывать' о слабых осадках, а также лексический проспектив *anĵaftow* 'начинаться, идти (об осадках)'.

Глаголы, обозначающие самопроизвольное перемещение жидкостей, различаются интенсивностью: *čīktow/čāktow* 'капать, течь' — слабое движение, *naχtīdow* 'струиться' — среднее, *tarmezak δēdow* 'струиться с напором, бить фонтаном' — сильное и очень сильное движение, сюда же относится стилистически маркированный *rawūn sitow* 'начинать движение, идти (о слезах)', этот калькированный по таджикской модели глагол с заимствованной именной частью употребляется, как правило, в сказках.

Только два глагола из нашего списка образуют залоговые пары, это *tis čīdow* 'выливать, высыпать, рассыпать' — *tis sitow* 'выливаться, рассыпаться' через край сосуда, в котором находится объект (о жидких и сыпучих объектах),

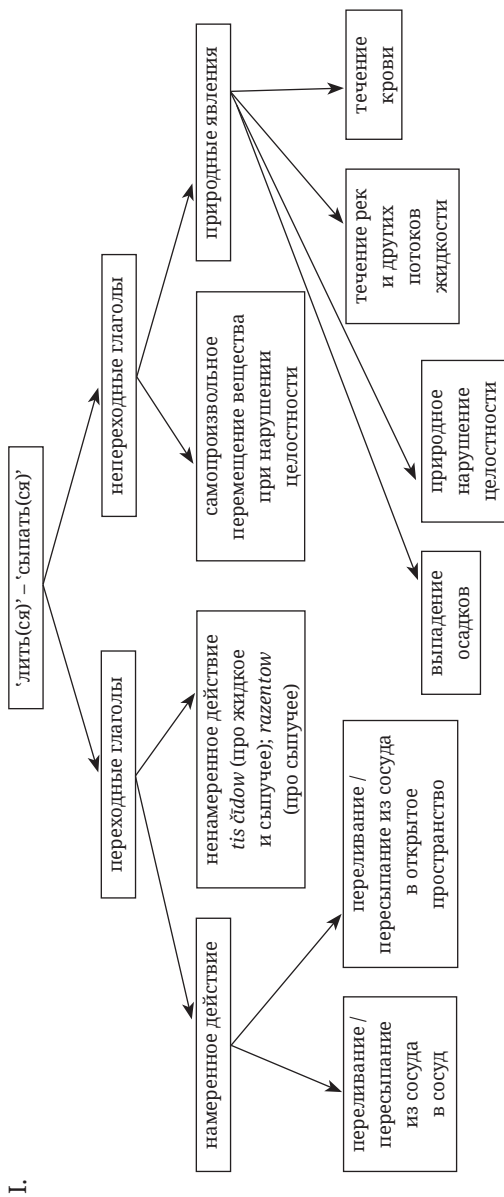
и *tixirm čidow* ‘разбрасывать, раскидывать’ — *tixirm sitow* ‘быть разбросанным’ (не только о сыпучих, но и о нечленных объектах), в результате действия объект занимает большое пространство.

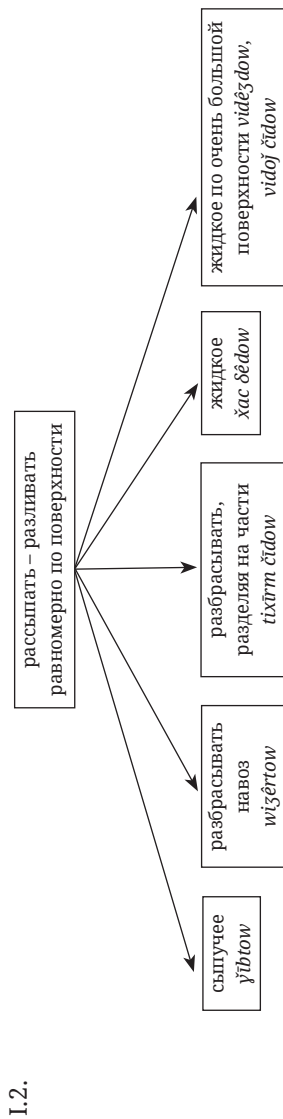
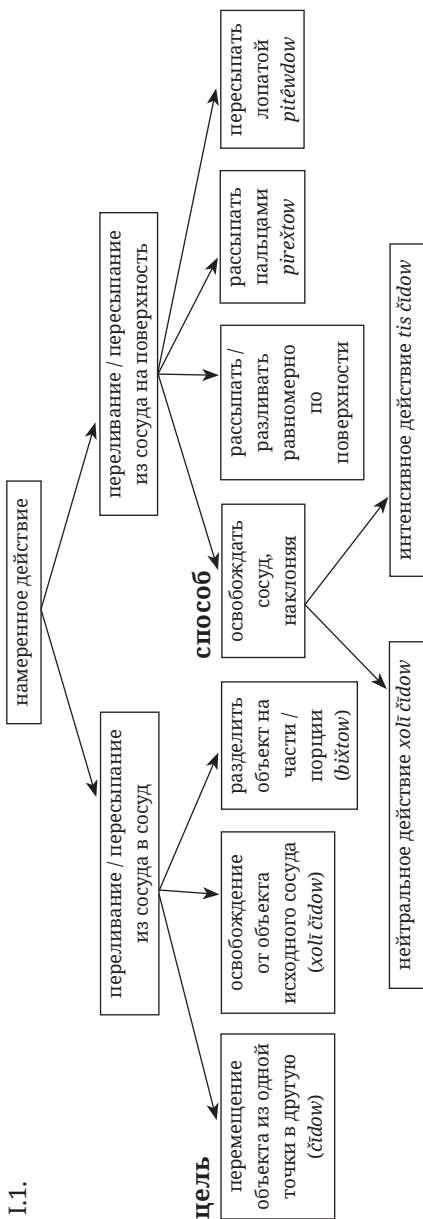
Непереходный глагол *ole sitow* ‘катиться, валиться’ обычно обозначает движение мелких предметов, например камней, определенным способом — перекатываясь.

Глагол *wěxtow* ‘падать’ не входит в семантическое поле ‘литься’ — ‘сыпаться’.

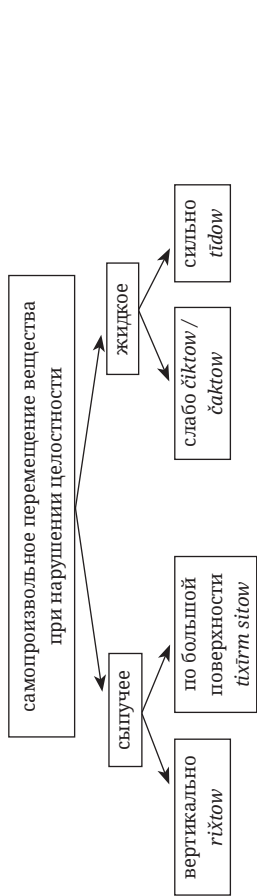
По всей видимости, для шугнанского языка мы не должны выделять в отдельную группу глаголы, обозначающие движение жидкостей и сыпучих веществ, связанных с физиологией человеческого тела. Подгруппу ситуаций 2.3.а. течение слез, слюны, пота мы можем присоединить к подгруппе 2.2.в. течение рек и разных потоков жидкостей. Выделить отдельную подгруппу в 2.2. природные явления, в которых задействованы жидкие и сыпучие объекты для ситуаций течения крови. А подгруппу 2.3.в. выпадение волос и зубов отнести к семантическому полю ‘падать’.

Таким образом, лексическая карта семантического поля ‘лить(ся)’ — ‘сыпать(ся)’ для шугнанского языка будет выглядеть так:

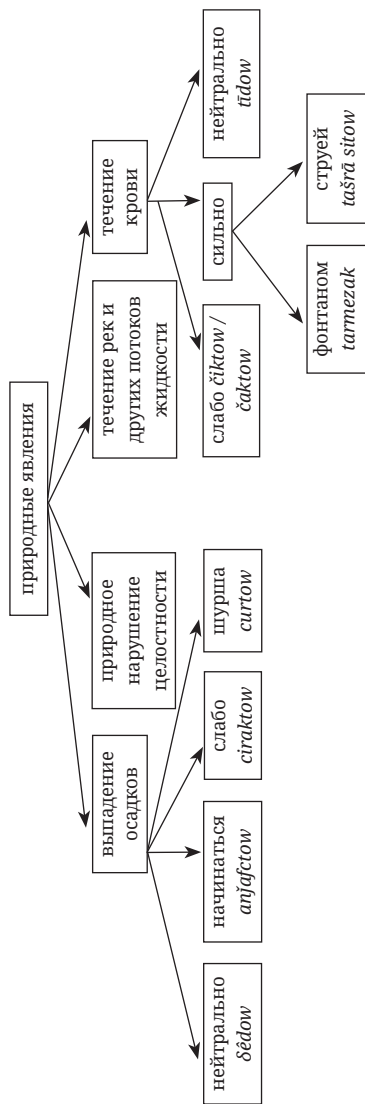

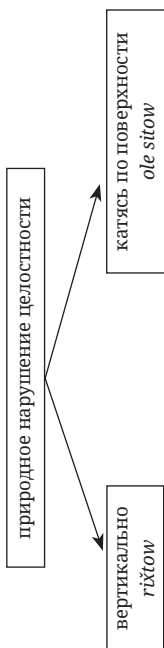
II.1.

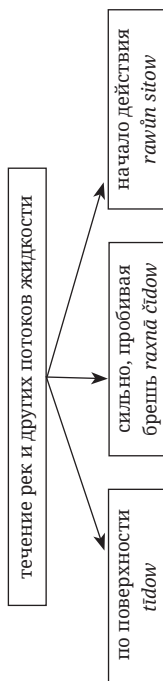
II.2.

П.2.а.

П.2.б.

Сокращения

- ADD — аддитивная частица
ADV — адverbализатор
COM — комитатив, инструменталис
COMP — компаратив
DOWN — перемещение к ориентиру ниже говорящего
D1 — указательное местоимение 1 серия (Ich-Deixix)
D2 — указательное местоимение 2 серия (Du- Deixix, Der- Deixix)
D3 — указательное местоимение 3 серия (Jener- Deixix)
EL — элатив
EQ — экваллатив, перемещение к ориентиру на одном уровне с говорящим
EZ — изафет (в таджикских заимствованиях)
F — женский род
GOAL — цель
IMP — императив
INF — инфинитив
INT — интенсификатор
LAT — латив, адресат, реципиент
LOC — локатив, личный локатив
M — мужской род
NEG — общий показатель отрицания
O — косвенный падеж
PL — множественное число
PRON — отрицание императива
PST — прошедшее время
Q — вопросительная частица
REFL — рефлексивное местоимение
SG — единственное число
SUBST — субстантиватор
SUP — суперэссив
1 — 1 лицо
2 — 2 лицо
3 — 3 лицо

Литература

Арманд Е. Е., Никитенко Е. Л. Глаголы с семантикой падения в современном персидском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI(1): 609–637.

Дзедзич Е. А. Глаголы перемещения веществ в типологической перспективе // А. А. Кретов (ред.). *Проблемы лексико-семантической типологии*. Вып. 3. Воронеж, 2016, 72–77.

Дзедзич Е. А. *Глаголы движения и перемещения веществ: семантика и типология*. Выпускная квалификационная работа бакалавра, Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». Москва, 2017.

Кашкин Е. В. Глаголы перемещения веществ в некоторых финно-угорских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI(1): 462–493.

Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Т. 1. Москва, 1988.

Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Т. 2. Москва, 1991.

Карамшоев Д. *Шугнанско-русский словарь*. Т. 3. Москва, 1999.

Рахилина Е. В., Некушоева Ш. С. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI(1): 579–608.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31.

Рубинчик Ю. А. *Персидско-русский словарь*. Москва, 1983.

Таджикско-русский словарь. Душанбе, 2006.

Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Том 6. Москва, 2020.

Эдельман Д. И., Юсуфбеков Ш. П. *Шугнанский язык // Языки мира. Иранские языки. III. Восточноиранские языки*. Москва, 1999, 225–242.

References

Armand E. E., Nikitenko E. L. Glagoly s semantikoy padeniya v sovremennom persidskom yazyke [Verbs with semantics of falling in modern Persian] // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI(1): 609–637. (In Russ.)

Dzedzich E. A. Glagoly peremeshcheniya veshchestv v tipologicheskoy perspektive [Verbs of the movement of substances in a typological perspective] // Kretov A. A. (ed.). *Problemy leksiko-semanticheskoy tipologii* [Problems of lexico-semantic typology]. Issue 3. Voronezh, 2016, 72–77. (In Russ.)

Dzedzich E. A. *Glagoly dvizheniya i peremesheniya veshstv: semantika i tipologiya* [Verbs of movement and movement of substances: semantics and typology]. Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota bakalavra, Natsional'nyi issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». Moscow, 2017. (In Russ.)

Edelman D. I. *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian languages]. Vol. 6 Moscow, 2020. (In Russ.)

Edelman D. I., Yusufbekov Sh. P. Shugnanskiy [Shughni] // *Yazyki mira. Iranskie yazyki, III. Vostochnoiranskie yazyki*. Moscow, 2000, 225–242. (In Russ.)

Karamshoev D. *Shugnansko-russkiy slovar'* [Shughni-Russian dictionary]. Vol 1. Moscow, 1988. (In Russ.)

Karamshoev D. *Shugnansko-russkiy slovar'* [Shughni-Russian dictionary]. Vol. 2. Moscow, 1991. (In Russ.)

Karamshoev D. *Shugnansko-russkiy slovar'* [Shughni-Russian dictionary]. Vol. 3. Moscow, 1999. (In Russ.)

Kashkin E. V. Glagoly peremesheniya veshstv v nekotorykh finno-ugorskikh yazykakh [Verbs describing motion of substances in some Finno-Ugric languages] // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI(1): 462–493. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Nekushoeva Sh. S. Sistema glagolov dvizheniya vniz v shugnanskom yazyke [Falling verbs in Shughni] // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI(1): 579–608. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Freimovyj podhod k leksicheskoy tipologii [Frame approach to lexical typology] // *Voprosy jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31. (In Russ.)

Rubinchik Ya. A. *Persidsko-russkiy slovar'* [Persian-Russian dictionary]. Moscow, 1983. (In Russ.)

Tadzhiksko-russkiy slovar' [Tajik-Russian dictionary]. Dushanbe, 2006. (In Tajik)

Арманд Елена Евгеньевна
Институт классического Востока и античности
факультета гуманитарных наук Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
Armand Elena Evgenyevna
Institute for Oriental and Classical Studies of HSE University
Moscow, Russia
armandlana@yandex.ru, earmand@hse.ru

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна
Институт гуманитарных наук АН Республики
Таджикистан
Хорог, Таджикистан
Nekushoeva Shahlo Saidnuriddinovna
Institute for the Humanities of National Academy
of Science of Tajikistan
Khorugh, Tajikistan
nekushoeva@bk.ru

**Сказка «О козе и козлятах»
на язгулямском языке**
“The goat and her kids”: A Yazghulami folk tale

Дж. И. Эдельман, Л. Р. Додыхудоева

J. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva

В статье приведен текст сказки «О козе и козлятах» на язгулямском языке. Сказка публикуется в транскрипции, доработанной Джой Иосифовной Эдельман для язгулямского языка на основе международной иранистической транскрипции.

Представлен перевод на русский язык и поморфемная нотация текста.

Ключевые слова: памирские языки, язгулямский язык, письменность, алфавит, сказка

The article presents a Yazghulami folk tale called “The goat and her kids”, recorded in the Yazghulami transcription refined by Joy Edelman in the 1950s based on the international transcription system for Iranian languages.

Along with the Yazghulami text the article includes a translation into Russian and interlinear glossing.

Key words: Pamir languages, Yazghulami, writing systems, alphabet, folk tale

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-1-109-124

Работа по документированию и описанию язгулямского языка — одного из наименее изученных памирских языков, велась в Язгуляме в середине XX в. Д. И. Эдельман. В результате полевых записей свет увидели описание язгулямского языка и язгулямско-русский словарь [Эдельман 1966; 1971 и др.]. Материал записывался в международной

иранистической транскрипции, разработанной на базе латинского алфавита (подробнее об этом см.: [Эдельман 1963]).

Позднее была начата разработка алфавита на основе кириллицы для всех памирских языков, включая язгулямский, см.: [Проекты 1989; Лука 2001]. В 2018 г. Д. И. Эдельман по просьбе общества «Нур» (Таджикистан) составила для язгулямского языка алфавит на основе кириллицы, и список памирских языков, имеющих алфавит, был расширен [Эдельман 2019; 2020: 10]. На этом алфавите были изданы детские книжки на язгулямском языке: сказки, пословицы и поговорки, загадки, пособие по обучению счету и другие работы А. Хабирова [2019а; 2019b], ставшие первыми публикациями для широкой аудитории на основе этого алфавита (см.: [Эдельман 2020: 10]). Знаменательно, что этот автор принадлежит к семье, среди членов которой проводились опросы и записи языковых материалов в 1950-е годы Д. И. Эдельман [1966: 182].

Предлагаемый текст «О козе и козлятах» был записан Д. И. Эдельман в экспедиции в 1956 г. у Аёмбегим Иматихудоевой в кишлаке Андарбаг в качестве одного из образчиков языка народного фольклора [Эдельман 1966: 210–211, № 15]. В настоящей публикации представлена первая редакция текста сказки с русским переводом, в дополнение текст представлен в сопровождении поморфемной нотации.

1. Язгулямский текст

1 vad wũ naħçir.

2 im bu keg bos, wũg Kəlul, wũg Bəlul, wũg Xok-Səрмахак,
wũg Wədamak, wũg Bəstadak, wũg Dewolak.

3 u bu šod if-ra pša awqot.

4 awqot-be ki šod, warġ bu yāt, laft-ay ki:

5 “ən xi dot-əm x’ovd viga, ma xi xow-əm weħ viga, əm xi
yaħ-əm hex viga.

6 Kəlul-a Bəlul, dəvūr ow kən”.

7 ow-ay ki keg, fi nān na, warġ.

8 Xok-Səрмахак dayd ən xəkəstūr, Wədamak dayd ən wədem.

- 9 Dewolak dayd ən diwel.
10 əfi nān ki yāt, laft-ay ki: “dəvūr ow kən”, if bu na-x°ad.
11 Šod bu fi nān ma rəjon, laft-ay ki:-
12 “ma xi xow-əm weḥ viga, əm xi dot-əm x°ovd viga, əm xi
yax-əm hex viga.
13 Kəlul-a Bəlul dəvūr ow kən”.
14 ki dayd, Kəlul-at, Bəlul-an nest, warǵ zaḫta.
15 šod bu ma rəpc-i skād.
16 rəpc bu laft ki: “ki-ay ma ni skād?”
17 naxčir laft ki: “az-əm”.
18 naxčir vez laft ki: “ki zeḫt ni Kəlul-a Bəlul”.
19 rəpc laft ki: “na-əm zaḫta ti Kəlul, na-əm x°iga ti Bəlul,
je na ni skād”.
20 šod ve ma warǵ-i skād.
21 warǵ reፅ laft ki: “ki-ay ma ni skād?”
22 naxčir laft ki: “az”:
23 naxčir laft ki: “ki zeḫt ni Kəlul, ki zeḫt ni Bəlul?”
24 warǵ laft ki: “mūn zeḫt ti Kəlul, mūn zeḫt ti Bəlul”.
25 naxčir laft ki: “za badəm rəfəm”.
26 šod-an wəsteፅ-je.
27 naxčir š-xūd coxt dəmba degča-ənda, ayed-ay pta wəsteፅ,
keg-ay əmi xow tayd.
28 warǵ reፅ ən kəlpəra xaḫt, ayed-ay pta wəsteፅ.
29 wəsteፅ laft ki: “bat, taḫp mawn šāw, ti dān-da tayd mit”.
30 u mad k°ant.
31 yāt-an warǵ-a naxčir rəfaj.
32 warǵ šod na š-tūr,
33 naxčir yāt na ž-wob.
34 naxčir laft: “tow de”.
35 warǵ laft ki: “tow de”.
36 warǵ ki ፅed, naxčir-i wū cū na-pərcūst.
37 naxčir ki ፅed, Kəlul-a Bəlul-an əmba ፅed.
38 wū varag-əm vəg, Kabur kūd-u, sāray bu bad, səwer vax-a za.

2. Русский перевод сказки «О козе и козлятах»

1 Была одна козочка горная.

2 Она родила детенышей, один — Кулюль, один — Булюль, один — Хоксырмахак, один — Вызамак, один Быстатасак, один — Деволак.

3 Затем она ушла за едой для них.

4 Как за едой ушла, пришел тут волк, сказал:

5 «Я в своем вымени молока принесла, на рогах травы принесла, во рту воды принесла.

6 Кулюль и Булюль, откройте».

7 Как открыли (они), это — не их мать, (а) волк.

8 Хоксырмахак, залез в пепел (очага), Вызамак (букв. балочник) — в балку потолка,

9 Деволак (букв. стенник) залез в стену.

10 Когда пришла их мать, сказала: «Откройте дверь», — тогда они не открыли.

11 Пошла тогда их мать к отверстию в крыше, сказала:

12 «Я на рогах своих травы принесла, в вымени молока принесла, во рту воды принесла.

13 Кулюль и Булюль, откройте дверь».

14 Как вошла — Кулюля и Булюля нет, волк забрал.

15 Пошла тогда (коза) на крышу (к) лисе.

16 Лиса тогда сказала: «Кто это на моей крыше?».

17 Коза сказала: «Я».

18 Еще коза сказала: «Кто взял моего Кулюля и Булюля?»

19 Лиса сказала: «Не я взяла твоего Кулюля, не я съела твоего Булюля, прочь с моей крыши».

20 Тогда пошла (коза) на крышу (к) волку.

21 Тогда волк сказал: «Кто это на моей крыше?».

22 Коза сказала: «Я».

23 Коза сказала: «Кто взял моего Кулюля, кто взял моего Булюля?»

24 Волк сказал: «Я взял твоего Кулюля, я взял твоего Булюля».

25 Коза сказала: «Пойдем, подеремся».

26 Пошли они к мастеру.

27 Коза подоила себя в вот такой котелок, отнесла мастеру, (он) ей заострил рога.

- 28 Волк тогда испражнился в черепок, отнес мастеру.
 29 Мастер сказал: «Иди поешь кислых яблок, твои зубы станут острыми».
 30 Они стали тупыми.
 31 Пришли волк и коза драться.
 32 Волк пошел сверху, коза пришла снизу.
 33 Коза сказала: «Ты ударь».
 34 Волк сказал: «Ты ударь».
 35 Как волк ударил — у козы ни один волосок не оторвался.
 36 Коза как ударила — Кулюль и Булюль оттуда выскочили.
 37 Я одну лошадь привела, в доме Кабура она (находится), завтра пойдя, сядь (на нее) верхом и приезжай.

3. Поморфемная нотация

По традиции в иранских языках при записи глагольных форм в прошедших временах выделяются отделяемые энклитические показатели, которые могут присоединяться в речи к любому члену, тяготея к началу высказывания.

Личные окончания в глагольных формах настоящего времени отделяются при поморфемной нотации знаком =.

1 vad wû naħçir.

Была одна козочка горная.

vad	wû	naħçir
быть.PST	один	горная коза

2 im bu keg boc, wûg Kəlul, wûg Bəlul, wûg Xok-Səgmaxak, wûg Wədamak, wûg Bəstadak, wûg Dewolak.

Она родила детенышей, один — Кулюль, один — Булюль, один — Хоксырмахак, один — Вызамак, один Быстасак, один — Деволлак.

im		bu	keg	boc		
PERS.OBL.FEM.3SG.1D		потом	делать.PST	детеныш		
wûg	Kəlul	wûg	Bəlul	wûg	Xok-Səgmaxak	wûg
один	Кулюль	один	Булюль	один	Хоксырмахак	один
Wədamak	wûg	Bəstadak	wûg	Dewolak		
Вызамак	один	Быстасак	один	Деволлак		

3 u bu šod if-ra pša awqot.

Затем она ушла за едой для них.

u	bu	šod	if-ra	pša	awqot
PERS.DIR.3SG.1D	потом	идти.PST	PERS.3PL.1D-для.PSTP	за.PREP	еда

4 awqot-be ki šod, warǵ bu yāt, laft-ay ki:

Как за едой ушла, пришел тут волк, сказал:

awqot-be	ki	šod	warǵ	bu
еда-за.PSTP	как.CONJ	идти.PST	волк	потом
yāt	laft-ay	ki		
приходить.PST	сказать.PST-3SG	что.CONJ		

5 “ən xi dot-əm x̣ʰovd viga, ma xi x̣ow-əm weǰ viga, əm xi ɣax-əm heh viga.

«Я в своем вымени молока принесла, на рогах травы принесла, во рту воды принесла.

ən	xi	dot-əm	x̣ʰovd	viga	ma	xi
в.PREP	POSS	вымя-1SG	молоко	принести.PRF	на.PREP	POSS
x̣ow-əm	weǰ	viga	əm	xi		
рог-1SG	трава	принести.PRF	в.PREP	POSS		
ɣax-əm	heh	viga				
рот-1SG	вода	принести.PRF				

6 Kəlul-a Vəlul, dəvūr ow kəpʰ.

Кулюль и Булюль, откройте»

Kəlul-a	Vəlul	dəvūr	ow	kəpʰ
Кулюль-и.CONJ	Булюль	дверь	открытый	делать.IMP.2SG

7 ow-ay ki keg, fi nān na, warǵ.

Как открыли (они), это — не их мать, (а) волк.

ow-ay	ki	keg	fi
открытый-3SG	что.CONJ	делать.PST	PERS.3PL.1D-IZ
nān	na	warǵ	
мать	NEG	волк	

8 Хок-Сәрмахак даүд ән хәкәстүр, Вәһамак даүд ән вәһем.
Хоксырмахак (имя связано с язг. *хәк/гәстүр* ‘пепел, зола’), залез в пепел (очага), Вызамак (букв. балочик) — в балку потолка.

Хок-Сәрмахак	даүд	ән	хәкәстүр	Вәһамак
Хоксырмахак	входить.PST	в.PREP	пепел	Вызамак
даүд	ән	вәһем		
входить.PST	в.PREP	балка		

9 Dewolak даүд ән диwel.
Деволак (букв. стенник) залез в стену.

Dewolak	даүд	ән	диwel
Деволак	входить.PST	в.PREP	стена

10 әfi nān ki yāt, laft-ay ki: “dävür ow kән”, if bu na-x°ad.
Когда пришла их мать, сказала: «Откройте», — они не открыли.

әfi	nān	ki	yāt	laft-ay
PERS.3PL.1D-IZ	мать	что.CONJ	приходить.PST	сказать.PST-3SG
ki	dävür	ow	kән	if
что.CONJ	дверь	открытый	делать.IMP.2SG	PERS.3PL.1D
bu	na	x°ad		
потом	NEG	открыть.PST		

11 Šod bu fi nān ma gәjon, laft-ay ki:
Пошла тогда их мать к отверстию в крыше, сказала:

šod	bu	f-i	nān	ma
идти.PST	потом	PERS.3PL.1D-IZ	мать	на.PREP
gәjon		laft-ay		ki
отверстие в крыше		сказать.PST-3SG		что.CONJ

12 “ma xi xow-әм wex viga, әm xi dot-әм x°ovd viga, әm xi yаx-әм hex viga.
«Я на рогах своих травы принесла, в вымени молока принесла, во рту воды принесла.

ma	xi	ḥow-əm	weḥ	viga
на	POSS	рог-1SG	трава	приносить.PRF
əm	xi	dot-əm	ḥ°ovd	viga
в.PREP	POSS	вымя-1SG	молоко	приносить.PRF
əm	xi	yaḥ-əm	hex	viga
в.PREP	POSS	рот-1SG	вода	приносить.PRF

13 Kəlul-a Bəlul dəvūr ow kən”.

Кулюль и Булюль, откройте дверь».

Kəlul-a	Bəlul	dəvūr	ow	kən
Кулюль-и.CONJ	Булюль	дверь	открытый	делать.IMP.2SG

14 ki dayd, Kəlul-at, Bəlul-an nest, warǵ zaḥta.

Как вошла — Кулюля и Булюля нет, волк забрал.

ki	dayd	Kəlul-at	Bəlul-an	nest
как.CONJ	входить.PST	Кулюль-и.CONJ	Булюль-3PL	есть.NEG

warǵ	zaḥta
волк	брать.PRF

15 šod bu ma rərc-i skād

Пошла тогда (коза) на крышу (к) лисе.

šod	bu	ma	rərc-i	skād
идти.PST	потом	на.PREP	лиса-IZ	крыша

16 rərc bu laft ki: “ki-ay ma ni skād?”

Лиса тогда сказала: «Кто это на моей крыше?».

rərc	bu	laft	ki	ki-ay
лиса	потом	сказать.PST	что.CONJ	кто.PRON-AUX.3SG

ma	ni	skād
на.PREP	PERS.POSS.1SG	крыша

17 naḥčir laft ki: “az-əm”.

Коза сказала: «Я».

naḥčir	laft	ki	az-əm
коза	сказать.PST	что.CONJ	PERS.DIR.1SG-AUX.1SG

18 naхčir vez laft ki: “ki zeхt ni Kəlul-a Vəlul”.

Еще коза сказала: «Кто взял моего Кулюля и Булюля?»

naхčir vez laft ki ki zeхt
коза еще сказать.PST что.CONJ кто.PRON брать.PST

ni Kəlul-a Vəlul
PERS.POSS.1SG Кулюль-и.CONJ Булюль

19 гəрс laft ki: “na-əm zaхta ti Kəlul, na-əm х`iga ti Vəlul, је na ni skād”.

Лиса сказала: «Не я взяла твоего Кулюля, не я съела твоего Булюля, прочь с моей крыши».

гəрс laft ki na-əm zaхta ti
лиса сказать.PST что.CONJ NEG-1SG брать.PRF PERS.POSS.2SG

Kəlul na-əm х`iga ti Vəlul
Кулюль NEG-1SG есть.PRF PERS.POSS.2SG Булюль

је na ni skād
прочь с.PREP PERS.POSS.1SG крыша

20 šod ve ma warǵ-i skād.

Тогда пошла (коза) на крышу (к) волку.

šod ve ma warǵ-i skād
идти.PST снова на.PREP волк-IZ крыша

21 warǵ reθ laft ki: “ki-ay ma ni skād?”

Тогда волк сказал: «Кто это на моей крыше?».

warǵ reθ laft ki ki-ay
волк тогда сказать.PST что.CONJ кто.PRON-AUX.3SG

ma ni skād
на.PREP PERS.POSS.1SG крыша

22 naхčir laft ki: “az”:

Коза сказала: «Я».

naхčir laft ki az
коза сказать.PST что.CONJ PERS.DIR.1SG

23 naħčir laft ki: “ki zeħt ni Kəlul, ki zeħt ni Bəlul?”

Коза сказала: «Кто взял моего Кулюля, кто взял моего Булюля?»

naħčir laft ki ki zeħt
коза сказать.PST что.CONJ кто.PRON брать.PST

ni Kəlul ki zeħt ni Bəlul
PERS.POSS.1SG Кулюль кто.PRON брать.PST PERS.POSS.1SG Булюль

24 warǵ laft ki: “mũn zeħt ti Kəlul, mũn zeħt ti Bəlul”.

Волк сказал: «Я взял твоего Кулюля, я взял твоего Булюля».

warǵ laft ki mũn zeħt
волк сказать.PST что.CONJ PERS.OBL.1SG брать.PST

ti Kəlul mũn zeħt
PERS.POSS.2SG Кулюль PERS.OBL.1SG брать.PST

ti Bəlul
PERS.POSS.2SG Булюль

25 naħčir laft ki: “za badəm rəfəm”.

Коза сказала: «Пойдем, подеремся».

naħčir laft ki za badəm rəfəm
коза сказать.PST что.CONJ PTCL идти.PRS=1SG драться.PRS=1SG

26 šod-an wəsteδ-je.

Пошли они к мастеру.

šod-an wəsteδ-je
идти.PST-3PL мастер-к.PSTP

27 naħčir š-xūd coħt dəmba degča-ənda, ayed-ay pta wəsteδ, keg-ay əmi xow taγd.

Коза подоила себя в вот такой (величины) котелок, отнесла мастеру, (он) ей заострил рога.

naħčir š-xūd coħt dəmba
коза ACC-REFL.DIR доить.PST столько

deg.ča-ənda ayed-ay pta wəsteδ
котелок-DIM-в.PSTP нести.PST-3SG к.PREP мастер

keg-ay əm-i xow tayd
 делать.PST-3SG PERS.OBL.FEM.3SG-IZ rog острый

28 warǵ reθ ən kəlpara xaǵt, ayed-ay pta wəsteδ.
 Волк тогда испражнился в черепок, отнес мастеру.

warǵ reθ ən kəlpara xaǵt
 волк тогда в.PREP черепок испражниться.PST

ayed-ay pta wəsteδ
 нести.PST-3SG к.PREP мастер

29 wəsteδ laft ki: “bat, taǵp mawn šāw, ti δān-da tayd mit”.

Мастер сказал: «Иди поешь кислых яблок, твои зубы станут острыми».

wəsteδ laft ki bat taǵp mawn
 мастер сказать.PST что.CONJ идти.IMP.2SG кислый яблоко

šāw ti
 есть.IMP.2SG PERS.POSS.2SG

δān-da tayd mit
 зубы-FP острый стать.PRS=3SG

30 u mad k°ant.

Они стали тупыми.

u mad k°ant
 PERS.DIR.3SG.1D стать.PST тупой

31 yāt-an warǵ-a naǵčir rəfaj.

Пришли волк и коза драться.

yāt-an warǵ-a naǵčir rəfaj
 приходить.PST-3PL волк-и.CONJ коза драться.INF

32 warǵ šod na š-tūr,

Волк пошел сверху,

warǵ šod na š-tūr
 волк идти.PST с.PREP ABL-верх

33 naхċir yāt na ž-wob.

коза пришла снизу.

naхċir	yāt	na	ž-wob
коза	приходить.PST	с.PREP	ABL-низ

34 naхċir laft: “tow de”.

Коза сказала: «Ты ударь».

naхċir	laft	tow	de
коза	сказать.PST	PERS.DIR.2SG	ударить.IMP.2SG

35 warġ laft ki: “tow de”.

Волк сказал: «Ты ударь».

warġ	laft	ki	tow	de
волк	сказать.PST	что.CONJ	PERS.DIR.2SG	ударить.IMP.2SG

36 warġ ki ðed, naхċir-i wū cū na-pərcūst.

Как волк ударил — у козы ни один волосок не оторвался.

warġ	ki	ðed	naхċir-i	wū
волк	что.CONJ	ударить.PST	коза-IZ	один
cū	na-pərcūst			
волос	NEG-падать.PST			

37 naхċir ki ðed, Kəlul-a Bəlul-an əmba ðed.

Коза как ударила — Кулюль и Булюль оттуда выпали.

naхċir	ki	ðed	Kəlul-a	Bəlul-an
коза	что.CONJ	ударить.PST	Кулюль-и.CONJ	Булюль-3PL
əmba	ðed			
оттуда	выпасть.PST			

38 wū varag-əm vəg, Kabur kūd-u, sāray bu bad, səwer vaх-a za.

Я одну лошадь привел, в доме Кабура она (находится), завтра пойдя, сядь на нее верхом (букв. səwer vaх ‘верховым стань’) и приезжай.

wū	varag-əm	văg	Kabur	kūd-u
один	лошадь-1SG	приводить.PST	Кабур	дом-AUX.3SG
sāray	bu	bad	səwer	
завтра	потом	идти.IMP.2SG	верхом	

вах-а

за

быть.IMP.2SG-и.CONJ

прийти.IMP.2SG

Условные сокращения

ABL — препозитивный показатель при местоимении и местоименном наречии в функции прямого объекта и косвенного объекта со значением исходности

ACC — препозитивный показатель при местоимении

ATR — показатель атрибутивности

AUX — глагольная связка

CONJ — союз

DIM — диминутив

DIR — прямой падеж

FEM — женский

FP — фокусная частица

IMP — императив

INF — инфинитив

IZ — изафет

OBL — косвенный падеж

PERS — личное местоимение

PL — множественное число

POSS — притяжательное местоимение

PREP — предлог

PRS — основа настоящего времени

PST — основа прошедшего времени

PSTP — послелог

PTCL — побудительная частица

PTCP — причастие прошедшего времени

REFL — возвратное местоимение

SG — единственное число

1D — Deixis, местоимения 1 ряда

Литература

Луқои инҷил / Luqoi Injil. Москва, 2001б (Евангелие от Луки, на язгулямском языке).

Проекты алфавитов памирских языков, разработанные Отделом памироведения Памирской базы АН Таджикской ССР. Хоруг, 1989.

Эдельман Д. И. О развитии письменности и литературы на памирских языках (новые шаги) // *Родной язык*, 2020, 1: 6–24.

Эдельман Д. И. *О единой научной транскрипции для иранских языков*. Москва, Ленинград, 1963.

Эдельман Д. И. *Язгулямский язык*. Москва, 1966.

Эдельман Д. И. *Язгулямско-русский словарь*. Москва, 1971.

Эдельман Д. И. *О разработке алфавита для язгулямского языка (Памир)*. Институт языкознания РАН. 05.12.2019 URL: https://iling-ran.ru/web/ru/scipop/blog/1912_edelman

Хабиров А. *Шер ата рэпц* (Лев и лиса). Науч. конс. Д. И. Эдельман; лит. ред.: А. М. Алиев, науч. ред.: Л. Р. Додыхудоева. Хоруг, 2019а. (на язг. и тадж. яз.)

Хабиров А. *Зарбэлмасалени зэ́амигай / Зарбулмасал* (Язгулямские пословицы и поговорки). Науч. конс. Д. И. Эдельман; лит. ред.: А. М. Алиев, науч. ред.: Л. Р. Додыхудоева. Хоруг, 2019а. (на язг. и тадж. яз.)

Хабиров А. *Чистонад / Чистонхо* (Загадки). Науч. конс. Д. И. Эдельман; лит. ред.: А. М. Алиев, науч. ред.: Л. Р. Додыхудоева. Хоруг, 2019б. (на язг. и тадж. яз.)

Хабиров А. *Исоб / Ҳисоб* (Счёт) (на язгулямском и таджикском языках). Науч. конс. Д. И. Эдельман; лит. ред.: А. М. Алиев, науч. ред.: Л. Р. Додыхудоева. Хоруг, 2019а. (на язг. и тадж. яз.)

References

Edelman J. I. *O edinoi nauchnoi transkriptsii dlya iranskikh yazykov* [On a unified scientific transcription for Iranian languages]. Moskva, Leningrad, 1963. (In Russ.)

Edelman J. I. *O razvitii pis'mennosti i literatury na pamirskikh yazykakh* (novye shagi) [On the development of writing and literature in the Pamir languages (new steps)]. // *Rodnoy yazyk*, 2020, 1: 6–24. (In Russ.)

Edelman J. I. *Yazgulyamskii yazyk* [Yazghulami language]. Moskva, 1966. (In Russ.)

Edelman J. I. *Yazgulyamsko-russkii slovar'* [Yazghulami-Russian dictionary]. Moskva, 1971. (In Russ.)

Edelman J. I. *O razrabotke alfavita dlya yazgulyamskogo yazyka (Pamir)* [On the development of an alphabet for the Yazghulami language (Pamir)]. Institut yazykoznaniiya RAN. 05.12.2019. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/scipop/blog/1912_edelman (In Russ.)

Khabirov A. *Sher ata rəpts* [Lion and fox]. Nauch. kons. J. I. Edelman; lit. red.: A. M. Aliev, nauch. red.: L. R. Dodykhudoeva. Khorugh, 2019a. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. *Zarbəlmasaleni zəgamigai/Zarbulmasal* [Proverbs and sayings]. Nauch. kons. J. I. Edelman; lit. red.: A. M. Aliev, nauch. red.: L. R. Dodykhudoeva. Khorugh, 2019g. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. *Chistonaθ / Chistonho* [Puzzles]. Nauch. kons. J. I. Edelman; lit. red.: A. M. Aliev, nauch. red.: L. R. Dodykhudoeva. Khorugh, 2019b. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. *Isob / Hisob* [Counting]. Nauch. kons. J. I. Edelman; lit. red.: A. M. Aliev, nauch. red.: L. R. Dodykhudoeva. Khorugh, 2019b. (In Yazghulami and in Tajik)

Luqoi inçil / Luqoi Inçil. Moskva, 2001. (In Yazghulami)

Proekty alfavitov pamirskikh yazykov, razrabotannye Otdelom pamirovedeniya Pamirskoi bazy AN Tadzhijskoi SSR [Projects of the alphabets of the Pamir languages, developed by the Department of Pamir Studies of the Pamir Base of the Academy of Sciences of the Tajik SSR]. Khorog, 1989. (In Russ.)

Эдельман Джой Иосифовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Edelman Joy Iosifovna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
joy.edelman@gmail.com

Додыхудоева Лейли Рахимовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Dodykhudoeva Leyli Rahimovna
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
leiladod@yahoo.com

***О сакральном и художественном:
сравнение перевода Библии
и «Хроник Нарнии» на тувинский язык
The sacred and the literary:
On translating the Bible and Narnia into Tuvan***

В. Войнов

V. Voinov

В настоящей статье предлагается краткое сопоставление проблем, возникших при переводе Библии и «Хроник Нарнии» на тувинский язык. Многие из проблем схожи — такие как необходимость разработки системы терминов, разрешение культурного несоответствия между исходным текстом и языком перевода, а также учет ожиданий аудитории. Некоторые существенные различия включают уровень сложности в понимании смысла оригинального текста и степень свободы переводчика при переводе священного и художественного текста.

Ключевые слова: литературный перевод, тувинский язык, доместикация, Библия, Нарния, К. С. Льюис

Abstract: The present article offers a brief comparison of issues encountered when translating the Bible and the Chronicles of Narnia into the Tuvan language of south Siberia. Many of the issues are similar, such as the need for developing a system of key terms, dealing with cultural mismatch between the source text and recipient language, and taking into account audience expectations. Some significant differences include the level of difficulty in understanding the meaning of the original text and the degree of freedom a translator has in translating sacred versus non-sacred text.

Key words: literary translation, Tuvan, domestication, Bible, Narnia, C. S. Lewis

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-1-125-139

Может ли у переводчиков после завершения многолетнего проекта по переводу Библии быть столь же значимая работа? Это серьезный вопрос, с которым, вероятно, в какой-то момент сталкиваются все, кто занимается переводом Библии. Значение перевода Священного Писания на родной язык для языкового сообщества огромно. Но обязана ли переводческая группа по какому-то неписаному правилу христианской скромности навсегда сложить руки, как только проект по переводу Библии завершен? В данной статье я даю отрицательный ответ на последний вопрос. Как опытным специалистам в области перевода, нам все еще есть, что предложить сообществу, говорящему на языке, на который мы переводили Священное Писание¹.

Когда консультант по переводу Ветхого Завета на тувинский язык спросил нашу переводческую группу, чем мы займемся после завершения труда над Библией², мы ответили: «Будем работать над переводом других книг, естественно». Его реакция была обнадеживающей: «Да, это действительно кажется логичным следующим шагом. Если ваша группа накопила такой большой переводческий опыт, это вполне разумное продолжение».

В данной статье я показываю, как такая смена деятельности прошла в случае тувинской переводческой группы, которая после публикации тувинской Библии решила не бросать многолетние совместные труды, а, наоборот, переориентироваться и начать работу над переводом на тувинский язык детской литературы на христианскую тематику. Мы начали с того, что вошли в проблематику, опубликовав несколько коротких детских книг, после чего решили поставить перед собой высокую цель — перевод «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса.

¹ Данная статья является сокращенным и переработанным переводом англоязычной статьи, публикация которой ожидается в 2022 г.

² Об этом переводе см. [Мижит 2016]. Библию на тувинском языке можно найти по ссылке: ibt.org.ru/ru/media?id=TVN

Можно сказать, что многотомная серия «Нарния» стала классикой детской литературы на Западе сразу после издания в 1950-х гг. Семь книг серии рассказывают о захватывающих приключениях английских детей в волшебной стране Нарния и в то же время содержат глубокие аллегории библейских истин. Христианские элементы в серии «Нарния» представлены таким образом, что они не оскорбляют даже ярых приверженцев буддизма или шаманизма (основных религий в Туве) и могут также служить мостом к пониманию основ христианской веры для неверующих. «Хроники Нарнии» уже переведены примерно на 50 языков, и по мотивам книг выпущено три голливудских фильма. Эти фильмы, которые также были в прокате в кинотеатрах по всей России и в Туве, пробудили интерес к «Нарнии» у какой-то части тувинского населения. Пользуясь тем, что «Нарния» была на гребне кинематографической популярности, наша переводческая группа перевела на тувинский язык первые три книги серии: «Лев, колдунья и платяной шкаф» (далее ЛКП) в 2009 году, «Принц Каспиан» (далее ПК) в 2010 году и «Покоритель Зари, или Плавание на край света» (далее ПЗ) в 2011. Ссылки на сайт, с которого можно скачать эти переводы, даны в конце этой статьи.

Сходства между переводом Библии и «Хроник Нарнии»

Рассмотрим сначала некоторые сходства между нашей работой по переводу Библии и работой над серией «Нарния». Также можно обратить внимание на два взаимосвязанных вопроса:

- 1) как перевод Библии подготовил переводчиков к дальнейшей работе над «обычной» (т. е. небиблейской) литературой;
- 2) чему переводчики Библии могут научиться в процессе перевода «обычной» литературы.

1. Литературные сходства

И Библия, и серия «Нарния» представляют собой литературные произведения с большой степенью интертекстуальности и взаимозависимости между их составными частями. И там, и там используется живое повествование, чтобы представить учение о духовном мире и отношениях человека с Богом (хотя нельзя утверждать, что каждый элемент или даже большинство элементов в книгах о Нарнии имеют доктринальный характер).

2. Языковая картина мира

Оба произведения содержат представления о мире, довольно далекие от культуры тувинского народа. Эта «дистанция» ставит переводчика перед серьезными препятствиями, которые необходимо преодолеть — следуя, где возможно, стратегии доместикации — для того, чтобы перевод был понятным и актуальным для читателя.

Работая с Библией, переводчики всегда должны были иметь в виду различия в материальной культуре между древним средиземноморским обществом, с одной стороны, и обществом современной Тувы — с другой³. Эти различия были наиболее ощутимы при попытке адекватно представить такие вещи, как: стоимость зерна, масла и вина, являющихся основными продуктами питания в средиземноморском мире; структура древнего города с его стенами, башнями и воротами; различные единицы измерения (например, эфы, таланты, хины) и т. д. Трудности перевода, вызванные такими различиями в материальной культуре, вероятно, в определенной степени ощущаются переводчиками Библии на большинство языков.

³ Хотя разница в эпохах (древней и современной) тоже иногда создавала трудности при переводе, временная дистанция, по-видимому, не так существенна для тувинских читателей Библии, как для западноевропейских читателей. Вероятно, это связано с тем фактом, что тувинцы до недавнего времени придерживались традиций предков и что их кочевой скотоводческий образ жизни имеет много общего с образом жизни древних евреев.

При переводе «Нарнии» тувинский переводчик Н. Ш. Куулар — народный писатель Республики Тува, основной переводчик Библии на тувинский язык — имел дело с тремя разными культурными, лингвистическими и мировоззренческими системами, которые потенциально могли затруднить понимание читателем текста или вызвать неправильную эмоциональную реакцию на него. Было необходимо осознать различия между этими системами, чтобы максимально повысить качество перевода на тувинский язык.

2.1 Русская культура и язык

С тех пор как Тува официально присоединилась к Советскому Союзу в 1944 году, тувинцы видят внешний мир («за Саянами») в основном через призму российских СМИ и культуры. Из-за этого тувинцы в целом привыкли заимствовать русские слова для выражения многих новых понятий, с которыми они сталкиваются в настоящее время (как абстрактных, так и физических). Однако новые слова не всегда входят в язык гладко: несмотря на то что какие-то русские слова свободно заимствуются некоторыми носителями тувинского языка, нет гарантии, что все или даже большинство других членов тувинского языкового сообщества знают значение заимствуемого слова.

Перевод «Нарнии» на тувинский язык был осуществлен с русского перевода (и затем отредактирован согласно английскому первоисточнику). В ЛКП переводчик решил использовать русский термин для обозначения нафталина в отрывке, где дети Певенси входят в волшебный шкаф, и пояснить это заимствование в сноске, так как многие читатели не поняли бы, что означает это слово (нафталин, по видимому, гораздо более употребляем в быту английских домов, чем тувинских). В то же время мы понимали, что приводить сноску, касающуюся такого бытового вопроса, в детской книге — не самый лучший способ добиться легкости восприятия среди юных читателей. Возможно, что нашей переводческой группе следовало бы приложить боль-

ше усилий, чтобы пересказать этот отрывок и не включать в перевод малоизвестное русское слово или сноску к нему⁴.

2.2 Британская культура и английский язык

К. С. Льюис сам был из Великобритании, и дети, о приключениях которых рассказывается в серии «Нарния» — англичане. Хотя время, в которое происходят события (1940–1950-е гг.), гораздо ближе к современности, чем события, описанные в Библии, во многих отношениях контраст между британской и тувинской культурой все еще довольно велик. Многие элементы, типичные для повседневной жизни в Англии, отнюдь не сразу понятны тувинским читателям. Например, в ЛКП Люси радуется, что можно перекусить жареным хлебом, т. е. тостом, за чаем с мистером Тумнусом. Эту положительную эмоциональную реакцию со стороны Люси трудно донести до тувинского читателя, не адаптировав конкретные блюда на столе мистера Тумнуса таким образом, чтобы они звучали аппетитно для тувинцев. В первых главах ПК упоминается несколько цветов (маргаритки, рододендроны), которые типичны для английской сельской местности, но которые многие тувинцы никогда не видели и о которых даже не слышали, потому что они не растут повсеместно в Туве. Если не «переработать» перевод этих реалий, они могут затруднить адекватное восприятие текста читателем.

Более серьезной проблемой в переводе ЛКП на тувинский оказалось значение, придаваемое рассказчиком празднику Рождества. Часть заклинания Белой колдуньи над Нарнией заключается в том, что здесь всегда зима, но никогда не наступает Рождество. Одним из первых признаков ослабления ее власти — приход Father Christmas (эквивалент русского Деда Мороза) и раздача детям Певенси подарков. Праздник Рождества стал важным элементом анг-

⁴ Так, например, мы передали русское слово «малиновка» (‘go-bin’), которое встречается в шестой главе ЛКП. Поскольку эта птица не часто встречается в экосистеме Тувы, мы решили сделать тувинский референт более общим («красивая маленькая птичка»), чем более узкие английские и русские термины.

лийской культуры с тех пор, как Британские острова были обращены в христианство много веков назад, но в Туве, как и во всей современной России, главным зимним праздником для большинства людей является не Рождество, а Новый год. Хотя тувинцы продолжают отмечать традиционный китайский Новый год (*Шагаа*) по лунному календарю, обычно в феврале, они также приняли празднование 1 января после присоединения к Советскому Союзу в середине XX в. Поэтому тувинские дети ждут подарков от Деда Мороза (*Соок ирей*) на Новый год. Тувинцы знают, что Рождество празднуют русские православные христиане 7 января — а некоторые евангельские христиане 25 декабря по григорианскому календарю, — но оно не вызывает у них положительной эмоциональной реакции, подобной той, которую с К. С. Льюисом разделяли его англоязычные читатели.

В русском тексте ЛКП, который наш переводчик взял как основу для своего перевода на тувинский язык, был сохранен прямой перевод слова «рождество». Но на тувинском языке, из-за отсутствия давней христианской традиции в культуре, это понятие передается довольно громоздким переводом — *Христостун, төрүттүнген хүнү* ‘день рождения Христа’. После некоторых размышлений мы решили заменить его в тувинском тексте на гораздо более понятное *Чаа чыл* ‘Новый год’. Ожидалось, что это вызовет более положительную эмоциональную реакцию у тувинской читательской аудитории, чем буквальный перевод слова «рождество».

2.3 Греко-римская и скандинавская мифология

Хотя европейская мифология изучается тувинскими детьми в школе, конкретные мотивы и мифологические существа (подробнее об этом см. ниже в 2.3) не являются частью их когнитивного фона, как это было для первоначальной аудитории К. С. Льюиса — английских и американских детей середины XX в. В то же время, тогда как для западных читателей эта мифология полностью исключена из концептуальной сферы «реальной жизни», для тувинских читате-

лей общая идея духов, населяющих физический мир, гораздо больше соответствует их шаманскому мировоззрению.

3. Ключевые термины

Перевод часто встречающихся ключевых терминов должен был проводиться систематически как в Библии, так и в «Нарнии», и некоторые ключевые термины были введены как неологизмы. В тувинской Библии термины, которые вызывали наибольшие трудности, были связаны либо с областью абстрактных понятий (таких как «совершенство»), радикально отличающейся материальной культурой (например, «винный пресс»), либо с культурными или религиозными практиками, не имеющими аналогов в традиционной тувинской культуре (например, кровавое жертвоприношение на каменном алтаре, обрезание и крещение). В «Нарнии» главная трудность заключалась в создании терминологической системы для описания мифологических существ, с которыми сталкиваются герои книг. В русском переводе «Нарнии», который послужил базовым текстом для тувинского перевода, используется принятая транслитерация многих греческих и латинских терминов, как и в английском исходном тексте: *faun/фавн*, *satyr/сатир*, *nymph/нимфа*, *centaur/кентавр* и т. д. Тувинские дети обычно видят эти русские слова только при кратком изучении европейской мифологии в школе, поэтому неудивительно, что они не очень хорошо запоминают значение этих транслитерированных терминов и не формируют с ними никаких эмоциональных ассоциаций, таких как у русских детей с Бабой Ягой.

Поэтому тувинская переводческая группа создала простой и упорядоченный набор неологизмов, чтобы помочь нашим читателям легко понять основные качества этих мифологических существ. Фавн и сатир были объединены в категорию *кижи-хуна* ‘человек-козел’, кентавр стал *кижискыр* ‘человеком-лошадью’, а великан стал *даг-кижи* ‘чело-

веком-горой⁵. Дриады были представлены как *ыяш ээleri кыстар* ‘девушки духи-хозяева деревьев’, а наяды — как *суг ээleri кыстар* ‘девушки духи-хозяева воды’, использовались существующие тувинские термины, относящиеся к миру духов. Одним из немногих исключений из этой системы был гном, для которого мы по двум причинам решили оставить русское заимствование. Во-первых, мы не смогли ни найти существующий тувинский термин, ни придумать неологизм, достаточно краткий, чтобы передать суть этого существа. Во-вторых, русский термин используется как в буквальном, так и в метафорическом смысле достаточно широко, чтобы тувинцы, большинство из которых в той или иной степени двуязычны, были знакомы с этим словом. Тем не менее, есть сноска, объясняющая это русское заимствование при первом упоминании гномов в ЛКП.

4. Экзегетическая проверка

Поскольку перевод «Нарнии» на тувинский язык был осуществлен с русской версии текста, а не с английского первоисточника (тувинский переводчик не знает английского языка), тувинский перевод также должен был пройти процесс экзегетической (смысловой) проверки, как и Библия, хотя не с такой же степенью тщательности. С промежуточной языковой интерференцией в «Нарнии» необходимо было бороться в тех случаях, когда русский перевод значительно искажал смысл оригинала. Например, в самом конце главы 14 в ЛКП, где Белая колдунья убивает Аслана, в русский перевод вставлено дополнительное пред-

⁵ Рабочий термин для обозначения великанов *кайгамчык улуг кижии* ‘удивительно большой человек’ ранее существовал в тувинских переводах сказок других народов. Поскольку это было довольно громоздкой конструкцией, мы сочли ее непригодной для отрывков в «Нарнии», где великаны часто упоминаются или играют важную роль в повествовании. В итоге мы использовали кальку английского сложного термина *tan-mountain* ‘человек-гора’, придуманного Джонатаном Свифтом в «Путешествиях Гулливера» и ранее введенного в тувинский язык в переводе этого произведения 1950-х гг.

ложение, которого нет в английском оригинале: «Поэтому они не видели и другого — как в ответ на слова Колдуньи Аслан улыбнулся и в его глазах сверкнула радость». Неясно, что именно мотивировало вставить это добавление к русскому тексту; возможно, оно должно было сделать сцену менее ужасной для впечатлительных юных читателей. Помимо того что это дополнение является ненужным и противоречит настроению, которое Льюис пытался передать в этом отрывке, за него также можно получить обвинение в пропаганде докетизма (богословского представления о том, что страдания Христа были просто иллюзорными); поэтому оно было опущено в тувинском переводе.

5. Ясность и естественность

Стремление к ясности и естественности имело большое значение в обоих переводческих проектах. В «Нарнии» значительную трудность с точки зрения естественности представляли английские термины обращения. Потребовалось немало размышлений, чтобы такие вежливые обращения, как «мистер», «миссис» и «сэр» (используемые, например, когда дети обращаются к мистери Тумнусу и мистери миссис Бобрам), в конце концов на тувинском языке стали *Тумнус акый* ‘старшим братом Тумнусом’ и *эр Кундус, кыс Кындус* ‘Бобром самцом, Бобром самкой’. Хотя мы могли бы просто оставить транслитерированные английские термины в тувинском тексте, как это было сделано в русском переводе (существует русская литературная традиция передачи вежливых обращений при переводе английских текстов), мы решили, что, поскольку большая часть текста уже довольно далека от тувинской культуры, изменение этих обращений на более естественные для тувинцев помогло бы найти оптимальный баланс между транскulturацией и очуждением.

6. Потенциальная реакция аудитории

В обоих проектах у определенных групп читателей могли возникнуть некоторые сомнения относительно получившегося перевода. Библия не была сразу принята благо-

желательно и с большим интересом большинством тувинского населения, особенно теми, кто считает христианство русской религией, представляющей угрозу традиционной тувинской системе верований. С другой стороны, некоторые тувинские христиане с подозрением относятся к «Нарнии» из-за ее многочисленных упоминаний о духах, населяющих мир природы: большинство тувинских христиан вышли из шаманского мировоззрения и поэтому особенно настороженно относятся к мотивам, восходящим к их прежней системе верований, которую они считают вредной для своей новой христианской веры.

Различия между переводом Библии и «Хроник Нарнии»

Помимо сходства в работе, конечно, были и некоторые существенные различия, с которыми столкнулась переводческая группа в своей работе над Библией и «Хрониками Нарнии».

1. Языки-источники

Библия была написана на разных языках разными авторами, использующими разные литературные жанры, в течение тысячелетия, в то время как все повествования о Нарнии были написаны одним автором и опубликованы в течение шести лет. С литературной точки зрения это, конечно, придает серии «Нарния» гораздо большую степень однородности, чем та, которой обладает Библия, что значительно упростило задачу перевода «Нарнии».

Более того, в то время как ни один современный переводчик Библии не владеет древнееврейским, арамейским или греческим как своим родным языком, один из членов тувинской переводческой группы, которая трудилась над «Нарнией», был носителем английского языка. Это устранило необходимость в исследовании предполагаемого значения текста-источника, подобного тому, что должны делать экзегеты в проектах перевода Библии. Интуиции но-

сителя языка по большей части достаточно для проведения смысловой проверки перевода «Нарнии».

2. Читательская аудитория

«Нарния» была задумана ее автором в первую очередь для детей, хотя, тем не менее, многим взрослым нравится ее читать. Библия, с другой стороны, определено предназначалась для взрослых в качестве основной аудитории. Это означает, что переводчику «Нарнии» пришлось сознательно снизить языковой регистр, в котором он привык писать, адаптируя его к языковому регистру детей (мы выбрали 11–14 лет в качестве возраста нашей читательской аудитории). К счастью, у нашего переводчика был большой опыт в этом, поскольку в прошлом он написал несколько детских книг на тувинском языке.

3. Сакральный текст vs секулярный текст

Тот факт, что «Нарния» не является сакральным текстом, допускал гораздо более свободный перевод, чем считается возможным для Библии. Если какой-то отрывок, написанный Льюисом, казался слишком утомительным или непонятным для среднего тувинского читателя, принципы художественного перевода давали нам право сократить перевод, чтобы сделать его более доступным для читателей.

Тувинская переводческая группа договорилась, что в «Покорителе Зари» переводчик по своему усмотрению может опускать или объединять отрывки, связанные с мореплаванием, которые могут оказаться непонятными большинству тувинских читателей из-за отсутствия в их жизни таких реалий, как корабли и море. Делать это с описанием морского путешествия Павла в главе 27 Деяний апостолов, конечно, немыслимо, потому что это Священное Писание и его нельзя перерабатывать в такой степени (хотя я уверен, что многие переводчики Библии на разные языки мечтали бы пропустить этот чрезвычайно сложный отрывок или значительно сократить его!).

4. Авторское право и финансирование

Текст Библии является общественным достоянием; единственные права, которые необходимо получить издателю, — это права на карты, таблицы и другие библейские справочные материалы, созданные кем-то другим. «Хроники Нарнии», напротив, по-прежнему являются интеллектуальной собственностью наследников К. С. Льюиса, и все законное использование книг должно было быть согласовано с их агентами и оплачено.

Заключительные замечания

Работа над переводом Библии и работа над переводом «обычной» литературы во многом схожи. Этот факт нельзя упускать из виду, особенно если перевод Библии пользуется так называемым «функциональным подходом». Переводчики Библии должны учиться на опыте тех, кто работает в области художественного перевода. Для ученых, которые хотят заняться переводом Библии, неплохим решением будет сначала отточить свои навыки, переведя «обычное» литературное произведение на свой родной язык. Такой опыт является обязательным требованием для переводчиков на родной язык в проектах Института перевода Библии.

С другой стороны, когда проект перевода Библии завершен или близок к завершению, опытная переводческая группа уже обладает всеми навыками, необходимыми для работы над другими книгами. Конечно, для получения качественных переводов «обычной» литературы потребуется некоторая адаптация мыслительного процесса, но это, скорее всего, будет переход от сложного к более простому, привыкания к более свободному и естественному переводу, так как и ожидания предполагаемой читательской аудитории не такие строгие и можно не беспокоиться, чтобы каждая мелкая деталь была «правильной».

Я надеюсь, что эта статья вдохновит опытных переводчиков Библии, которые, возможно, готовятся сменить сферу деятельности после завершения своего библейского

проекта, рассмотреть возможность продолжения литературной работы над другими важными книгами на благо своего языка. Кто знает, может быть радость от соприкосновения с «Хрониками Нарнии» вслед за английскими, русскими и тувинскими детьми ждет будущие поколения читателей на других миноритарных языках России.

Литература

Льюис К. *Арзылаң, Ак кадай болгаш хеп шкавы* (Лев, колдунья и платяной шкаф, в переводе на тувинский язык). Новосибирск, 2009. www.academia.edu/35823307

Льюис К. *Каспиан тажы* (Принц Каспиан, в переводе на тувинский язык). Новосибирск, 2010. www.academia.edu/35823349

Льюис К. *Даң хаязының уткукчузу, азы: Чер-делегей кыдыынче эжиндиришскин* (Покоритель Зари, или Плавание на край света, в переводе на тувинский язык.) Новосибирск, 2011. www.academia.edu/35823379

Мижит Л. С. Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // *Родной язык*, 2016, 1(4): 141–155.

References

Lewis C. S. *Arzylan, ak kadaj bolgaš xep škavy* [The Lion, the Witch and the Wardrobe, in the Tuvan language]. Novosibirsk, 2009. www.academia.edu/35823307

Lewis C. S. *Kaspian tažy* [Prince Caspian, in the Tuvan language]. Novosibirsk, 2010. www.academia.edu/35823349

Lewis C. S. *Daň xajaazynyň utkukčuzu, azy: Čer-delegetej kydyynče ežindiriškin* [The Voyage of the Dawn Treader, in the Tuvan language]. Novosibirsk, 2011. www.academia.edu/35823379

Mizhit L. S. Perevod Biblii na tuvinskiy yazyk: obogashchenie leksicheskogo sostava tuvinskogo literaturnogo yazyka Bible [Translation into Tuvan: enrichment of the lexical com-

position of the Tuvan literary language] // *Rodnoy yazyk*, 2016, 1(4): 141–155.

Войнов Виталий
Институт перевода Библии
Москва, Россия
Vitaly Voinov
Institute for Bible Translation
Moscow, Russia
v_voinov@ibt.org.ru

***Весенняя школа по сохранению,
развитию и возрождению языков
Spring School for the preservation,
development and revitalization of languages***

DOI: 10.37892/2313-5816-2022-1-140-150

В конце апреля этого года в Институте языкознания РАН прошла «Весенняя школа по сохранению, развитию и возрождению языков». Организатором этого мероприятия выступил Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России, который открылся в конце мая 2021 года. Сотрудники центра занимаются разработкой методик и рекомендаций для реализации Программы сохранения и возрождения языков России [Kibrik 2021]. Обоснование необходимой нормативно-правовой, организационной и финансовой поддержки реализации мероприятий Программы см. в [Замятин 2021].

В центре ведется работа по уточнению списочного состава языков России и их состояния. Существуют две основные проблемы при составлении списка языков России. Первая, традиционная, касается разграничения языка и диалекта. Вторая проблема касается того, какие языки можно считать языками именно России. Для каждой из проблем разрабатывался свой набор критериев (см. [Давидюк, Евстигнеева, Сюрюн 2021]). Для оценки состояния языков была предложена система из нескольких десятков параметров, каждый из которых оценивался по числовой шкале. Это дает возможность детально оценить состояние и жизнеспособность каждого языка с перспективой обнаружения потенциала его развития в соответствии с тем или иным параметром (см. [Иванов, Каде, Харитонов 2021]). В 2021 году на базе центра проводились пилотные проекты по сохранению трех языков (нанайского, мансийского и

нивхского), имеющих разный социолингвистический статус (см. [Груздева, Жорник, Харитонов 2021]).

Кроме того, уже больше года составляется подробный перечень российских и зарубежных практик сохранения, возрождения и развития языков с их детальным описанием. С помощью собранных данных можно подбирать наиболее подходящие практики и методики для сохранения языков, функционирующих в разных языковых экологиях (см. [Винклер, Павлова 2021], [Корнев 2021]). Разрабатываются методики оценки эффективности этих практик, а также организационные, финансовые и правовые аспекты их реализации.

На данном этапе исследуются социальные, когнитивные и эмоциональные аспекты, влияющие на отношение к сохранению языка и мотивацию для его изучения. Формируются теоретическая база и методическое описание принципов повышения престижа языка, а также восстановления и сохранения межпоколенческой передачи языка естественным путем. Проводится анализ и систематизация лингвистических онлайн-инструментов.

Еще одним направлением работы центра является документация языков России, находящихся на грани исчезновения. Разрабатываются принципы документации с учетом запроса языкового сообщества и возможности ревитализации языка. Был проведен обзор задокументированности 48 идиомов России (см. [Аралова, Будянская, Сюрюн 2021]), и запущено несколько документационных проектов по его итогам: уильтинского, сойотского, хамниганского и науканского языков, а также анклухского и амухского вариантов даргинского языка.

Для реализации Программы сохранения и возрождения языков России необходимо взаимодействие заинтересованных участников процесса, благодаря которому можно узнавать, что делается в этом направлении в разных уголках России и в других странах, опираться на опыт других людей, обсуждать и находить решения для возникающих вопросов и поддерживать друг друга на этом пу-

ти. Сотрудники Научного центра считают, что, для того чтобы такое общение стало возможным, необходимо проводить различные мероприятия по данной тематике, направленные на широкую аудиторию. Так, 15 апреля в сотрудничестве с Карельской региональной общественной организацией «Дом карельского языка» был организован онлайн-семинар «Языковое гнездо. Создаем и работаем»¹.

Через неделю после этого, с 22 по 24 апреля 2022 года, Научный центр провел «Весеннюю школу по сохранению, развитию и документации языков». Школа проходила в онлайн-формате и была посвящена социолингвистическим вопросам, практикам сохранения и методам документации языков. Участие в Школе приняли языковые активисты, студенты гуманитарных специальностей, учителя родных языков, профессиональные лингвисты, а также другие интересующиеся современными методами работы с исчезающими языками, практиками возрождения и поднятия престижа языка. Организаторы получили более 350 заявок, в которых участники указали более 40 языков России, представляющих для них интерес. Непосредственно в Школе приняли участие около 100 человек. Все три дня были очень насыщенными. Лекции и практические семинары провели как сотрудники Научного центра, так и приглашенные докладчики: специалист по развитию многоязычия Википедии Амир Аарони, кубачинский языковой активист Шамиль Магомедович Абакаров и нанайская языковая активистка Татьяна Александровна Моложавая.

Программа Школы состояла из трех блоков: первый день (22 апреля) был посвящен языковой ситуации и языковому планированию, во второй день (23 апреля) говорилось о конкретных практических направлениях работы для улучшения социолингвистической ситуации, а в третий день (24 апреля) речь шла о языковой документации.

В первый день после приветственного слова и открытия Школы Е. Ю. Груздева и Д. О. Жорник провели занятие

¹ Доступна полная запись семинара. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLMlxxldt8fIocNwDrm8D1aACyajtKedW>

на тему «Как оценить языковую ситуацию?». Лекторы познакомили слушателей с различными параметрами социолингвистической оценки: количество говорящих, наличие коммуникации на языке, насколько сохраняется межпоколенческая передача языка. Основываясь на этих параметрах, Е. Ю. Груздева и Д. О. Жорник представили типологию языковых ситуаций на примерах различных языков России, а также предложили участникам оценить ситуацию с интересующими их языками. Кроме того, были рассмотрены такие параметры, как задокументированность языка, использование его в сфере образования и в сфере информационных технологий, наличие контента на языке и общественной деятельности.

На втором занятии М. А. Каде и В. С. Харитонов рассказали о том, как можно улучшить языковую ситуацию, как, оценив состояние языка, найти «точки роста» и использовать их потенциал. На конкретных примерах они показали, какой деятельностью может заниматься языковой активист, какие меры по поддержке языка могут оказаться приоритетными при языковом планировании.

Третье занятие было посвящено методам и практикам сохранения и возрождения языков. М. Э. А. Винклер, Т. В. Корнев, О. М. Павлова и А. С. Федоринчик рассказали о различных сферах, в которых могут применяться практики ревитализации языка, остановившись на некоторых подробнее. Для сферы образования были описаны языковые гнезда и языковые лагеря. В сфере контента были рассмотрены переводы фильмов и мультфильмов. Для сферы культуры и социума лекторы привели примеры использования языка в языковом ландшафте.

Четвертое и последнее в этот день занятие провели Т. И. Давидюк, К. Ю. Замятин и О. М. Павлова. Т. И. Давидюк рассказала о том, что отношение к языку можно оценить методом прямого анкетирования, включенного наблюдения или анализа социокультурного контекста. На отношение к языку можно влиять, и его важно учитывать при языковом планировании, потому что необходимые для

сохранения и развития языка условия связаны с положительным отношением к нему. От К. Ю. Замятина слушатели узнали, что такое языковое планирование и как устроена языковая политика в России. О. М. Павлова раскрыла секреты того, как получить финансирование на развитие своего проекта через грантовую поддержку или краудфандинг.

Во второй день большое внимание было уделено практическим советам по созданию языковых материалов и работе с ними. Первое занятие, посвященное видеоблогам, В. С. Харитонов провел в формате интервью. В. В. Иванов, А. А. Сюрюн и Ш. М. Абакаров рассказали о своем творчестве: как они начали вести свой блог, с какими трудностями столкнулись, как их преодолели и что, по их мнению, дает человеку ведение блога на своем языке.

На следующем занятии рассказывалось о том, как можно использовать социальные сети для продвижения языков. В. С. Харитонов представил возможности социальных сетей Вконтакте и Одноклассники, платформы Youtube, а также мессенджеров Telegram и WhatsApp. А. П. Евстигнеева познакомила слушателей с общими принципами составления контент-плана. М. Э. А. Винклер рассказала о том, как продвигать свой аккаунт, и о том, как сделать рассылку Вконтакте.

На третьем занятии под чутким руководством А. А. Воронковой участники нарисовали свои собственные комиксы на интересующих их языках. Комиксы являются одной из увлекательных языковых практик, которая подходит абсолютно всем.

Четвертое занятие было посвящено такому типу языкового контента, как мультфильмы. В. С. Харитонов поделился своим опытом создания мультфильмов с нуля, а также рассказал о возможностях как любительского, так и профессионального перевода уже снятых мультфильмов.

На пятом занятии Е. Ю. Груздева рассказала о методике «Мастер-ученик». В ее основе лежат неформальные занятия, во время которых старшие компетентные носители языка обучают своему языку представителей более

молодого поколения. Каждый ученик, изучающий язык, получает языкового мастера, с которым он регулярно встречается, занимается повседневными делами или традиционными видами деятельности. В ходе этих встреч при общении с самого начала используется только изучаемый язык. Занятия могут проходить в любой форме и в любых условиях и основываются на методе полного языкового погружения. Участники школы могли наблюдать пример такого занятия на нанайском языке в прямом эфире: трансляция из села Дада Нанайского района Хабаровского края была организована В. С. Харитоновым. В роли мастера это занятие провела Т. А. Моложавая. В уютной обстановке Дома нанайского языка она показывала и объясняла ученикам по-нанайски, как замешивать тесто для блинов.

На шестом занятии А. С. Федоринчик говорил о роли преподавания языка, об особенностях освоения языка в детстве и в старшем возрасте, а также о различных методиках и подходах к изучению языка.

Седьмое занятие было посвящено переводу Википедии на многие языки. В реальном времени А. Аарони, один из программистов Википедии, показал, как работает специальный интерфейс с автоматическим переводом, которым можно пользоваться при создании новых статей.

Третий день Школы был посвящен вопросам документации исчезающих языков. На вступительном занятии Н. Б. Аралова рассказала о том, что такое документация, об истории и перспективах этого направления и почему оно так бурно развивается в последнее время. Дальнейшая программа была построена в соответствии с этапами, которые обычно имеют в виду лингвисты при планировании проекта по языковой документации.

На втором занятии участники Школы узнали, какой языковой материал обычно собирают лингвисты и какие материалы могут помочь возрождению и поддержке языка. Кроме того, А. А. Сюрюн дала рекомендации, какие дополнительные параметры необходимо иметь в виду при

сборе языкового материала, чтобы максимально полно отразить использование языка.

На третьем занятии Д. О. Жорник рассказала о технических нюансах, которые важно учитывать при записи звучащей речи: выборе оборудования, особенностях записи аудио и видео на телефон, типах шумов и способах их минимизации, распространенных ошибках в ходе аудио- и видеозаписи.

На четвертом занятии участники узнали, что помимо собственно языкового материала лингвисты обычно записывают социолингвистическую информацию, например детали языковой биографии респондента. Е. М. Будянская также обратила внимание на то, что необходимо получать информированное согласие респондентов на участие в исследовании.

Следующее занятие было посвящено анализу собранного в результате документации материала. Н. Б. Аралова вкратце обсудила вопросы транскрипции и подготовку раскладки для набора транскрипции, а также познакомила слушателей с несколькими программами, помогающими лингвистам в анализе языкового материала: ELAN, FieldWorks, Audacity и Praat.

Шестое занятие было практическим. Участники Школы сделали первые шаги в освоении программы для аннотации медиафайлов ELAN. Вместе с Н. Б. Араловой они научились создавать новый файл и строки для аннотации речи нескольких участников, а затем снабжать звучащую речь транскрипцией и переводом. Кроме того, участники смогли экспортировать перевод для создания субтитров к видеофайлу.

На седьмом занятии А. П. Евстигнеева рассказала, как могут использовать данные, полученные в результате документации, исследователи, педагоги, языковые активисты и разработчики онлайн-инструментов по языкам России.

Последнее занятие, проведенное Е. М. Будянской, было посвящено некоторым практическим рекомендациям относительно того, как можно организовать хранение данных в процессе работы и по окончании конкретного проекта.

Школа завершилась теплыми словами со стороны как организаторов, так и участников. Несмотря на то что это мероприятие было задумано в практическом ключе, на занятиях было также много теоретической информации о проблематике сохранения языков. На сайте Школы по адресу <http://mnogo.yaz.tilda.ws> доступны видеозаписи занятий и дополнительные материалы к ним: презентации и списки рекомендованной литературы. Можно сказать, что тематика Школы оказалась востребованной и актуальной и получила живой отклик. Было много желающих более глубоко изучать отдельные темы. В будущем Научный центр планирует организовывать и другие подобные мероприятия.

Литература

Аралова Н. Б., Будянская Е. М., Сюрюн А. А. Оценка документации языков России, находящихся под угрозой исчезновения // *Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc7.pdf

Винклер М. Э. А., Павлова О. М. Российские практики сохранения, возрождения и развития языков // *Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc3.pdf

Жорник Д. О., Харитонов В. С., Груздева Е. Ю. Адаптация мировых практик к специфике языковых, культурных и социальных ситуаций России через запуск пилотных проектов по сохранению трех языков, имеющих разный социолингвистический статус // *Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc5.pdf

Сюрюн А. А., Давидюк Т. И., Евстигнеева А. П. Уточнение списочного состава языков России // *Итоговые документы,*

подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России», 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc1.pdf

Замятин К. Ю. Обоснование необходимой финансовой, нормативно-правовой и организационной поддержки реализации мероприятий Программы сохранения и возрождения языков народов России (2021–2022 гг.) // *Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc6.pdf

Харитонов В. С., Иванов В. В., Каде М. А. Состояние языков России // *Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc2.pdf

Корнев Т. В. Зарубежные практики сохранения, возрождения и развития языков // *Итоговые документы, подготовленные в ходе научно-исследовательской работы «Разработка плана и методик сохранения и возрождения языков России»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc4.pdf

Kibrik A. A. A Program for the Preservation and Revitalization of the Languages of Russia // *Russian Journal of Linguistics*, 2021, 25(2): 507–527.

References

Aralova N. B., Budyanskaya E. M., Syuryun A. A. Otsenka dokumentatsii yazykov Rossii, nakhodyashchikhsya pod ugrozoy ischeznoveniya [Evaluation of documentation of endangered languages of Russia] // *Itogovye dokumenty, podgotovlennyye v khode nauchno-issledovatel'skoy raboty «Razrabotka plana i metodik sokhraneniya i vrozozhdeniya yazykov Rossii»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc7.pdf (In Russ.)

Kharitonov V. S., Ivanov V. V., Kade M. A. Sostoyaniye yazykov Rossii [The state of the languages of Russia] // *Itogovye doku-*

menty, podgotovlennye v khode nauchno-issledovatel'skoy raboty «Razrabotka plana i metodik sokhraneniya i vrozozhdeniya yazykov Rossii», 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc2.pdf (In Russ.)

Kibrik A. A. A Program for the Preservation and Revitalization of the Languages of Russia // *Russian Journal of Linguistics*, 2021, 25(2): 507–527.

Kornev T. V. Zarubezhnye praktiki sokhraneniya, vrozozhdeniya i razvitiya yazykov [Foreign practices of preservation, revival and development of languages] // *Itogovye dokumenty, podgotovlennye v khode nauchno-issledovatel'skoy raboty «Razrabotka plana i metodik sokhraneniya i vrozozhdeniya yazykov Rossii»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc4.pdf (In Russ.)

Syuryun A. A., Davidyuk T. I., Evstigneeva A. P. Utochnenie spisochnogo sostava yazykov Rossii [Clarification of the list of Russian languages] // *Itogovye dokumenty, podgotovlennye v khode nauchno-issledovatel'skoy raboty «Razrabotka plana i metodik sokhraneniya i vrozozhdeniya yazykov Rossii»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc1.pdf (In Russ.)

Vinkler M. E. A., Pavlova O. M. Rossiyskie praktiki sokhraneniya, vrozozhdeniya i razvitiya yazykov [Russian practices for the preservation, revival and development of languages] // *Itogovye dokumenty, podgotovlennye v khode nauchno-issledovatel'skoy raboty «Razrabotka plana i metodik sokhraneniya i vrozozhdeniya yazykov Rossii»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc3.pdf (In Russ.)

Zamyatin K. Yu. Obosnovanie neobkhodimoy finansovoy, normativno-pravovoy i organizatsionnoy podderzhki realizatsii meropriyatiy Programmy sokhraneniya i vrozozhdeniya yazykov narodov Rossii (2021–2022 gg.) [Justification of the necessary financial, regulatory and organizational support for the implementation of the activities of the Program for the Preservation and Revival of the Languages of the Peoples of Russia (2021–2022)] // *Itogovye dokumenty, podgotovlennye v khode nauchno-issledovatel'skoy raboty «Razrabotka plana i metodik sokhrane-*

niya i vrozozhdeniya yazykov Rossii», 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc6.pdf (In Russ.)

Zhornik D. O., Kharitonov V. S., Gruzdeva E. Yu. Adaptatsiya mirovykh praktik k spetsifike yazykovykh, kul'turnykh i sotsial'nykh situatsiy Rossii cherez zapusk pilotnykh proektov po sokhraneniyu trekh yazykov, imeyushchikh raznyy sotsiolingvisticheskiy status [Adaptation of world practices to the specifics of the linguistic, cultural and social situations in Russia through the launch of pilot projects to preserve three languages with different sociolinguistic status] // *Itogovye dokumenty, podgotovlenye v khode nauchno-issledovatel'skoy raboty «Razrabotka plana i metodik sokhraneniya i vrozozhdeniya yazykov Rossii»*, 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/2021_stage1/doc5.pdf (In Russ.)

Аралова Наталия Борисовна
Кильский университет имени Кристиана Альбрехта,
Киль, Германия
Aralova Natalia Borisovna
Christian-Albrecht University of Kiel
Kiel, Germany
n.aralova@gmail.com

Будянская Елена Михайловна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Budyanskaya Elena Mikhaylovna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
budyanskaya.lena@iling-ran.ru

Евстигнеева Анастасия Павловна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Evstigneeva Anastasia Pavlovna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
a.evstigneeva@iling-ran.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 30.06.2022
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 7,88
Бумага офсетная. Гарнитура «Noto»
Тираж 80 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»